

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Волгоградский государственный
социально-педагогический университет»

На правах рукописи

Голодова Елизавета Юрьевна

**Рыцарский кодекс поведения: динамика лингвокультурных
ценностей (на материале английского языка)**

10.02.19 – теория языка

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор В. И. Карасик

Волгоград – 2015

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Рыцарский кодекс поведения как предмет лингвокультурного анализа	8
1.1. Рыцарь как лингвокультурный типаж	12
1.1.1. Историко-культурные характеристики лингвокультурного типажа «рыцарь» в Средневековой Англии	13
1.1.2. Дефиниционный анализ лингвокультурного типажа «рыцарь»	17
1.1.3. Образно-перцептивные характеристики лингвокультурного типажа «рыцарь»	27
1.2. Лингвокультурное моделирование ценностей в рыцарской культуре	45
1.3. Методика изучения динамики ценностей рыцарского кодекса поведения	62
Выводы к главе 1	78
Глава 2. Динамика ценностных характеристик рыцарского кодекса поведения в англоязычном мире	80
2.1. Осмысление рыцарского кодекса поведения на современном этапе развития англоязычного мира	80
2.2. Концептуализация чести в рыцарском кодексе поведения	85
2.2.1. Моделирование концепта «честь» в рыцарской картине мира	86
2.2.2. Моделирование концепта «честь» в современном англоязычном мире	106
2.3. Концептуализация веры в рыцарском кодексе поведения	115
2.3.1. Моделирование концепта «вера» в рыцарской картине мира	116
2.3.2. Моделирование концепта «вера» в современном англоязычном мире	131
2.4. Концептуализация куртуазности в рыцарском кодексе поведения	137
2.4.1. Моделирование концепта «куртуазность» в рыцарской картине мира	137
2.4.2. Моделирование концепта «куртуазность / вежливость» в современном англоязычном мире	151
Выводы к главе 2	167
Заключение	169
Библиография	173

Введение

Данная работа выполнена в русле лингвокультурологии и посвящена изучению ценностей в английской лингвокультуре. **Объектом** исследования является рыцарский кодекс поведения, в качестве **предмета** изучения рассматривается динамика лингвокультурных ценностей, образующих данный кодекс.

Актуальность данного исследования обусловлена следующими моментами: 1) изучение ценностей, определяющих лингвокультуру, является одним из приоритетных направлений развития антропологической лингвистики, вместе с тем характеристики таких ценностей применительно к определенным типажам разработаны в науке о языке еще недостаточно; 2) ценности рыцарской культуры существенным образом определяют английскую картину мира, однако специфика их содержания и выражения в языке и речи требует дальнейшего изучения; 3) изучение лингвистически релевантной динамики ценностей дает возможность охарактеризовать культурные доминанты общества, отраженные в языке.

В основу выполненной работы положена следующая **гипотеза**: ценности рыцарской культуры образуют систему, в центре которой находятся определенные концепты; эти концепты обладают социокультурной спецификой; их выделение и описание может быть объективно выполнено с помощью специальных методов анализа; эти концепты определенным образом трансформируются во времени.

Целью исследования является изучение динамики ценностей рыцарского кодекса поведения. Для выполнения этой цели решаются следующие задачи:

- 1) определить конститутивные признаки рыцарского кодекса поведения;
- 2) выявить языковые и речевые способы обозначения и выражения ценностей, определяющих рыцарский кодекс поведения в английской лингвокультуре;

3) охарактеризовать динамику ценностей, составляющих рыцарский кодекс поведения применительно к английскому языковому сознанию и коммуникативному поведению.

Материалом для исследования послужили художественные и публицистические тексты общим объемом около 2000 единиц, тексты Британского национального корпуса (BNC) общим объемом около 6000 единиц, данные толковых словарей английского языка, этимологических и энциклопедических словарей, статьи интернет сайтов (около 100 статей), посвященные интересующей нас проблеме, а также данные, полученные в результате опроса информантов. В качестве единицы исследования рассматривался текстовый фрагмент, в котором была обозначена та или иная ценность рыцарского кодекса поведения.

В работе использовались следующие **методы**: понятийное моделирование; этимологический, дефиниционный, интерпретативный анализ; анкетный опрос; анализ коротких сочинений, написанных информантами; интроспекция, количественный подсчет.

Научная новизна выполненной работы состоит в характеристике рыцарского кодекса поведения как объекта лингвистического анализа, в выявлении и описании языковых и речевых признаков основных концептов, составляющих этот кодекс на материале английского языка («честь», вера», «куртуазность»), в определении важнейших изменений в осмыслении ценностей рыцарского поведения во времена Средневековья и в наше время.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что данное исследование вносит вклад в развитие аксиологической лингвистики, характеризуя ценности рыцарской культуры и уточняя их специфику в лингвистическом аспекте.

Практическая ценность выполненного исследования заключается в возможности использования полученных результатов в курсах языкознания, лексикологии английского языка, межкультурной коммуникации, в спецкур-

сах по лингвокультурологии, лингвоаксиологии, лингвоконцептологии, теории лингвокультурных типажей.

Степень научной разработанности проблемы. Рыцарский кодекс поведения неоднократно становился объектом изучения. Представляя собой исторический феномен, относящийся к эпохе Средневековья, этот кодекс в первую очередь привлекает к себе внимание историков (Й. Хёйзинга, М. Кин, А. Я. Гуревич, А. Б. Фергюсон, Ж. Гофф и др.). Будучи культурным идеалом Средневековья, рыцарский кодекс поведения как комплекс ценностей составляет предмет анализа культурологов (Е. И. Орлова, М. Оссовская, Л. В. Щеглова). Однако, насколько нам известно, рыцарский кодекс не изучался до настоящего момента в лингвокультурологии.

Методологической основой данной работы являются исследования в области аксиологии [Арутюнова, 1988; Бабаева, 2003; Барышков, 2009; Вольф, 1985; Леонтьев, 1996], истории [Гофф, 1964, 1992; Гуревич, 1980, 1990; Кардини, 1987; Кин, 2000; Руа, Мишо, 2007; Фергюсон, 2004; Флори, 1999; Хёйзинга, 2004; Froissart, 1808; Vale, 1891], культурологии [Бурыкин, 2000, 2012; Иванов, 1907; Орлова, 2009; Оссовская, 1987; Степанов, 1997, 2007; Щеглова, 2000], лингвокультурологии и межкультурной коммуникации [Вежбицкая, 1993, 2001, 2005; Красных, 2003; Леонтович, 2001, 2002; Лихачев, 1993; Попова, 2001; Слышкин, 2004, 2008; Стернин, 1996, 2005; Тер-Минасова, 2000, 2004; Шамне, 1999; Шмелев, 2002], лингвоконцептологии [Бабушкин, 1996; Бенвенист, 1966; Воркачев, 2003; Демьянков, 1995; Карасик, 1996 – 2014; Красавский, 2001; Ляпин, 1997; Малинович 2004; Пименова, 2003], теории лингвокультурных типажей [Асадуллаева, 2011; Бондаренко, 2009; Бровикова, 2013; Васильева, 2010; Гуляева, 2009; Деревянская, 2008; Дмитриева, 2007; Елина, 2005; Ивушкина, 2005; Коровина, 2008; Мироненко, 2005; Мурзинова, 2009; Селиверстова, 2007; Шильникова, 2010; Щеглова, 2010; Ярмахова, 2005].

На защиту выносятся следующие положения:

1. Кодекс поведения – это система норм и конкретных предписаний, определяющих принадлежность людей к определенному сообществу. С позиций лингвокультурологии все кодексы можно условно разделить на эксплицитные и реконструируемые, с одной стороны, и характеризующие общие нормы либо фиксирующие конкретные предписания, с другой стороны.

2. Рыцарский кодекс поведения представляет собой набор специфических социокультурных классовых ценностей, сформировавшихся в Средневековой Европе. Этот кодекс объективно устанавливается на основе анализа исторических исследований и текстов рыцарской художественной литературы и включает фундаментальные концепты рыцарской культуры «честь» (“honour”), «вера» (“faith”), «куртуазность» (“courtesy”).

3.носителем ценностей рыцарской культуры является типизируемая личность – лингвокультурный типаж «рыцарь». Его основные исходные понятийные характеристики таковы – представитель высшего сословия общества, мужчина, воин; образные характеристики – всадник, в сияющих доспехах, вооруженный, обычно молодой, обладающий привлекательной внешностью, участвующий в турнирах и сражениях; ценностные характеристики – соблюдающий верность своему сюзеру, готовый умереть за веру и всегда служить прекрасной даме.

4. Основными направлениями в динамике лингвокультурных ценностей, составляющих рыцарское поведение в сознании наших современников, являются следующие ценностные характеристики людей: человек высоких моральных принципов, соблюдающий верность в дружбе, проявляющий храбрость, благородство и учтивость. В современной английской лингвокультуре нивелируется классовая и гендерная специфика рыцарских норм поведения.

Апробация результатов исследования. Основное содержание диссертации докладывалось на научных конференциях «Аксиологическая лингви-

стика: лингвокультурные типажи» (Волгоград, 2005), «Актуальные проблемы теории и методологии науки о языке» (Санкт-Петербург, 2005), «Этнокультурная концептосфера: общее, специфичное, уникальное» (Элиста, 2006), «Единицы языка и их функционирование» (Саратов, 2007), «Исследования на стыке наук» (Волгоград, 2012), «Новые тенденции в образовании и науке: опыт междисциплинарных исследований» (Ростов-на-Дону, 2014), на заседаниях научно-исследовательской лаборатории «Аксиологическая лингвистика» в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете (2004 – 2014). По теме диссертации опубликовано 9 работ общим объемом (3 п.л.), в том числе три статьи в рецензируемых журналах, включенных в список ВАК Минобрнауки России.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии, списка лексикографических и текстовых источников.

Мы проводим исследование не за тем, чтобы знать, что такое добродетель, а чтобы стать добродетельными, иначе от этой науки не было бы никакого проку.

Аристотель (IV, с. 79).

Глава 1. Рыцарский кодекс поведения как предмет лингвокультурного анализа

Жизнь любого сообщества (социальной, этнической профессиональной группы) регламентируется различными кодексами, которые способствуют организации поведения внутри этого сообщества и которые, соответственно, называются кодексами поведения.

Понятие кодекс (code) определяется в толковых словарях следующим образом: *a set of moral principles or rules of behaviour that are generally accepted by society or a social group; a system of laws or written rules that state how people in an institution or a country should behave* [LDCE, 1995]. (Набор моральных принципов и правил поведения, принятых в обществе или в социальной группе; упорядоченная система законов или прописанных правил, устанавливающих, как люди должны себя вести в рамках социального института или страны). Таким образом, под кодексом поведения понимается система норм и конкретных предписаний, определяющих принадлежность людей к определенному сообществу. С позиций лингвокультурологии все кодексы можно условно разделить на эксплицитные и реконструируемые, с одной стороны, и характеризующие общие нормы либо фиксирующие конкретные предписания, с другой стороны.

Эксплицитными являются любые профессиональные, корпоративные кодексы поведения. Например, юридический кодекс (уголовный, гражданский, налоговый и т. д.) эксплицируется в законодательном документе и фиксирует конкретные предписания и запреты, а также предусматривает наказания за недолжное поведение. Во многих профессиональных сферах принят

так называемый этический кодекс, где строго регламентированы этические нормы деятельности той или иной специализации. У адвокатов это кодекс профессиональной этики адвоката. Аналогичные кодексы профессиональной этики есть у судей и нотариусов. Такие же кодексы существуют в среде журналистов, в сообществах социальных работников, таможенников, дизайнеров. В медицинском профессиональном сообществе принято давать клятву Гиппократа, которая представляет собой кодекс поведения. Таким образом, стремление к регламентации поведения, к созданию этических норм прослеживается с незапамятных времен.

Наряду с профессиональными этическими кодексами существуют мужские кодексы поведения. Среди них – рыцарский кодекс чести – один из первых мужских кодексов поведения, который формировался в течение нескольких столетий эпохи Средневековья. Впоследствии данный мужской кодекс поведения стал основой для кодекса джентльменов, скаутов, ковбоев и т. д. Рыцарский кодекс поведения относится к реконструируемым кодексам. До нашего времени дошли разнообразные варианты данного кодекса, воссозданные на основе рукописей, исторических грамот, летописей, исторических хроник, а также литературных источников (эпосов, романов, легенд).

Исследователи истории Средних веков пишут о рыцарском кодексе следующее: «Разработанный кодекс рыцарской чести предписывал сложные процедуры и соблюдение этикета, отход от которого даже в мелочах мог уронить достоинство рыцаря в глазах других членов привилегированного класса. Рыцарская мораль не требовала от феодала подобного же отношения к сервам, непривилегированным, но в своей среде рыцарь должен был постоянно заботиться о ненарушении норм поведения» [Гуревич, 1984, с. 171]. Как писал Й. Хёйзинга «как только дело касается низших сословий, всякая нужда в рыцарском величии исчезает» [Хёйзинга, 2004, с. 126]. Таким образом, рыцарский кодекс поведения действует внутри рыцарского сословия.

Реконструированный кодекс поведения рыцарей дает современникам представление о том наборе правил и норм, которым должны были следовать

рыцари. Приведем несколько текстов-реконструкций рыцарского кодекса поведения:

1. *Thou shalt believe all that the Church teaches, and shalt observe all its directions.* (Ты должен верить в учение церкви и следовать ее указаниям. Здесь и далее перевод наш – Е.Г.).

2. *Thou shalt defend the Church.* (Ты должен защищать церковь).

3. *Thou shalt respect all weaknesses, and shalt constitute thyself the defender of them.* (Ты должен уважать слабых и выступать их защитником).

4. *Thou shalt love the country in the which thou wast born.* (Ты должен любить свою страну, в которой ты рожден).

5. *Thou shalt not recoil before the enemy.* (Ты не должен отступать перед противником).

6. *Thou shalt make war against the Infidel without cessation, and without mercy.* (Ты должен непрерывно воевать против неверных, не щадя их).

7. *Thou shalt perform scrupulously thy feudal duties, if they be not contrary to the laws of God.* (Ты должен четко выполнять свои феодальные повинности, если это не противоречит Божьим заповедям).

8. *Thou shalt never lie, and shalt remain faithful to thy pledged word.* (Ты не должен лгать и должен оставаться верен данному тобой слову).

9. *Thou shalt be generous, and give largesse to everyone.* (Ты должен быть щедрым и проявлять щедрость ко всем).

10. *Thou shalt be everywhere and always the champion of the Right and the Good against Injustice and Evil.* (Ты должен быть всегда и везде борцом за правое дело и за добро против несправедливости и зла) [Приводится по Gautier L., 1884, www].

В этом тексте отчетливо прослеживается влияние религиозной идеологии эпохи Средневековья и той ответственности, которую церковь возлагала на рыцарское сословие. Очевидно, нормы рыцарского кодекса опираются на Божьи заповеди и перекликаются с ними для того, чтобы быть более убедительными. Первые две заповеди кодекса предписывают рыцарскому сосло-

вию следовать учению церкви, служить ее интересам и защищать ее, проповедуют *веру*. Остальные заповеди гласят о том, что рыцарю следует творить добро. Это подразумевает следующие добродетели: *верность, честность, честь, силу, отвагу, щедрость, справедливость*. Данный кодекс реконструирован французским историком и литературоведом Л. Готье в 1884 году на основе кодекса одного из рыцарских духовных орденов, который был впоследствии усвоен в среде светского рыцарства.

Приведем еще один вариант рыцарского кодекса, реконструированный на основе героического эпоса «Песнь о Роланде»: его также принято называть “*Charlemagne’s code of chivalry*” (рыцарский кодекс короля Карла):

1. *To fear God and maintain His Church* (Быть богобоязненным и защищать церковь Христову. Здесь и далее – перевод наш – Е.Г.).

2. *To serve the liege lord in valour and faith* (Служить сеньору верой и правдой).

3. *To protect the weak and defenceless* (Защищать слабых и беззащитных).

4. *To give succour to widows and orphans* (Приходить на помощь вдовам и сиротам).

5. *To refrain from the wanton giving of offence* (Не допускать насилия и оскорбления).

6. *To live by honour and for glory* (Жить ради чести и славы).

7. *To despise pecuniary reward* (Презирать материальную выгоду).

8. *To fight for the welfare of all* (Сражаться за добро и всеобщее благополучие).

9. *To obey those placed in authority* (Подчиняться выше стоящим).

10. *To guard the honour of fellow knights* (Отстаивать честь своих товарищей).

11. *To eschew unfairness, meanness and deceit* (Избегать несправедливости, подлости и обмана).

12. *To keep faith* (Хранить веру).

13. *At all times to speak the truth* (Всегда говорить правду).

14. *To persevere to the end in any enterprise begun* (Выдерживать любые испытания до конца).

15. *To respect the honour of women* (Уважать честь женщин).

16. *Never to refuse a challenge from an equal* (Никогда не отказываться от вызова со стороны равного по силе противника).

17. *Never to turn the back upon a foe* (Никогда не поворачиваться спиной к врагу) [*Code of chivalry, www*].

В отличие от предыдущего рыцарского кодекса, в данном кодексе в большей степени сделан акцент не на служении рыцарей церкви, а на нормах феодального служения и на их поведении в военном контексте. Иными словами, рыцарские нормы поведения рассматриваются под другим углом зрения. Тем не менее, из данного кодекса выводятся все те же ценности, а именно, *честь, вера, верность, справедливость, честность, великодушие, отвага*.

Исходя из выше изложенного, можно говорить о том, что объективно существует реконструированный рыцарский кодекс поведения, представляющий собой определенную систему ценностей, носителем которых является рыцарь.

Наличие в образе рыцаря перечисленных выше составляющих делает его одним из наиболее знаковых и узнаваемых образов Средневековья и позволяет исследователям рассмотреть образ рыцаря как типизируемую в лингвокультурном отношении личность.

1.1. Рыцарь как лингвокультурный типаж

В нашей работе под лингвокультурным типажом вслед за В. И. Карасиком мы понимаем «узнаваемый образ представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного сообщества» [Карасик, 2007, с. 227]. Поведение и ценностные ориентации этого обобщенного образа оказывают определенное влияние на лингвокультуру в

целом и служат индикаторами этнического и социального своеобразия общества [Карасик, Дмитриева, 2005, с. 2]. Например, в русской культуре можно выделить такие типажи как декабрист, казак, помещик, москвич, гусар, интеллигент, которые будут являться «знаковыми» для данной культуры [Дмитриева, 2005, с. 74]. Такие же узнаваемые образы мы находим и в других культурах, например, такие этнокультурные типажи как французский буржуа, американский ковбой, американский юрист, английский чудак, английский колониальный служащий, английский сноб, английская королева и т.д. [Асадуллаева, 2011; Бондаренко, 2009; Бровикова, 2013; Васильева, 2010; Гуляева, 2009; Деревянская, 2008; Дмитриева, 2007; Елина, 2005; Макарова, 2006; Маруневич, 2009; Мироненко, 2005; Мищенко, 2005; Мурзинова, 2009; Карасик, 2005; Коровина, 2008; Радван, 2005; Селиверстова, 2007; Шильникова, 2010; Щеглова, 2010; Ярмахова, 2005]. Исследователи данного направления лингвокультурологии выделяют также социокультурные типажи: коллекционер [Карасик, 2005], ламер [Лутовинова, 2010], аристократ [Ивушкина, 2010], футбольный фанат [Карасик, 2005]. Среди социокультурных типов выделяют профессиональные – «американский адвокат» [Гуляева, 2009]. В теории лингвокультурных типов изучены исторические типизируемые личности «английский колониальный служащий» [Деревянская, 2008], «английский пират» [Асадуллаева, 2011], а также современные типажи, например, «звезда Голливуда» [Селиверстова, 2007].

1.1.1. Историко-культурные характеристики лингвокультурного типажа «рыцарь» в Средневековой Англии

Средневековье – это такой исторический отрезок времени, который продолжает притягивать к себе внимание исследователей из различных областей знаний, поскольку, эта эпоха настолько противоречива, что ее невозможно изучить до конца. Раннее Средневековье принято называть в английском языке *dark ages* (темные века), что возможно не совсем справедливо.

Подразумевается некое торможение и упадок в каком бы то ни было развитии общества Западной Европы.

В эти века по соседству с реальностью жила сказка, в которую искренне верили; форма зачастую была гораздо важнее содержания; существовало так много загадок и парадоксов, что это время действительно можно считать темным, во многом непонятным и противоречивым для современного взгляда. Как пишет известный исследователь эпохи Средневековья А. Я. Гуревич «то, о чем повествовали писатели и поэты Средних веков, по большей части принимались и ими самими, и их читателями и слушателями за подлинные происшествия. К эпохе категории выдумки и правды вообще не применимы» [Гуревич, 1984, с. 44]. Средневековое общество и культура пронизаны рыцарским идеалом. Рыцарская идея как прекрасный жизненный идеал сочетает в себе эстетический идеал, «сотканный из возвышенных чувств и пестрых фантазий» [Хёйзинга, 2004, с. 83] и этический идеал, т.к. «средневековое мышление способно отвести почетное место только такому жизненному идеалу, который наделен благочестием и добродетелью» [Там же]. Как видим, известный голландский медиевист считает, что рыцарство никогда бы не сделалось жизненным идеалом на период нескольких столетий, если бы оно не заключало в себе высокие социальные ценности.

Первые упоминания о рыцарстве относятся к концу X в. В это время под рыцарством (в лат. терминологии *milites*) подразумевали категорию военных слуг (преимущественно конных), являвшихся вассалами знати. Феодальная раздробленность благоприятно влияла на расширение прав рыцаря, и грань между знатью и рыцарством постепенно стиралась. Уже в XI – XII вв. под рыцарством всё чаще начинают понимать всех светских феодалов-воинов, а с образованием в XII в. духовно-рыцарских орденов рыцарство стало охватывать и часть духовных феодалов. История повествует нам о трехчастном устройстве феодального общества, которое состояло из молящихся, воюющих и трудящихся. Как отмечает А. Я. Гуревич, «духовенство (*oratores*) заботится о духовном здоровье государства, рыцарство (*bellatores, pugnatore*s)

охраняет его, а пахари, трудящиеся (aratores, laboratores) кормят» [Гуревич, 1984, с. 165]. Итак, основной деятельностью рыцаря была военная, а его функции заключались в защите своего сюзерена.

Инициатическая система воспитания молодых людей в семьях светских феодалов в средние века состояла из трех ступеней: паж (с 7 до 14 лет), оруженосец (с 14 до 21 года), рыцарь (с 21 года). С 7 лет сыновья рыцарей отдавались на воспитание, как правило, к сеньору или какому-нибудь знатному рыцарю, где они учились ездить верхом, фехтовать, стрелять из лука, охотиться и т.д.; духовные лица знакомили их с основами грамоты и христианского вероучения. Находясь при дворах крупных феодалов, рыцарские сыновья часто выполняли функции пажей. «Паж – своего рода послушник, задачей которого было заставить замолчать свои мысли и эмоциональные голоса, чтобы они не искажали реальной картины окружающего мира. При успешном прохождении этого этапа пажа посвящали в оруженосцы специальным символическим обрядом, в котором ему впервые вручался боевой меч – продолжение его самого, орудие его воли и высшего духа» [Цит. по: Орлова, 2009, с. 32]. После 21 года молодым людям предоставлялась возможность посвящения в рыцари, которое представляло собой ритуализованное действие (опоясывание мечом, надевание шпор, производимый сеньором символический удар по плечу посвящаемого рукой или плоской стороной меча, демонстрацию воинской выучки и клятву перед лицом священника соблюдать требования рыцарской чести). Но в реальности воспользоваться такой возможностью могли лишь те, кто обладал материальным благосостоянием, достаточным для приобретения коня и вооружения.

С XI века начинается период формирования рыцарства, связанный с эпохой крестовых походов. Прямой обязанностью рыцаря-крестоносца было защищать веру Христову от неверных. Однако историки считают, что не следует смешивать понятия «рыцарство» и «крестовые походы». Функции крестоносца и рыцаря не совсем совпадали. Рыцарство имело отношение к самым различным видам военной и аристократической деятельности, не обя-

зательно связанной с крестовыми походами [Кин, 2000, с. 84]. Крестовые походы – это лишь один из многих видов военной деятельности светского рыцарства, которое церковь (как раз с помощью крестовых походов) поместила в прекрасную новую «раму» высокой христианской миссии [Там же, с. 91].

Религиозный пыл членов рыцарских орденов резко противопоставлял их придворной знати, трубадурам с их культом любви, любителям турниров и тем новым литературным образцам рыцарства, которые предлагались авторами светских романов. Обобщая идею рыцарства как сословия, имевшего обязательства, совершенно отличные от обязательств вассалов перед своим сюзереном, а также существенно более широкие функции, можно сказать, что пример рыцарских орденов сыграл весьма важную роль. С другой стороны, требования предъявляемые уставами таких орденов были настолько исключительными, что это не позволяло этим орденам оказать решающее воздействие на рыцарство в целом [Там же, с. 93].

Итак, рыцарство может быть определено как некий этос, в котором воедино сплавлены военные, аристократические и религиозные составляющие. Военный аспект ассоциируется прежде всего с искусством верховой езды – искусством весьма дорогостоящим – истинного мастерства в котором трудно достичь, если ты не родился в богатой семье. Аристократический аспект связан не только с происхождением; он связан с той, самой главной, функцией рыцарства и той шкалой ценностей, согласно которой знатность прежде всего зависит от самооценности того или иного человека, а не только от его родовой тости. Христианский же аспект, как ни странно, оказывается достаточно свободным от воздействия религиозных догм, предрассудков и предпочтений [Кин, 2000, с. 35].

Понятие «рыцарство» довольно расплывчато, но само слово вызывает яркие образы прошлого: красивый сильный рыцарь на мощном коне, закованном в латы, спешащий спасти прекрасную даму, замки с высокими башнями, крестоносцы, рыцари круглого стола и т.д.

Рассмотрим понятийные характеристики лингвокультурного типажа «английский рыцарь» по словарным и энциклопедическим статьям.

1.1.2. Дефиниционный анализ лингвокультурного типажа «рыцарь»

Рассматриваемый нами лингвокультурный типаж «рыцарь» относится к социокультурным историческим типажам. «Будучи абстрактным ментальным образованием, лингвокультурный типаж представляет собой в исследовательском отношении разновидность концепта, содержанием которого является типизируемая личность, соответственно можно выделить понятийную, образную и ценностную сторону концепта “лингвокультурный типаж N”» [Карасик, Дмитриева, 2005, с. 9]. Понятийная сторона объективно выводится на основании анализа энциклопедических, толковых, синонимических и других словарей и предоставляет фактуальную информацию об объекте. «Понятийная сторона концепта включает его языковую фиксацию, описание, признаковую структуру, дефиницию. <...> Их важнейшее качество – голографическая многомерная встроенность в систему нашего опыта» [Карасик, 2004, с. 145–146].

В этимологическом словаре мы находим следующую информацию по лексеме *knight*: в староанглийском существовало слово *cniht* «boy, youth, servant»; в германском языке находим слово *Knecht* «servant, bondman, vassal». Значение *military follower of a king or other superior* появляется в 1100 году. В специфически военном значении *knight* стало использоваться во времена Столетней войны и постепенно в период Среднеанглийского важность этого понятия возрастает и, наконец, в XVI веке слово *knight* становится титулом, показателем принадлежности к аристократическому классу [OED, www].

Титульная система в Англии сохранилась почти в неизменном виде со времен Средневековья. «Самым титулованным лицом в государстве является Монарх и члены его семьи. Вторым лицом Англии является Архиепископ Кентерберийский, за ним следует Лорд-Канцлер (Lord High Chancellor), ступенькой ниже – государственные служащие. За последними следует титулованная аристократия Великобритании, которая, согласно Debrett's Illustrated Peerage, делится на высшую и низшую. Высшая включает в себя (сверху

вниз): герцога, маркиза, графа, виконта и барона. Сюда же относятся архиепископы и епископы, большинство из которых – бароны; они имеют место в Палате Пэров, пожизненные права и привилегии Пэрства (которые не распространяются на их жен). Низшей аристократией считаются баронеты, рыцари, эсквайры и джентльмены» [Ивушкина, 1998, с. 39].

По этимологическому словарю лексема *sir*: с 1300 года является титулом для рыцарей и баронетов (вплоть до XVII века титул для священников), используется в неударном положении. С середины XIV века вводится использование этого слова как уважительной формы обращения; с начала XV века используется в качестве приветствия в начале письма [OED, www].

Рассмотрим вариации титула *knight* и другие титулы. К низшей аристократии, как уже говорилось, относятся также баронеты, эсквайры и джентльмены. *Baronet*: a member of the British order of honour; ranks below a baron but above a knight [Audioenglish, www]; (in Britain) a man who has the lowest rank of honour which can be passed from father to his son when he dies. Baronets use the title *Sir* [OALD, 2005]. Следующий титул после баронета по направлению сверху вниз – титул рыцаря, который был нами рассмотрен выше. Этот титул подразделяется на: *knight-banneret*, *knight-bachelor* – «титулы, имевшие строго официальное военное применение, особенно в том смысле, что подразумеваемый рыцарь-баннерет (рыцарь со знаменем) мог собрать отряд в пятьдесят копий и возглавить его... Квадратное знамя рыцаря баннерета с его гербом служило видимым знаком его ранга при любых военных действиях, на турнире и во время парадов, а также обозначало место сбора его отряда на поле боя» [Кин, 2000, с. 302–303]. По толковым словарям *banneret* или *knight-banneret*: (in the Middle Ages) 1) a knight who was entitled to command other knights and men-at-arms under his own banner, 2) a title of knighthood conferred by the king for valour on the battlefield [from Old French *banerete* a small BANNER] [Collins English Dictionary, www]. Еще одно название для рыцаря-баннерета (рыцаря со знаменем) – *knight of the square flag*: a knight honoured for valour; entitled to display a square banner and to hold higher command [Audi-

oenglish, www]. *Knight-bachelor (bachelor, bachelor-at-arms)*: a knight of the lowest order; could display only a pennon [Ibid.]; (c. 1300) “youthful knight, novice in arms”, from O.Fr. *bachelor* (c. 11) “knight bachelor”, a young squire in training for knighthood, probably from M.L. *baccalarius* “vassal farmer”, one who helps or tends a *baccalaria* “section of land”. Or from L. *baculum* “a stick”, since the squire would practice with a staff, not a sword [OED, www]. «Процедура отрезания или отрубания узкого «хвоста» знамени служила для того, чтобы показать, что рыцарь-бакалавр, имевший право носить только длинный узкий флажок (т.н. значок) треугольной формы, как бы сразу повышался в звании и становился настоящим «рыцарем со знаменем» (или баннеретом)» [Кин, 2000, с. 303]. В английском языке существует отдельное обозначение для учеников и кандидатов в рыцари – *esquire*: (late 14 c.), from M.Fr. *esquier* “squire”, lit. “shield-bearer” (for a knight), from O.Fr., from L. *scutarius* “shield-bearer, guardsman”, from *scutum* “shield”. Originally the feudal rank below knight, sense broadened 16 c. to a general title of courtesy or respect for the educated class [OED, www]. Данное значение слова *esquire* (оруженосец) относится исключительно к эпохе Средневековья, и большинство современных словарей указывают только современное значение. Оксфордский толковый словарь предлагает дефиницию с пометой *becoming old-fashioned, especially Br.E.*: a polite title written after a man’s name, especially on an official letter addressed to him. If Esq. is used, Mr. is not then used [OALD, 2005]. Лексема *squire* в одном из значений совпадает с лексемой *esquire*: (late 13c.), “young man who attends a knight”, from O.Fr. *esquier* “squire”, lit. “shield carrier”; later “member of the landowning class ranking below a knight” (c. 1300), Meaning “country gentleman, landed proprietor” is from 1670s; as a general term of address to a gentleman, it is attested from 1828 [OED, www]; 1) (in the past in England) a man of high social status who owned most of the land in a particular country area, 2) (Br.E. informal or humorous) used by a man as a friendly way of addressing another man (*What can I get you, Squire?*), 3) (in the past) a young man who was an assistant to a knight before becoming a knight himself [OALD, 2005]. Скопее

всего, первоначально для понятия «оруженосец» использовалось слово *squire*, затем для этого значения появилась другая лексема *esquire*, а *squire* стало обозначать исключительно представителей крупных землевладений. В своем современном значении слово *squire* используется в неформальном общении, часто с юмором, для обращения к хорошему знакомому. В Средние века выделялась еще одна ступенька или, можно сказать, должность при рыцаре – *page* («паж»). Эта должность не является титулом и не входит в титульную систему низшей аристократии Англии. Этимологический словарь дает следующую информацию по слову *page*: “youth, lad, boy of the lower orders”, (с. 1300) originally also “youth preparing to be a knight”, from O.Fr. *page*, possibly via It. *paggio*, from M.L. *pagius* “servant”, perhaps ult. from Gk. *paidion* “boy, lad”, dim. of *pais* (gen. *paidos*) “child”, but some sources consider this unlikely and suggest instead L. *pagus* “countryside”, in sense of “boy from the rural regions”. Meaning “youth employed as a personal attendant to a person of rank” is first recorded c.1460; this was transf. from late 18 c. to boys who did personal errands in hotels, clubs, etc., also in U.S. legislatures [OED, www]. В толковом словаре находим следующее определение: (in the Middle Ages) a boy or young man who worked for a knight, while training to be a knight himself [OALD, 2005]. Паж – это слуга при рыцаре и в то же время ученик.

Слово *gentleman* стоит в одном ряду с титулами *baronet*, *knight*, *esquire*, т.е. «джентльмен» относится к низшей аристократии, не обозначая, тем не менее, титула.

Gentleman: 1) a man who is polite and well-educated, who has excellent manners and always behaves well, 2) (usu. plural) (formal) used to address or refer to a man, especially sb. you do not know, 3) (old-fashioned) a man from a high social class, especially one who does not need to work (a country gentleman, a gentleman farmer – one who owns a farm for pleasure, not as his main job) [OALD]. «Существует версия, что во времена падения Римской империи существовали две армии особенно отличившихся солдат хорошего происхождения. Одну из них называли *gentiles*, другую – *scutarii*. Полагают, что от первого про-

изошло слово ‘gentleman’, а от второго – ‘esquire’. Этот титул когда-то был очень высоким и престижным. Первым джентльменом Европы был назван Король Георг IV, когда он был Принцем – регентом. Со временем это слово утратило свое значение и превратилось в приставку» [Ивушкина, 1998, с.44–45]. «Официальные документы после 1413 года стали чаще использовать термины, указывающие на социальный статус. Оказывается, что именно в этот момент впервые появляется обозначение «джентльмен», начиная, таким образом, свою длинную и исключительно полезную карьеру в качестве многозначного термина, особенно подходящего для обращения к правящему классу, внутри которого формальные аристократические титулы начинают терять свое первоначальное значение» [Фергюсон, 2004, с. 38]. Словарь гендерных терминов дает следующее определение слову «джентльмен»: *особый тип маскулинности в гендерной системе, обладающий джентльменским этосом*. Понятие джентльмен, как и понятие рыцарь, пришло из социальной истории. Классическим определением джентльмена в источниках эпохи XVI века являлось следующее: это тот, кто не зарабатывает себе на жизнь руками, или тот, кто не работает руками. Постепенно, однако, понятие *джентльмен* стало приобретать переносное образное значение, связанное с типом поведения и маскулинности дворянина. «Английский джентльмен» – это «Викторианский рыцарь», сложивший оружие, но сохранивший кодекс чести [СГТ, www].

В современной Англии титул *knight* присваивается за достижения в разных областях деятельности, и человек, заслуживший этот титул, посвящается в рыцари. Обращение *sir* перед именем непременно указывается в визитной карточке, в документах, в корреспонденции и очевидно повышает социальный статус титулованного. В современном англоязычном мире данный факт присвоения титула *рыцарь* за достижения в культуре, искусстве, политике или спорте, подвергается сильной критике со стороны некоторых организаций. Например, в статье Д. Э. Гоффа *Chivalry and Modern Times* (Рыцарство и современность), опубликованной на сайте Международной комиссии

по делам знати и королевской семьи (The International Commission on Nobility and Royalty), говорится: *“Sadly, knighthood today goes to people who have confirmed remarkably in some areas, such as, in sports, academics, science or politics, but their lives do not reflect the high ideals of the past. It could be different. The Nobel prize or honouring with Metals, certificates, notoriety, etc. for special contributions like this should honour remarkable and deserved achievement. But knighthood as special as it is, should honour virtue and right living day in and day out – a life that reflects the old code of honour – such as integrity and honesty as well as valor for the right, the good and the beautiful. It is to keep oneself physically strong, mentally awake and morally straight at all times and help people in need and do one’s duty”* [Goff, www]. (Как это ни печально, но в рыцарей посвящают людей, которые сделали большой вклад в такие области как спорт, образование, науку или политику, тогда как их жизненный путь не отражает те высокие идеалы прошлого. А все могло бы быть иначе. За такие достижения следовало бы награждать Нобелевской премией, медалями, сертификатами и т.д. Но рыцарство, специфичное само по себе, должно подчеркивать и почитать добродетель и правильный образ жизни – жизненный путь, который отражает старый кодекс чести – то есть прямота, честность, наряду с отвагой и борьбой за справедливость, добро и красоту. Это быть физически сильным, разумным и морально здоровым; помогать своему ближнему и выполнять свой долг. – Перевод наш – Е.Г.). Как замечает Д. Э. Гофф, титул рыцаря должен присуждаться не обязательно выдающемуся человеку, но также и обычному гражданину, живущему по совести и в соответствии с кодексом чести, творящему добро и просто любящему свою семью, и тогда такая модель поведения будет поддерживаться, высоко оцениваться и ставиться в пример в обществе – именно так «работала» рыцарская система в старые времена.

Толковые словари дают следующие определения понятию рыцарь:

Knight - 1) a man with a high rank in former times who was trained to fight while riding a horse: *knights in armour*; 2) a man who has received a knighthood

and has the title “sir” before his name [LDCE, 1995]; 1) (in the Middle Ages) a man of high social rank, who had a duty to fight for his King, *knights* are often shown in pictures, riding horses and wearing armour; 2) (in Britain) a man, who has been given a special honour by the King and Queen and has the title “sir” before his name [OALD, 2005]; 1) originally a person of noble birth trained to arms and chivalry; today in Great Britain a person honored by the sovereign for personal merit [Audioenglish, www].

Отметим, что лексема *knight* в толковых словарях в оценочном отношении трактуется нейтрально; подчеркиваются лишь сословно-статусные характеристики рыцаря. Лексемы, входящие в семантическое поле понятия рыцарь получают положительную оценку: *knightly (literally)* – connected with being a knight or typical of a knight, especially by behaving with courage and honour: *knightly deeds of chivalry* [LDCE, 1995]; 1) characteristic of the time of chivalry and knighthood in the Middle Ages; 2) being attentive to women like an ideal knight [Audioenglish, www]; *chivalrous*: being attentive to women like an ideal knight; *to knight* – to make a knight of (someone) [OED, www]; raise (someone) to knighthood [Audioenglish: www]; to give someone the rank of knight [CALD, www] Словарь-тезаурус предлагает следующий синонимический ряд: *to dub, to ennoble, to entitle, to gentle, to honour, to reward*. Рассмотрим значения данных синонимов. *To dub*: 1) To tap lightly on the shoulder by way of conferring knighthood, 2) to honour with a new title or description. [Thesaurus, www]. *To ennoble*: 1) confer dignity or honour upon, 2) give a title to someone; make someone a member of the nobility. *To entitle*: give a title to someone; make someone a member of the nobility. *To gentle*: give a title to someone; make someone a member of the nobility. *To honour*: confer dignity upon [Audioenglish, www]; 1) to do something that shows great respect for sb, sth; 2) to give public praise, an award or a title to sb. for sth. they have done. *To reward*: to give sth. to sb. because they have done sth. good, worked hard [OALD, 2005]. Определения данных синонимичных глаголов позволяют нам расширить понимание действия посвящения в рыцари. Рыцарство дается как награда, похвала, благодар-

ность за какой-то поступок, этот титул необходимо заслужить. В этой связи интересным представляется выражение *to win one's spurs: to gain knighthood by some valorous act, gilded spurs being the distinctive mark of a knight* [OED, www]. Глубокая символичность важного рыцарского атрибута – шпор – отразилась в языке. При посвящении в рыцари кандидату торжественно вручаются шпоры. В современном языке это выражение является официальным и имеет значение: *to achieve fame or success* [OALD, 2005]. Напротив, выражение *carpet knight*, указывающее на способ посвящения в рыцари, имеет отрицательную коннотацию. *Carpet knight - a knight who spends his time in luxury and idleness (knighted on the carpet at court rather than on the field of battle)* впервые стало использоваться в XVI веке, т.е. во времена заката рыцарства. Значению предается презрительный оттенок, поскольку времена, когда в рыцарей посвящали на поле битвы прошли, и титул рыцаря стали получать господа из богатых семей, не имеющие в своем роду рыцарей, и все действие происходило на ковре при дворе короля.

Известны в истории Средневековья так называемые странствующие рыцари (*knight errants*), которые проводили большую часть своей жизни в поисках приключений. Этим рыцарей часто называли «странствующими с одного турнира на другой в поисках славы и наград» [Кин, 2000, с. 45]. *Knight errant – a knight in former times who travelled looking for adventures* [LDCE, 2000]; *a medieval knight who travelled around doing brave things and helping people who were in trouble* [CALD, www]. Производное от него *knight errantry* имеет два значения: 1) *quixotic (romantic and impractical) behavior*, 2) (Middle Ages) *the code of conduct observed by a knight errant who is wandering in search of deeds of chivalry* [Audioenglish, www]. Странствующие рыцари имели независимый, отважный и причудливый характер – они и составляли суть романтического рыцарства, о котором говорят с ностальгией.

Огромную роль в истории рыцарства и формировании взглядов на этот класс сыграли крестовые походы – *crusades*. Слово *crusade* происходит от французского *croisade*, а оно, в свою очередь восходит к более раннему вари-

анту *croisee* – буквальный перевод этого слова – *отмеченный крестом* (*the state of being marked with the cross*) от латинского *crux* [Приводится по: OALD, 2005]. В словарных дефинициях слово *crusader* определяется как производное от *crusade* 1) one of a series of wars of 11th, 12th and 13th centuries by Christian armies trying to take Palestine from the Muslims; 2) a determined attempt to change something because you think you are morally right [LDCE, 1995]; 1) (for/against sth.) a long and determined effort to achieve sth. that you believe to be right or to stop sth. that you believe to be wrong [OALD, 2005]. Как пишет М. Кин, «церковь выработала целую каноническую и теологическую доктрину, в основе которой было прощение и отпущение грехов от имени папы римского тем, кто принимал участие в крестовых походах. <...> Влияние идеологии крестовых походов на этику рыцарства в момент формирования последнего было весьма мощным» [Кин, 2000, с. 84].

Фразеологический пласт также дает нам некоторый материал для формирования более полного представления о понятии *рыцарь* (*a knight*) в средневековье и в современной картине мира. Например, “*a knight in shining armour*” – a brave man who saves someone from a dangerous situation [LDCE, 1995]. По определению данное выражение коннотируется положительно, однако, словарь дает помету *humorous*, следовательно, к «рыцарю в сверкающих доспехах» относятся несерьезно в современном языке, видимо, этот образ расценивается как анахронизм. Выражение “*a knight without fear and reproach*”, «рыцарь без страха и упрека» (фр. “*Le Chevalier sans peur et sans reproche*”), прочно закрепившееся в разных языках, в том числе и в русском, впервые появилось во французском языке: король Франции Франциск I пожаловал это звание известному французскому рыцарю Пьеру дю Террайлю Баярду (1476 – 1524), прославившемуся своими подвигами в битвах и победами на турнирах [СКСВ, www]. Фразеологический словарь русского литературного языка дает следующее определение: *рыцарь без страха и упрека* (книжн. высок.) – человек высоких нравственных достоинств, качеств [ФСРЛЯ, www].

В толковых словарях английского языка встретилось выражение *white knight* (белый рыцарь) с пометой *бизнес и финансы*: a person or organization that saves a company from financial difficulties or an unwanted change of ownership by putting money into the company or by buying it [CALD, www]; a person or an organisation that rescues a company from being bought by another company at too low a price [OALD, 2005]. *Белый рыцарь*, которого в данном случае представляет какой-нибудь бизнесмен или бизнес компания, ведет себя благородно и спасает какую-то другую компанию в сложной ситуации. Происходит метафорический перенос важной ценностной составляющей рыцарского поведения. Мы находим и антонимичное выражение с соответственно отрицательной коннотацией – *black knight* (черный рыцарь): a company that buys another company that does not want to be bought. Так, в современном деловом дискурсе освещается в определенном контексте рыцарское поведение. Символика цвета помогает различить благородные и агрессивные действия в бизнесе.

В Средние века *черный рыцарь* – это почти всегда отрицательный персонаж. *Черный рыцарь* не имеет при себе геральдических опознавательных знаков, что могло быть обусловлено либо 1) отсутствием у рыцаря таковых (обретение и передача геральдической символики были возможны только среди нобилитета и строго регламентировались правилами наследования), 2) желанием скрыть собственную личность или личность своего сеньора. В первом случае такие воины часто становились наемниками и, не имея собственного оруженосца или пажа, красили доспехи в черный цвет, чтобы защитить их от ржавчины. Не состоящие в вассальных отношениях опытные и вооруженные воины были достаточно могучей и непредсказуемой силой, вследствие чего вызывали недовольство королей. Подобная независимость сама по себе шла вразрез с традициями феодального строя и не одобрялась. Своей негативной окраской термин не в последнюю очередь обязан этой точке зрения. Во втором случае рыцарь намеренно скрывал свои символы по причине участия в рискованной политической интриге или действиях, не со-

ответствующих его высокому социальному статусу. Черный рыцарь обычно изображается как рыцарь-одиночка и умелый боец [Черный рыцарь: www].

Среди современных героев, которые, как и средневековые герои-рыцари, приходят на помощь обиженным, нуждающимся и т.д., выделяют фигуру Бэтмена (Batman), которого в американской культуре называют *темным рыцарем*. В данном случае цветовое обозначение не имеет отрицательной оценки, а создает загадочность образа.

Итак, по данным словарных дефиниций можно выделить следующие понятийные и образно-оценочные признаки рассматриваемого нами исторического лингвокультурного типажа: 1) мужчина, 2) имеющий высокий социальный статус, 3) профессиональный воин, 4) тяжело вооруженный (облаченный в доспехи), 5) верхом на коне, 6) странствующий в поисках приключений, славы, 7) спешащий оказать помощь всем нуждающимся в ней. Рассматриваемое нами многоаспектное образование «рыцарь» находит образное и ценностное выражение в социуме и культуре Средневековья. В современном значении типаж «рыцарь» сводится к таким признакам: 1) британец, 2) получивший титул рыцаря от короля или королевы, 3) за особые заслуги в какой-либо области, 4) имеющий право называть себя сэром; 5) не обязательно британец, 6) поступающий благородно. Таким образом, в современном языке номинация *рыцарь* используется, во-первых, для характеристики воспитанного, благородного человека безотносительно его происхождения. «Он настоящий рыцарь», принято говорить о человеке, поступившем благородно. Во-вторых, отсутствуют какие-либо образные характеристики, в-третьих, слово *рыцарь* является юридическим понятием в современной Англии, обозначая титул (например, *Sir Elton John*).

1.1.3. Образно-перцептивные характеристики лингвокультурного типажа «рыцарь»

Типаж – тот образ, перцептивное представление которого выводится из когнитивной базы в типизированном (обобщенном) варианте. При этом от-

брасываются индивидуальные признаки как антиподы общим, остаются яркие, презентационные черты с привлечением типичной ситуации, обстановки, среды обитания данного типажа [Дмитриевой, 2007, с. 105].

К образной составляющей типажа можно отнести все представления и ассоциации, а также «устойчивые мыслительные картинки» [Слышкин, 2000, с. 13], возникающие в сознании. В качестве «картинки» может выступать и яркий представитель того или иного типажа (как реальная историческая фигура, так и фикциональная), вобравший в себя типичные образные черты этого типажа. Для лингвокультурного типажа «рыцарь» – это могут быть: король Ричард I по прозвищу Львиное сердце, король Эдуард III, король Артур и его рыцари: Ланселот, сэра Гавейн, Ивейн и др.

Для рассмотрения образных характеристик лингвокультурного типажа мы в нашей работе будем использовать схему анализа, предложенную О.А. Дмитриевой и состоящую в предъявлении так называемого «паспорта лингвокультурного типажа». «Паспорт лингвокультурного типажа» включает в себя следующие пункты: 1) внешний облик, одежда, возраст; 2) гендерная принадлежность; 3) происхождение или определяемый типажом социальный статус; 4) место жительства, характер жилища; 5) сфера деятельности; 6) досуг; 7) семейное положение; 8) окружение; 9) речевые особенности» [Дмитриева, 2007, с. 148].

Рассмотрим образную составляющую лингвокультурного типажа «английский рыцарь» по указанным признакам: В качестве материала используются тексты исследований историков, тексты художественной литературы и короткие сочинения информантов.

1. *Внешний облик, одежда, возраст и гендерная принадлежность английского рыцаря.* В исторических исследованиях мы находим следующее описание образа рыцаря: «Рыцарь должен был отличаться красотой и привлекательностью. Его красоту обычно подчеркивала одежда, свидетельствующая о любви к золоту и драгоценным камням. Доспехи и упряжь были под стать одежде» [Оссовская, 1987, с. 81-82]. «Знать, аристократия носила изыс-

канные и яркие наряды, изготовленные из дорогостоящих тканей. ... Одним из внешних признаков благородства господ были длинные волосы – сельским жителям ношение их было категорически запрещено» [Гуревич, 2009, с. 196].

Приведем некоторые тексты коротких сочинений респондентов (было опрошено 20 человек, британцев, преимущественно в возрасте до 40 лет). Респондентам задавался вопрос: “*What do you imagine when you hear the word ‘a knight’?*” (Что вы представляете себе, когда слышите слово *рыцарь*?):

“I imagine Medieval England, <...> The knight is riding a horse, powerful and stony as the knight is himself (it is of course always a he). He is being followed by his servants and squires because he is an aristocrat. As such he walks with the air of an aristocrat, he is loved and adored by many but believes he is above them”. – Я представляю себе средневековую Англию. Рыцарь скачет верхом на коне, мощном и неприступном, как и сам рыцарь (рыцарь – это всегда «он»). За ним следуют его слуги и оруженосцы, т.к. он аристократ. Он и движется, как аристократ, многие его любят и обожают, но он ставит себя выше них. (Здесь и далее перевод наш – Е.Г.).

“I imagine a knight in the traditional sense – wearing armour, carrying a sword and shield. Much like the image of St George which is still widely used in publicity”. – Я представляю себе рыцаря в традиционном смысле – одетого в доспехи, с мечом и щитом – в большей степени напоминающего образ Святого Джорджа, который до сих пор часто упоминается в СМИ.

“I think of a male person, tall and strong physically, fearless and bold in character and selfless when faced with dire need of others”. – Я представляю себе мужчину, высокого и физически сильного, бесстрашного и смелого, самоотверженного, в те моменты, когда другим крайне необходима его помощь.

“A knight of the round table, tall, handsome, strong, arms, medieval history, horses, swords, king Arthur, Robin Hood”. – Рыцарь круглого стола, высокий, красивый, сильный, вооруженный, средневековая история, лошади, мечи, король Артур, Робин Гуд.

“...a knight in shining armour, tall, handsome, young, athletic”. – Рыцарь в сверкающих доспехах, высокий, красивый, молодой, атлетического телосложения.)

“Typically he would be tall and strong, an imposing figure, but not threatening. He would also have a sword, armour and a horse!” – Как правило, это высокая, сильная, впечатляющая, но не внушающая угрозы, фигура. У него есть меч, доспехи и конь!

“On a horse with banners, shiny armour and brightly coloured feathers from helmet”. – Верхом на коне, со знаменами, в сверкающих доспехах и с яркими разноцветными перьями на шлеме.

“Perhaps English people would imagine Saint George being the patron saint of England and of the Order of the Garter. In most churches of England Saint George is depicted in full knightly armour” – Возможно англичане представляют себе Св. Георгия, небесного покровителя Англии и Ордена Подвязки. В большинстве церквей Англии Св. Георгий изображается в полном рыцарском облачении.

“I imagine them to primarily come from wealthy land-owning families, called upon by their rulers in times of war to act as horseborn warriors. I imagine suits of armour in museums and stately homes that would be far cumbersome to be worn on the battlefield”. – Я вспоминаю, что они отпрыски богатых землевладельцев; их призывали сеньоры во время войны сражаться как прирожденных конных воинов. Я представляю себе доспехи в музеях и в старинных замках, которые слишком громоздки для сражения.

Согласно ответам респондентов рыцарь, во-первых, имеет определенную гендерную принадлежность (“It’s always a he”. – Это всегда мужчина. “I think of a male person...” – Я думаю о мужчине). Во-вторых, рыцарь представляется молодым (*young*), хотя точный возраст рыцаря ни один из респондентов не указывает. Здесь следует отметить, что один респондент описал рыцаря *старым и благородным* (*old and distinguished*). Это может быть обусловлено личным восприятием образа рыцаря.

В-третьих, рыцарь имеет, как правило, привлекательную внешность – он *красивый (handsome), харизматичный (charismatic), высокий (tall), сильный и мощный (strong, imposing, powerful, stony)*. Законченность привлекательного образа создается с помощью описания рыцаря как конного воина (один респондент уточняет цвет коня – белый; в другом ответе дается характеристика коня *powerful and stony* – мощный и неприступный). Внешний облик рыцаря дополняется его вооружением – это *доспехи (shining armour), шлем с забралом (a helmet with a visor), меч (a sword), щит с гербом (a shield with a coat of arms), знамена (banners)*. В ответах большинства респондентов встречается оборот *shining armour (сверкающие доспехи)*, что говорит об устойчивости этого выражения в языке. Некоторые респонденты для полноты картины выделяют такие признаки, как *яркие перья на шлеме, безупречная одежда, аристократичность во внешнем виде и даже в походке*.

Поскольку рыцарское вооружение необыкновенно важно для формирования его внешнего облика, а атрибутика, связанная с его обликом разнообразна, позволим себе уделить этому вопросу некоторое внимание в нашей работе. Каждая часть рыцарского вооружения несет свое символическое значение: *шпоры* – это символ возлагаемого достоинства, обязывающий рыцаря быть неутомимым во всех предприятиях; *щит* с изображением родового герба – защита и символ доблестей предков; *шлем* – главнейшая часть рыцарских доспехов, т.к. он покрывает важнейшую часть тела – голову; *меч* имеет вид креста и дается в поучение: как Иисус Христос побеждал грех и смерть на древе Креста, так и рыцарь должен мечом побеждать своих врагов, но он еще является и атрибутом правосудия. Именно меч, в конечном счете, представляется точкой соединения, связующим звеном между идеологией защиты слабых и рыцарством. *Меч*, символ власти, который церковь торжественно передавала королям во время церемоний коронации, как она позже будет вручать его рыцарям на церемониях посвящения [Флори, 1999, с. 4-5]; *панцирь* - означает, что рыцарское сердце должно быть недоступной порокам крепостью; *копье*, длинное и прямое - есть символ правды; железо на нем

означает преимущество правды над ложью, а развевающееся на конце его знамя показывает, что правда должна не скрываться, а всем показываться; *кольчуга* означает силу и мужество, ибо как она выдерживает всякие удары, так сила воли защищает рыцаря от всех пороков; *перчатки*, защищающие руки, указывают ту заботливость, с какой рыцарь должен беречься всякого нечестивого прикосновения и отвращаться от кражи, клятвопреступления и всякой скверны [Рун, 2007, с. 35-36]. Весь образ рыцаря во многом складывался в первую очередь из внешности воина, тяжелые латы которого ассоциировались с силой, мужеством, отвагой.

Приведем тексты художественной литературы, в которых характеризуются внешний облик, одежда, возраст и гендерная принадлежность рыцаря.

“As far as could be judged of a man sheathed in armour, the new adventurer did not greatly exceed the middle size, and seemed to be rather slender than strongly made. His suit of armour was formed of steel, richly inlaid of gold, and the device on his shield was a young oak-tree pulled up by the roots, with the Spanish word Desdichado, signifying Disinherited. He was mounted on a gallant black horse, and as he passed through the lists he gracefully saluted the Prince and the ladies by lowering his lance. The dexterity with which he managed his steed, and something of youthful grace which he displayed in his manner, won him the favour of the multitude...” [Scott, *Ivanhoe*, p. 68]. «Насколько можно было судить о человеке, закованном в боевые доспехи, новый боец был немногим выше среднего роста и казался скорее хрупкого, чем крепкого телосложения. На нем был стальной панцирь с богатой насечкой: девиз на его щите изображал молодой дуб, вырванный с корнем; под ним была надпись на испанском языке: “Desdichado”, что означает «Лишенный наследства». Ехал он на превосходном молодом коне. Проезжая вдоль галерей, он изящным движением склонил копье, приветствуя принца и дам. Ловкость, с которой он управлял конем, и юношеская грация его движения сразу расположила к нему сердца большинства зрителей...» [Скотт, Айвенго, с. 99].

Образ рыцаря, описанный в этом тексте, представляется как 1) конный воин, 2) закованный в доспехи, 3) молодой, 4) среднего роста, 5) некрепкого телосложения, 6) ловкий в искусстве владения конем.

“You are then to imagine this Knight ... strong of person, tall, broadshouldered, and large of bone, mounted on his mighty black charger, which seemed made on person to bear his weight, so easily he paced forward under it, having the visor of his helmet raised, in order to admit freedom of breath, yet keeping the beaver, or under part, closed, so that his features could be but imperfectly distinguished. But his ruddy embrowned cheek-bones could be plainly seen, and the large bright and blue eyes, that flashed from under the dark shade of the raised visor; and the whole gesture and look of the champion expressed careless gaiety and fearless confidence – a mind which was unapt to apprehend danger, and prompt to defy it when most imminent” [Scott, Ivanhoe, p. 340]. «Итак, вообразите себе рыцаря высокого роста, плотного телосложения, широкоплечего, могучего, верхом на крупном вороном коне, как бы нарочно созданном для него, так легко он нес своего тяжелого седока. Верх забрала на шлеме всадника был поднят, чтобы легче было дышать, наустник же оставался застегнутым, так что черты лица было трудно разобрать. Всего лучше были видны его загорелые скулы, покрытые здоровым румянцем, и большие голубые глаза, блестевшие из-под поднятого забрала. Осанка и манеры рыцаря выражали беззаботное веселье и удасть, изобличая ум, не способный предвидеть опасность, но всегда готовый отразить ее» [Скотт, Айвенго, с. 408-409].

В данном тексте автор представляет привлекательный образ рыцаря: 1) конного всадника, 2) высокого роста, 3) плотного телосложения, 4) широкоплечего, могучего, 5) привлекательной внешности (загорелые скулы, здоровый румянец, голубые глаза), 6) осанкой и манерами, выражающими беззаботность, удасть.

“The knight ... laid aside his helmet, his corselet, and the greater part of his armour, and showed to the hermit a head thick-curlled with yellow hair, high features, blue eyes, remarkably blue and sparkling, a mouth well-formed, having an

upper lip clothed with moustaches darker than his hair, and bearing altogether the look of a bold, daring, and enterprising man, with which his strong form well corresponded” [Scott, *Ivanhoe*, p 131]. «...гость отложил в сторону шлем, снял панцирь и часть доспехов. Перед пустынным предстал статный воин с густыми курчавыми светло-русыми волосами, орлиным носом, голубыми глазами, сверкавшими умом и живостью и красиво очерченным ртом, оттененным усами более темными, чем волосы; вся его осанка изобличала смелого и предприимчивого человека» [Скотт, Айвенго, с. 167].

В данном описании подчеркивается привлекательная внешность рыцаря, описываются черты его лица; под рыцарскими доспехами перед читателем предстает воин: 1) статный, 2) с густыми волосами, 3) орлиным носом, 4) голубыми глазами, сверкавшими умом и живостью, 5) красиво очерченным ртом, оттененным усами, 6) с осанкой, выражающей смелость и предприимчивость.

Английский поэт и писатель XIV века Дж. Чосер последовательно описывает одежду рыцаря и рыцарские атрибуты: “*“And next his shert an aketoun, / And over that an haubergeoun / For percing of his herte: / And over that a fine hauberk, / Was all y-wrought of Jewes werk, / Full strong it was of plate: / And over that his cote-armour, / As white as is a lily-flower, / In which he wol debate. / His sheeld was all of gold so red, / And therein was a bores heed, / A charbocle by his side... / His jambeux were of quirboily, / His swerdes sheeth of ivory, / His helm of latoun bright; / His saddle was a rewel bon, / His bridle as the sunne shon, / Or as the moone light. / His spere was of fine cypress, / That bodeth wer and nothing pees / The heed full sharp y-grounde* [Chaucer, *The Canterbury tales*, p. 173-174]. «Сорочку он покрыл броней, / Чтоб сердце, идя в смертный бой, / Предохранить от раны. / Затем облек себя вокруг / Щитками лат – издельем рук / Искусного еврея, / Поверх всего надел камзол, / Который белизною цвел, / Как чистая лилея. / С кабаньей головою щит / Имел отменно грозный вид... / Огнем латунный шлем сверкал, / В кости слоновой меч лежал, / Сапог из мягкой кожи / На каждой был ноге надет, / Поводья выпускали свет, / На

лунный блеск похожий. / И кипарисовым копьём / С каленым тонким остриём / Наш рыцарь красовался» [Чосер, Кентерберийские рассказы, с. 141].

Сорочка, броня, камзол, щит, шлем, меч, сапоги из мягкой кожи, копье – всем описанием внешнего облика рыцаря, наполненным красочными эпитетами, автор рисует привлекательный, завораживающий, вызывающий трепет и восхищение, воинственный образ рыцаря. Характеристика рыцарского нрава (весельчак) дополняет описание привлекательной наружности (“*He was the moste lusty bachelor / Of all this world ...* [Там же.] - «Он был красавец рыцарь, весельчак...» (Там же).

“*And my lord Yvain was so handsome that they all marvelled to look at him, and all, rising to their feet, salute and bow to my lord Yvain ...*” [Troyes, *Yvain or the Knight with a lion*, p. 23]. «Своей наружностью счастливой / Своей осанкой горделивой / Наш рыцарь всех приворожил» [Труа, *Ивейн или рыцарь со львом*, с. 76].

Все характеристики внешнего облика рыцаря сводятся к привлекательному образу молодого, счастливого, веселого, удалого молодого человека, с гордой осанкой, вооруженного и конного, как пристало быть настоящему рыцарю со всей его воинской атрибутикой.

Владение искусством верховой езды и ценность наличия хорошего коня особо подчеркивается при описаниях рыцаря. Уильяма Кэкстон, известный английский печатник XV века, обращаясь к представителям правящего класса, говорит: «... Сколько рыцарей теперь найдется в Англии, которые ведут себя, как рыцари, ... а именно те, кто знает своих коней, а кони признают их. Другими словами, имеют они все необходимое, что принадлежит рыцарю: подходящего коня, обученного своею рукою, латы и упряжь, подогнанные под них...» [Цит. по: Фергюсон, 2004, с. 64]. Приведем примеры:

“*The champions advanced through the lists, restraining their fiery steeds, and compelling them to move slowly, while at the same time, they exhibited their paces, together with the grace and dexterity of the riders*” [Scott, *Ivanhoe*, p. 65]. «Бойцы выехали на арену, сдерживая своих горячих коней и принуждая их

медленно выступать, чтобы похвастать красотой их шага и своей собственной ловкостью и грацией» [Скотт, Айвенго, с. 96].

Вызывая восхищение и уважение толпы рыцарь тщеславно упивается своим искусством наездника; это способ похвастаться не только конем, но и своей ловкостью. Рыцарь не лишен самолюбования.

“...he reigned his horse backward down the slope which he had ascended, and compelled him in the same manner to move backward through the lists, till he reached the northern extremity... This feat of horsemanship again attracted the applause of the multitude” [Scott, Ivanhoe, p 68-69]. «...он заставил свою лошадь задом спуститься с холма и пятиться через всю арену вплоть до северных ворот... Удивительное искусство, с которым он управлял конем, снова вызвало громкие похвалы большинства зрителей» [Скотт, Айвенго, с. 100].

“The horse was led into the lists by two grooms richly dressed, the animal itself being fully accoutred with the richest war-furniture; which, however, scarcely added to the value of the noble creature in the eyes of those who were judges. Laying one hand upon the pommel of the saddle, the Disinherited Knight vaulted at once upon the back of the steed without making use of the stirrup, and brandishing aloft his lance, rode twice around the lists exhibiting the points and paces of the horse with the skill of a perfect horseman” [Scott, Ivanhoe, p. 74]. «Двое богато одетых конюхов вывели на арену великоленно одетого коня в полном боевом снаряжении самой тонкой работы. Упершись одной рукой о седло, рыцарь Лишенный Наследства вскочил на коня, не дотронувшись до стремян, и, подняв копье, дважды объехал арену с искусством первоклассного наездника, испытывая прекрасные стати лошади и заставляя ее менять аллюр» [Скотт, 2007, с. 105-106].

Эти примеры подтверждают слова Кэкстона о том, что настоящий рыцарь должен знать и чувствовать своего коня, а конь - своего хозяина. В текстах описаниям коня уделяется особое внимание (*fiery steeds* (горячие кони), *noble creature* (благородное животное), *fully accoutred with the richest*

war-furniture (великолепно одетый (конь) в полном боевом снаряжении); искусство верховой езды получает высокую оценку.

Итак, авторское представление внешнего облика типичного рыцаря может варьироваться: например, в одних текстах рыцарь видится как человек среднего роста (*middle size*) и скорее хрупкого, чем крепкого телосложения (*rather slender than strongly made*), в других, напротив, рисуется образ крепкого (*strong of person*), высокого (*tall*), широкоплечего (*broad-shouldered*), могучего (*large of bone*) рыцаря с атлетическим телосложением (*athletic*). Во всех анализируемых нами текстах рыцарь красив (*fair*), а черты его лица привлекательны: *high features* (возвышенные, правильные черты), *ruddy embrowned cheek-bones* (загорелые скулы, покрытые здоровым румянцем), *large bright and blue eyes* (большие, ярко-голубые глаза), *a head thick-curved with yellow hair* (густые кудрявые светло-русые волосы), *a mouth well-formed* (красиво очерченный рот). Даже антагонист имеет привлекательную внешность, потому что несмотря ни на что он – рыцарь: *high features, naturally strong and powerfully expressive* (выразительные, ярко выраженные, крупные черты), *keen, piercing dark eyes* (смелые, темные, пронизательные глаза), *thick curled hair of raven blackness* (густые и черные, как смоль кудри), *gracefully majestic step and manner* (величавые осанка и поступь).

Описание одежды и рыцарского облачения создают блистательный образ, иллюстрирующий фразеологический оборот «*a knight in shining armour*» (рыцарь в сверкающих доспехах): *cote-armour, as white as is a lily-flower* (камзол, белоснежный, как лилия), *his sheeld was all of gold so red* (щит золотом сверкал), *his helm of latoun bright* («огнем латунный шлем сверкал»), *his bridle as the sunne shon* (поводья светились, как солнце).

2. Происхождение или определяемый типажом социальный статус.

Историки приводят документальные тексты, в которых речь идет о принципиальном значении знатности и принадлежности к рыцарскому сословию в контексте сражений: «Во времена Жанны д'Арк, в 1429 году в битве между англичанами и французами английский полководец, чувствуя явное

преимущество французов и решив сдаться, посвятил в рыцари своего противника. Ты дворянин? - Да,- отвечает воин. - Ты рыцарь? - Только оруженосец,- возражает Реньо. - Ну так приблизься, я возведу тебя в звание, которого ты достоин: своей храбростью ты заслужил сегодня золотые шпоры. Реньо скромно, но с достоинством, приближается, преклоняет колена, Суффольк ударяет его мечом по плечу, принимает предписанную уставом клятву, произносит обычную формулу и, подавая ему рукоятку того самого меча, которым совершил обряд посвящения, говорит: - Встань! Теперь ты рыцарь, прими меня на выкуп: я твой пленник. Так английский полководец избежал стыда сдаться простому оруженосцу» [Рун, 2007, с. 40].

В данном тексте задет вопрос личной чести рыцаря. Благородный рыцарь потеряет свое лицо, сдавшись дворянину-оруженосцу, поэтому он находит способ избежать такого унижения и посвящает оруженосца в рыцари на поле сражения. Из этого примера можно извлечь еще одно интересное наблюдение: для рыцаря не важен исход сражения (победа не столь принципиальна), но важен сам процесс со всеми мельчайшими деталями, в том числе актуален и социальный статус побеждающей стороны.

Респонденты в своих ответах также отмечают происхождение рыцаря:

“...he is an aristocrat. As such he walks with an air of an aristocrat”. – Он – аристократ. Ходит он, как аристократ.

“...I imagine them [knights] to come from wealthy land-owning families” – Они [рыцари] в моем представлении родом из богатых семей землевладельцев.

“The original chivalry would only be in the highest social classes – titled”. – Изначально, классические рыцари принадлежали к высшему социальному классу, носили титулы.

“His behaviour would reflect his high standing in society, he would be a role model looked up to and respected”. – Его поведение отражало его высокое положение в обществе, он представлял собой идеальную модель поведения. Из данных высказываний мы можем сделать вывод, что образ высоко по-

ставленного феодала, владеющего землей аристократа, жив в сознании носителей языка.

Происхождение рыцаря актуально и подчеркивается в текстах художественной литературы, поскольку сословность и кастовость – неотъемлемые черты типажа «рыцарь». Например, *“The stranger must first show’ said Malvoisin, ‘that he is good knight, and of honourable lineage. The Temple sendeth not forth her champions against nameless men.” “My name, ‘said the Knight, raising his helmet, is better known, my lineage more pure, Malvoisin, than thine own. I am Wilfred of Ivanhoe” [Scott, Ivanhoe, p. 378]. – «Прежде всего, – сказал Мальвуазен, - приезжий обязан доказать, что он настоящий рыцарь и почетной фамилии. Наш орден не позволяет своим защитникам выступать против безымянных людей. – Мое имя, – сказал рыцарь, открывая забрало своего шлема, - более известно, чем твое, Мальвуазен, да и род мой постарше твоего. Я – Уилфред Айвенго» [Скотт, Айвенго, с. 452]. В данных текстах показана важность и необходимость иметь благородный род для того, чтобы вступить в поединок. Рыцарей недворянского рода презрительно называют безымянными. Знатность и происхождение рыцаря важны не только в контексте участия в сражении или поединке; рыцарь должен быть достаточно знатен для общения и служения высокородной даме: *“But now she is anxious to make amends, and to inquire concerning the name, character, and lineage of the knight” [Troyes, Yvain..., p. 20]. «Ей, госпоже, всего важней / Свое лелея упованье / Происхожденье и прозванье / Чужого рыцаря узнать <...> / Скажите: храбрый рыцарь тот / От предков знатных род ведет?» [Труа, Ивейн..., с. 70].**

Итак, рыцарь имеет благородное происхождение и высокий социальный статус, которые носят принципиальное значение в различных контекстах рыцарской деятельности.

3. Место жительства.

Из истории нам известно, что рыцари, как правило, жили в замках в окружении своей семьи и приближенных [Гуревич, 2009; Иванов, 1907; Дар-

кевич, 1988]. Упоминанием замка обычно ограничивается описание места жительства рыцаря; оно оказывается нерелевантным признаком и практически не описывается в рыцарской литературе, что объясняется специфическим образом жизни, которую ведет рыцарь, участвуя в войнах, турнирах и странствуя в поисках славы. Вероятно по этой же причине, респонденты не описывали жилища рыцарей.

4. *Сфера деятельности и досуг.* Рыцарь – это представитель воинского сословия, и основная сфера его деятельности – это война. Ответственность за военную подготовку, как и за экипировку, до конца Средних веков полностью лежала на частных лицах и воспринималась как одна из общественных обязанностей знати. *«Великий английский кондотьер сэра Джон Хоквуд однажды встретился у ворот Монтекио с двумя монахами, которые пожелали ему мира. “Да отведет Господь ваши молитвы, – таков был его ответ на это благословение. – Неужели вы не знаете, что именно война дает мне средства к существованию, тогда как мир грозит мне полным разорением?”»* [Приводится по: Кин, с. 403-404].

Турниры – это еще один вид деятельности рыцарей, связанный с военным контекстом. Турниры рассматривались как подготовка к военным действиям, наилучший способ научиться управлять боевым конем, владеть оружием и сражаться в полных боевых доспехах. Более поздняя турнирная традиция (XV в.) скорее представляла собой театрализованное действие.

Досугом для рыцарей было препровождение времени в пирах. Пировать любили подолгу и на широкую ногу. После турниров обычно предусматривалось устройство пира. На пирах суровая военная обстановка сменялась придворной атмосферой, от рыцарей ожидалось проявления изысканных манер, галантности.

Еще одним излюбленным занятием у знати были охотничьи забавы. Многие рыцари были превосходными охотниками. В романе «Айвенго» есть указание на то, что сам король Ричард Львиное сердце был знатным охотником: *«And then in his turn he winded the call till all the greenwood rang. “Well-*

blown and clearly,' said the yeoman, 'beshrew me an thou knowest not as much of woodcraft as of war! – thou hast been a striker of deer in thy day, I warrant'» [Scott, *Ivanhoe*, p. 265]. «Он взял рог и, в свою очередь, затрубил тот же сигнал так, что по всему лесу пошли отголоски. – Славно ты трубишь, очень чисто у тебя выходит, - сказал йомен. – Провалиться мне на этом месте, коли ты не такой же знатный охотник, как знатный воин. Бьюсь об заклад, что ты на своем веку пострелял довольно дичи...» [Скотт, *Айвенго*, с. 320].

Романтизированный вид деятельности, которому посвящаются целые романы («Ивейн или рыцарь со львом» и др.) – это странствия в поисках приключений, совершения подвигов ради своей прекрасной дамы, прославления своего имени: *“I am, as thou seest, a knight seeking for what I cannot find; long have I sought without success.”* <...> *‘Some adventure whereby to test my prowess and my bravery. Now I beg and urgently request thee to give me some counsel, if possible, concerning some adventure or marvellous thing’* [Troyes, *Yvain...*, p. 7]. «Я – рыцарь, - говорю мужлану / Искать всю жизнь я не устану / Того, чего найти нельзя / Вот какова моя стезя / Ответь без лишних поучений / Чего ты хочешь? – Приключений!» [Труа, *Ивейн...*, с. 38].

Описание поисков и странствий – излюбленный мотив в средневековых романах. Рыцарь находится в постоянном поиске славы, приключений, истины, добра и т.д.

5. Семейное положение.

«Супружество не отличалось тогда особой прочностью. Рыцарь пребывал постоянно вне дома в поисках славы; оставшаяся в одиночестве жена умела наградить себя за его отсутствие. Сыновья воспитывались при чужих дворах. Но род проявлял сплоченность, если речь заходила о мести; ответственность также нес род в целом» [Оссовская, 1987, с. 85]. «Рукоприкладство было делом обычным, до сломанного носа включительно. Супружеская неверность, которая у мужчин разумелась сама собой и отнюдь не наносила ущерба их достоинствам, у женщин наказывалась – в легендах эпохи – сожжением на костре...» [Там же. С. 92].

Приведем пример, который иллюстрирует тот факт, что семья не играет большой роли в жизни рыцаря: *““What? Will you be one of those.” said my lord Gawain to him, “who degenerate after marriage? Cursed be he by Saint Mary who marries and then degenerates! Whoever has a fair lady as his mistress or his wife should be the better for it, and it is not right that her affection should be bestowed on him after his worth and reputation are gone <...> Now ought your fame to be increased!”* [Troyes, *Yvain...*, p. 31]. *«Неужто, сударь, вы из тех, кто / Слишком падок до утех / Гавейн промолвил, - кто женился / И раздобрел и обленился? / Сама небесная царица / Подобных рыцарей стыдит / Блаженство, сударь, вам вредит / Вам рыцарствовать недосужно? / Нет, совершенствоваться нужно / Красавицу завоевав / Проститься лучше вам с женой / И снова странствовать со мной»* [Труа, *Ивейн...*, с. 85].

Таким образом, семейное положение не являлось релевантным признаком для рыцаря.

б. Окружение.

К окружению рыцаря относятся его оруженосцы (их количество зависит от достатка рыцаря), которые прислуживают рыцарю и везде его сопровождают. Лишь один респондент уточнил, кто окружает рыцаря: *“He is being followed by his servants and squires”*. – За ним следуют его слуги и оруженосцы. С одной стороны, рыцарь как сеньор, феодал окружен прислугой, с другой стороны, он сам несет службу у своего сюзерена.

К окружению рыцарей стоит отнести и герольдов и герольдмейстеров, которые выполняли необыкновенно важные функции, связанные с деятельностью рыцарей. «Они вели тщательный счет нанесенным и полученным ударам на турнирах; они внимательно изучали гербы и шлемовые эмблемы всех, кто желает принять участие в турнире; они сверялись со своими архивными записями, чтобы убедиться, что все претенденты достаточно родовиты и имеют право участвовать в подобных состязаниях. <...> Они считались фигурами значительными, признанными экспертами в оружии и доспехах, в

гербоведении и во всех светских церемониях –в оформлении коронаций, обрядов посвящения в рыцари и похорон [Кин, 2000, с. 242].

Дама сердца также входила в окружение рыцаря, поскольку ей уделялось немало место в его жизни. Рыцарь должен был постоянно подтверждать свою любовь к даме своими доблестными поступками. Физически он мог быть далеко от своей дамы, но в контексте куртуазной любви это только приветствовалось. Все мысли рыцаря были о его прекрасной даме, поэтому она твердо входила в рыцарское пространство.

7. Речевые характеристики.

Наш материал не дает нам достаточной информации для адекватного описания речевых особенностей рыцарей. Тем не менее, можно сделать некоторые замечания по поводу коммуникативного поведения рыцаря. По наблюдениям историка А. Б. Фергюсона, сделанным на основе произведения Дж. Чосера «Кентерберийские рассказы», «язык, которым рыцарь излагает свой рассказ, отличает его от всех остальных паломников, не только употреблением другой лексики, но и построением предложения; расстановкой знаков препинания Чосер демонстрирует, что, с его точки зрения, сам рыцарь уверен в своей властности, в своем социальном статусе и превосходстве над другими. Рассказ он ведет неторопливо, понимая, что его все равно дослушают до конца» [Фергюсон, 2004, с. 15]. Что касается неторопливости и размеренности речи, это отмечают в своих сочинениях и наши респонденты, опираясь, видимо на фоновую информацию, полученную из литературы и фильмов. Например, *“A knight talks eloquently, confidently but not rashly. Considered statements, tempered with wisdom”* – Рыцарь говорит выразительно, уверенно, но не спешно. Обдуманное высказывание, проникнутое мудростью. *“...slowly, calmly but with strength. With a graceful air...”* – Медленно, тихо, но твердо. В любезной манере.

От рыцаря ожидалась учтивость, обходительные манеры, что требовал этикет и мода на куртуазность, зародившиеся во Франции. Приведем пример из романа В.Скотта: *“I pray you, Sir Knight, ’ said Rowena, ‘to cease a language*

so commonly used by strolling minstrels, that it becomes not the mouth of knights or nobles...” [Scott, *Ivanhoe*, p. 177]. «– Прошу вас, сэръ, – сказала Ровена, – прекратить эти речи! Они приличны странствующим менестрелям, но во все не подходят рыцарям и дворянам...» [Скотт, *Айвенго*, с. 218]. К речи рыцаря предъявляются требования следовать этикету и соблюдать любезность и вежливость, особенно по отношению к даме. Первые Плантагенеты, правившие Англией, были и по языку, и по культуре, и по пристрастиям французами, поэтому в Англии долгое время сохранялась мода на все французское, в том числе и на язык. Первые рыцарские романы появлялись тоже на французском языке.

Проанализировав образно-перцептивные характеристики лингвокультурного типажа «рыцарь», мы выявили основные признаки данного типажа: 1) мужчина, 2) преимущественно молодой, 3) как правило, крепкого телосложения, 4) имеющий привлекательную внешность, 5) конный воин, 6) в доспехах, 7) вооруженный, 8) имеющий высокий социальный статус. Следуя логике паспорта лингвокультурного типажа, сфера деятельности рыцаря – это война или подготовка к войне в виде турниров; к сфере досуга относится светская часть жизни рыцаря, которую составляют пиры и охота. К рыцарскому окружению относятся его оруженосцы, сеньор, дама сердца, герольды. Такие признаки как род жилища, семейное положение и речевые характеристики определяются нами, но не являются релевантными для данного типажа в силу его специфики.

1.2. Лингвокультурное моделирование ценностей в рыцарской культуре

Ценности, высшие ориентиры общества, служат инструментом для построению той или иной модели этического поведения в разных сообществах. Ценности составляют фундамент культуры, поэтому выветривание ценностей ведет к культурной деградации.

Изучением ценностей занимаются разные науки: философия, психология, культурология, этика, логика, социология, лингвистика. В энциклопедии по культурологии дается следующее определение ценностям – «ценности – это важнейшие компоненты человеческой культуры наряду с нормами и идеалами. <...> С помощью этого понятия характеризуется личностный смысл для отдельного человека и социально-историческое значение для общества определенных предметов и явлений действительности» [ЭК, www].

Философская энциклопедия определяет данное понятие так: «ценность – это сложившаяся в условиях цивилизации и непосредственно переживаемая людьми форма их отношения к общезначимым образцам культуры и к тем предельным возможностям, от осознания которых зависит способность каждого индивида проектировать будущее, оценивать “иное” и сохранять в памяти прошлое» [СФС, 1998]. В новейшем философском словаре ценности трактуются как «порождаемые культурой, вплетаемые в изменчивое многообразие социальной жизни как ее инварианты, позволяющие: связывать разные временные модусы (прошлое, настоящее, будущее); семиотизировать пространства человеческой жизни, наделяя все элементы в нем аксиологической значимостью; задавать системы приоритетов, способы социального признания, критерии оценок; строить сложные и многоуровневые системы ориентации в мире; обосновывать смыслы. В силу того, что ценности непосредственно “не даны” и “не представимы” они воплощаются и реализуются посредством иных универсальных культурных механизмов, прежде всего - через нормы» [НФС, 1998].

«В деонтологических теориях этики и в логике норм за основу принимается концепт обязанности, из которого выводится понятие ценности. В аксиологических концепциях и в логике оценок считается первичным концепт ценности, добра, а понятие обязанности производным от него. Аксиологические понятия образуют ценностные, а деонтологические – нормативные суждения. ... Ценности так или иначе проистекают от человека, они не лежат во

внешнем мире. ... В противном случае они перестали бы быть ценностями и составили бы часть объективного мира» [Арутюнова, 1988, с. 9–10].

По Н. Д. Арутюновой понятие ценности выполняет *координирующую* (между человеком и миром объектов), *стимулирующую* (направляющую деятельность), *дидактическую* и *регулирующую* (прескриптивную) функции в механизмах жизни.

Категория ценности соотносится с категориями оценки и нормы. Оценка составляет большую часть коммуникации и пронизывает всю нашу жизнь. Через оценку человек выражает целый спектр эмоций, желаний и т. д. Ценность по своей сути имплицитна и заложена в человеческом сознании, а оценка эксплицитна и может объективировать ценность. Норма носит предписывающий характер и соотносится с положительной оценкой социума. Анализ языковых структур, содержащих оценку, позволяет исследовать ценности и нормы социума [Бабаева, 2003, с. 27].

В нашей работе под лингвокультурными ценностями мы понимаем высшие ориентиры поведения, свойственные представителям того или иного социума. «Ценности непосредственно связаны с концептами – квантами переживаемого знания. Концепты возникают в сознании и коммуникативной практике вследствие необходимости осмыслить тот или иной фрагмент опыта, а такая необходимость в свою очередь объясняется важностью соответствующего опыта для людей, т.е. имеет ценностную природу» [Карасик, 2014, с. 80]. Н. Д. Арутюнова также приходит к выводу о смежности ценностей с концептами. Ценности по Н. Д. Арутюновой – это «аксиологические концепты».

В. И. Карасик с лингвистических позиций подразделяет ценности по типам на *персонолистические* и *онтологические*. *Персонолистические* ценности могут быть общечеловеческими, этнокультурными, групповыми и микрогрупповыми. *Онтологические* ценности подразделяются на витальные, утилитарные, моральные и суперморальные [Там же. С. 79].

«Моделирование ценностей нацелено на объяснение мотивации этих ценностей (почему тот или иной тип поведения является приоритетным в данной культуре), на освещение специфической комбинаторики ценностей (именно их комбинаторика в значительной мере объясняет особенности мировосприятия, свойственного определенному индивиду или определенной группе; случаи полного отсутствия той или иной ценности сравнительно редки), на выявление динамики таких ориентиров поведения (эта динамика обусловлена социально-историческими факторами), на определение способов их выражения (существуют определенные семиотические механизмы кодирования и декодирования ценностей)» [Карасик, 2012, с. 7].

Следуя данной логике моделирования ценностей, предложенной В. И. Карасиком, попытаемся объяснить мотивацию рыцарских ценностей: *Почему данный тип поведения является приоритетным в данной культуре?*

Рассмотрим основные характеристики средневекового мира и его культуры, опираясь на исследования историков-медиевистов. А. Я. Гуревич говорит о «странностях» средневекового сознания, которые обнаруживаются во всем: слово и идея, например, настолько же реальны, как и предметный мир; конкретное и абстрактное не разграничиваются; повторение мыслей древних авторитетов одобряется, а высказывание новых идей осуждается, оригинальность вообще считается ересью. Представлений о детстве не существует, и к детям предъявляются те же требования, что и к взрослым; подход к истине и правосудию достаточно формален, вплоть до того, что в качестве обвиняемого в преступлении могли привлечь животное или неодушевленный предмет и т.д. [Гуревич, 1984, с. 18–19]. Средневековая эпоха – это время парадоксов и противоречий. О крайностях жизни этой эпохи, об ее остроте и яркости рассуждает Й. Хейзинга: «Так неистова и пестра была эта жизнь, где к запаху роз примешивался запах крови. Словно исполин с детской головкой, народ бросался от удушающих адских страхов – к младенческим радостям, от дикой жестокости – к слезливому умилению. Жизнь его полна крайностей: безусловное отречение от всех мирских радостей – и безумная тяга к наживе и

наслаждениям, мрачная ненависть – и смешливость и добродушие... Тому, кто пытается углубиться в эту эпоху, удержать радостную ее сторону не так просто. Ибо вне сферы искусства все здесь как бы объято мраком. Грозные предостережения проповедников, усталые вздохи высокой литературы, монотонные свидетельства документов и хроник – все это рисует нам пеструю картину кричащих грехов и вопиющего бедствия» [Хёйзинга, 2004, с. 35].

Описанная картина контрастов и противоречий, уживающихся в культуре Средневековья, охватывает и рыцарское сословие. Приведем в пример отрывок из очерка В. Скотта о рыцарстве, в котором он рассуждает о рыцарских ценностях в теории и на практике: *“The Greeks and Romans fought for liberty or for conquest, and the knights of the middle ages for God and for their ladies. Loyalty to their sovereigns was a duty also incumbent upon these warriors ; but although a powerful motive, and by which they often appear to have been strongly actuated, it entered less warmly into the composition of the chivalrous principle than the two preceding causes. <...> He [the knight] was not called upon simply to practise these virtues when opportunity offered, but to be sedulous and unwearied in searching for the means of exercising them, and to push them without hesitation to the brink of extravagance, or even beyond it. <...>. But as, in actual practice, every institution becomes deteriorated and degraded, we have too much occasion to remark, that the devotion of the knights often degenerated into superstition, — their love into licentiousness, — their spirit of loyalty or of freedom into tyranny and turmoil, - their generosity and gallantry into hare-brained madness and absurdity”* [Scott, 1834, p. 10-11]. – Греки и римляне сражались за свободу или ради завоеваний, а средневековые рыцари сражались за веру и за прекрасных дам. Верность своему государю также вменялась рыцарям в обязанность, но, хотя это и был мощный стимул, он не владел рыцарем столько же сильно, сколько два предыдущих принципа. Он должен был проявлять все эти черты, не только когда появлялась возможность, но и сам искал возможности проявить их лучшим образом. Но как это обычно бывает с идеалом, который начинает вырождаться, так и рыцарское служение стало превращаться в фа-

натизм, любовь – в блуд, верность и жажда свободы – в жестокость и беспорядки, щедрость и доблесть – в безрассудство и абсурд. (Перевод наш – Е.Г.).

Таким образом, романист, идеализирующий рыцарские ценности в своих произведениях, трезво оценивает их реализацию в реальной жизни, подтверждая умозаключения историков.

Считается, что многие черты поведения рыцарская культура унаследовала от предыдущих эпох. Например, М. Кин говорит о том, что истоками подавляющей части рыцарских воззрений являются героические идеалы прошлого, «которые послужили основой и для самой идеи рыцарства» [Кин, 2000, с. 148]. А. Я. Гуревич считает, что такие понятия как *честь, слава, родовитость, щедрость*, высоко оцениваемые в рыцарских кругах, унаследованы ими от предшествовавшей классовому строю эпохи. Среди них *щедрость* особенно «возводится в центр этической системы рыцарства, оттесняя даже рыцарскую удаль» [Гуревич, 1984, с. 208]. Щедрость заключается в активной растрате своего богатства, а «расчетливость и бережливость – это качества, противоположенные ... сословной этикой» [Там же]. При этом суть щедрости – в ее публичности и демонстративности и своей целью имеет поразить тех, в присутствии которых совершаются расточительные поступки. *Щедрость* находит свое проявление на пирах и турнирах, где публичность гарантирована. Описание рыцарской *щедрости* дает нам очередной пример гиперболизированного выпячивания отдельных черт, составляющих рыцарскую картину мира.

С одной стороны, рыцарство следует религиозной идеологии своей эпохи со всей ее набожностью и аскетичностью, с другой – формируются правила куртуазности, берущие свое начало во Франции, по праву считавшейся «законодательницей моды» на рыцарскую культуру. Эти правила куртуазности в противовес аскезе прославляли все «земное»: молодость, красоту, славу, любовь. Так, рыцарство, балансируя между аскезой и куртуазностью, вырабатывает свою модель поведения.

«Понятие *рыцарства* включает в себя постоянное улучшение достигнутых результатов и нежелание поживать на лаврах, т.е. рыцарство предполагает динамизм, который рыцарский кодекс чести и градация доблестных деяний вменяют рыцарю в обязанность» [Кин, 2000, с. 31]. Этот факт объясняет существование сложившегося рыцарского кодекса поведения. В разных источниках фигурируют разные вариации рыцарских ценностей, входящих в кодекс чести рыцаря. Данный кодекс чести репрезентируется концептом «рыцарственность» (*chivalry*). На наш взгляд *рыцарственность* – это центральное место в системе ценностей рыцарского кодекса поведения. Именно *рыцарственность* стала «руководством к обучению, в котором нуждались молодые джентльмены и сквайры» [Фергюсон, 2004, с. 18].

Обратимся к помощи толковых словарей для уточнения понятийной стороны концепта «рыцарственность». Лексема *chivalry* от латинского *caballus* в переводе означает *лошадь, особенно верховую*. Заимствованная из французского (*chevalier [cheval]*), как и многие другие важные для средневековой английской культуры слова, лексема *chivalry* впервые зафиксирована в работах начала XIV века в нескольких значениях, включающих такие: “a body of armored mounted warriors serving a lord” и “kighthood as a ceremonially conferred rank in the social system”. Более позднее значение “the medieval system of kighthood” появляется только лишь в XVII веке [OEtD, www]. Толковые словари определяют слово *chivalry* следующим образом: 1) the medieval system, principles, and customs of kighthood, 2) a) the qualities idealized by kighthood, such as bravery, courtesy, honor, and gallantry toward women, b) a manifestation of any of these qualities, 3) a group of knights or gallant gentlemen [OED: www]; 1) behaviour that is honourable, kind, generous, and brave, especially man’s behaviour towards women [LDCE, 1995]; 1) polite and kind behaviour that shows a sense of honour, especially by men towards women, 2) (in the Middle Ages) the religious and moral system of behaviour which the perfect knight was expected to follow [OALD, 2005]; 1) the practices, principles, and spirit of medieval kighthood, 2) gallantry, courtesy, loyalty, and other qualities expected of an

ideal knight, 3) a group of knights [WDT, www]. Словарь-тезаурус предлагает целый ряд синонимов и «похожих слов» (similar words) для лексемы *chivalry*: *integrity, valour, honour, virtue, gallantry, nobility, prowess, gentlemanliness, courtesy, loyalty, courage, heroism, fidelity, constancy, bravery, righteousness, courtliness*. На наш взгляд приведенные лексемы скорее являются гипонимами по отношению к лексеме *chivalry* и выражают частные качества рыцарства. Рассмотрим дефиниции данных гипонимов:

integrity 1) a strong sense of honesty and morality; firmness of moral and ethical character [Wordsmyth, www]; the quality of being honest and having strong moral principles [OALD, 2005];

honour 1) high public esteem or reputation, 2) integrity and truthfulness in one's behaviour [Wordsmyth: www]; 1) the quality of knowing and doing what is morally right, 2) a good reputation, respect from other people [OALD, 2005];

valour 1) boldness in facing danger; courage; bravery [Wordsmyth, www]; great courage, esp. in war [OALD, 2005];

virtue 1) moral excellence; righteousness, 2) a specific example of moral excellence, 3) an admirable trait, as in a person's character [Wordsmyth, www]; 1) behaviour or attitudes that show high moral standards, 2) a particular good quality or habit [OALD, 2005];

gallantry 1) admirable courage, 2) courtesy or amorous attentiveness to women, 3) a gallant action or utterance [Wordsmyth, www]; 1) courage, esp. in a battle, 2) polite attention given from men to women [OALD, 2005];

nobility 1) the persons of noble rank or status in a country collectively; aristocracy, 2) the state or quality of being noble in rank, birth, or character [Wordsmyth, www]; 1) people of high social position who have titles such as that of Duke or Duchess, 2) the quality of being noble in character [OALD, 2005];

prowess 1) great skill or talent; superior ability, exceptional strength, courage, or ability in battle [Wordsmyth: www]; great skill at doing sth. [OALD, 2005];

gentlemanly 1) like, characteristic of, or befitting a gentleman; well-mannered (derived forms – gentlemanliness) [Wordsmyth, www]; behaving very well and showing very good manners [OALD, 2005];

loyalty 1) the condition of being faithful or loyal [Wordsmyth: www]; the quality of being faithful in your support of sb./sth. [OALD, 2005];

fidelity 1) loyalty or faithfulness to obligations, promises, or those to whom one has made a commitment, 2) accuracy and truthfulness; faithfulness to fact and detail [Wordsmyth, www]; 1) the quality of being loyal to sb. [OALD, 2005];

courtly 1) refined and elegant in behavior and manner, 2) having qualities suited to life in a monarch's or noble's court [Wordsmyth, www]; extremely polite and full of respect, especially in an old-fashioned way [OALD, 2005].

Таким образом, ценности, частично унаследованные от других эпох и сложившиеся в рыцарский кодекс поведения в эпоху Средневековья, отразились в качествах, зафиксированных в лексикографии. Это и верность, преданность, надежность; и искренность, прямолинейность; и отвага, честь, высокие моральные принципы; и вежливость, обходительность, галантность. Кажется, один человек не может вместить в себе все эти качества, но к рыцарству предъявлялись требования иметь и демонстрировать все эти черты. Такая высокая планка говорит о стремлении к совершенствованию человеческой личности, о желании расти над собой, что само по себе является для эпохи положительным моментом. Британский философ XIX века Джон Стюарт Милль (1806 – 1873) писал: *“chivalry fell ... sadly short of its theoretic standard. [However,] it remains one of the most precious monuments of the moral history of our race, as a remarkable instance of a concerted and organized attempt by a most disorganized and distracted society, to raise up and carry into practice a moral ideal greatly in advance of its social condition and institutions, so much so as to have ... left a most sensible, and for the most part a highly valuable impress on the ideas and feelings of all subsequent times”* [Цит. по: Goff, www]. – Как это ни печально, рыцарство исчерпало свои теоретические стандарты. Однако оно продолжает оставаться одним из самых ценных памятников мораль-

ной истории человечества как выдающийся пример согласованной и организованной попытки, совершенной самым неорганизованным и разобщенным обществом, воздвигнуть и внедрить в жизнь моральный идеал, опередивший свои социальные условия и институты настолько, чтобы суметь оставить в высшей степени разумный и по большей части полезный след, повлиявший на идеи и чувства всех последующих эпох (Перевод наш – Е.Г.).

Следующий этап моделирования ценностей, как было указано выше, состоит в освещении комбинаторики ценностей, отражавших мировоззрение рыцарской культуры. Под комбинаторикой ценностей мы понимаем группу ценностей, тесно взаимосвязанных между собой, образующих определенную иерархию. При этом иногда оказывается достаточно сложным определить степень важности ценностей и выявить приоритеты в ценностных ориентирах, поэтому мы не делаем попытки выстроить ценности рыцарской культуры в иерархическую систему – мы рассматриваем их взаимосвязь.

Религиозность была основной чертой всего средневекового мира и проникала во все сферы жизни. «Бог и человеческая душа представляли собой для той эпохи абсолютную ценность» [Гуревич, 1984, с. 62]. «История церкви считалась стержнем всего исторического движения, а сквозь ее призму рассматривалась история вообще» [Там же. С. 102]. В контексте такой религиозной идеологии эпохи рождался идеал средневекового общества – монах «святой, аскет, человек, максимально отрешившийся от земных интересов, забот и соблазнов и поэтому более всех приблизившийся к богу... Идеал святого был всеобщим, имевшим силу для всех слоев общества» [Там же. С. 203]. Другим идеалом, господствующим у отдельных слоев феодального общества, был рыцарский идеал, но, по мнению А. Я. Гуревича, он был также подчинен идеалу святого, «ибо в рыцаре достойными преклонения и подражания считались не только физическая сила и боевой дух и даже не само по себе сознание сословной чести и следование принятому кодексу поведения, а подчинение этих качеств высшим, идеальным целям; воинство должно было поставить свое оружие на службу Богу и церкви. Крестовый поход – наибо-

лее возвышенный образ воинской практики, рыцарь – член ордена (*miles Christi*) – таков идеальный тип рыцаря» [Там же]. Церковь вела активную пропаганду Крестовых походов, обещая всем их участникам отпущение грехов и подчеркивала, что именно это и есть «новый путь» для рыцарства, но она так и не смогла вмешаться в отношения между рыцарем и господином и «поколебать тот принцип верности светскому сеньору, который лежал в основе мировоззрения рыцарства» [Кин, 2000, с. 140]. Исходя из сказанного, мы считаем, что одной из фундаментальных ценностей рыцарской культуры является *вера (faith)*.

Вера имела и религиозное, и социально-политическое содержание. «*Fides, fidelitas* – это и вера в бога, и верность господину, олицетворявшему на земле богом данный закон» [Кин, 2000, с. 249]. Верный доблестный вассал выступает главным героем в рыцарском эпосе и рыцарском романе, следовательно, *верность* и *верное* служение Богу и сеньору составляют важный ценностный ориентир рыцарского кодекса чести.

Верность закрепляется клятвой, от которой, следуя кодексу чести, нельзя отступить. Таким образом, большое значение придается данному слову. Например, в балладе *Queen Eleanor's Confession* английский король, муж королевы Элеонор вместе со своим лордом-маршалом, любовником королевы, под личиной французских священников исповедуют ее; накануне король дает клятву испуганному лорду-маршалу, что тот не будет наказан, каким бы ни было признание королевы: “*He 's sworn by his sceptre and his sword / Earl Marischal should not die*” [Queen Eleanor's confession: www]. «–*Я клянусь тебе жизнью и троном своим: / Если ты виноват предо мной, / Из дворца моего ты уйдешь невредим / И прощенный вернешься домой*» [Маршак, 1983, с. 31-33].

В английском варианте текста король клянется своим скипетром и мечом, потому что он еще и рыцарь, а меч символизирует справедливость, поэтому нарушить данное слово было бы тем более моральным преступлением: “*The King then said to Earl Marischal, / To the Earl Marischal said he, / Were it*

not for my sceptre and sword, / Earl Marischal, ye should die” [Queen Eleanor’s confession, www]. «И другому аббату он тихо сказал: / – Будь, отец, благодарен судьбе! / Если б клятвой себя я вчера не связал, / Ты бы нынче висел на столбе!» [Там же].

Клятва для рыцаря – закон, а невыполнение клятвы позорит рыцарскую честь. Проявление *верности* своему слову демонстрируется в соблюдении различных обетов, которые были приняты в рыцарской культуре. Следование обетам было делом *чести* для рыцаря (*Верность и честь*, таким образом, тесно взаимосвязаны), причем, чем более абсурдны были эти обеты, тем сложнее было их выполнять и тем достойнее оказывались рыцари в своей твердости и непоколебимости. Й. Хёйзинга пишет о группе рыцарей, которые поклялись не отходить с поля боя дальше определенного расстояния, заплатив за этот обет жизнью. Историк считает, что «самая идея обета колеблется между высоким стремлением посвятить свою жизнь служению некоему серьезному идеалу – и высокомерной насмешкой над расточительными светскими играми, где мужество, любовь и даже государственные интересы превращались лишь в средство увеселения» [Хёйзинга, 2004, с. 109].

Верность преломляется и еще в одной сфере рыцарской жизни и выражается в рыцарском служении даме сердца. Рыцарь должен хранить верность и служить только своей даме также ревностно, как он служит своему сеньору. *Культ дамы* реализуется в рамках *куртуазности*, которая провозглашалась Прованскими трубадурами в куртуазной литературе и поэзии. «Куртуазная поэзия была неотъемлемым и важнейшим компонентом не одной только любовной практики рыцарства, но и всего его социального поведения» [Гуревич, 1984, с. 208]. Рыцарю приличествовало быть влюбленным, правда, выбирая себе даму сердца, он руководствовался, помимо всего прочего, и ее положением в обществе. Служение относилось к даме из своего сословия, которая часто занимала и более высокое положение, чем рыцарь. Куртуазной любви между мужем и женой быть не могло: это противоречило самой природе куртуазных отношений. Однако известный автор рыцарских романов К.

де Труа оспаривает это мнение и считает, что муж и жена, напротив, связаны куртуазными отношениями.

Концепт «куртуазность» представлял собой «набор требований, которым должен [был] отвечать истинный рыцарь (в этот набор входили не только смелость и верность, не только благочестие и справедливость, но и щедрость, добродушие, веселость, умение не только держаться в седле, но и танцевать, не только владеть копьем и мечом, но и лютней или ротой. Впервые в истории культуры средневековья был поставлен вопрос об эстетическом воспитании...» [Михайлов, 1974, с. 10]. Как пишет А. Я. Гуревич, в определенный момент «выработался ритуал ухаживания и любовных отношений, которому должны были следовать все изысканные люди, дорожившие своей репутацией». [Гуревич, 1984, с. 173]. Данный ритуал можно назвать *галантностью*. Монтескье определяет галантность как любовь, связанную с понятиями опеки и силы, точнее, не столько любовь, сколько “нежную, утонченную и постоянную видимость любви”» [Оссовская, 1987, с. 92].

Куртуазная модель диктовала соответствующие нормы поведения не только благородным рыцарям, но и дамам. «Прекрасная дама должна обладать тактом, любезностью, светской обходительностью, умением со вкусом одеваться, кокетливостью в меру, благородством, разумом, способностью вести светскую беседу...» [Гуревич, 1984, с. 173]. Для дамы считалось обязательным иметь возлюбленного, а рыцарь непременно был обязан «хранить тайну “сокровенной любви” и служить даме сердца точно так же, как вассал служит сеньору...» [Там же].

Честь – это еще одна важная характеристика рыцарского самосознания. Она предопределяла поведение и образ действий рыцаря в той или иной ситуации. Рыцарь должен был постоянно защищать свою честь. Правда, зачастую «поведение рыцаря строится в расчете на зрителей, и он исходит из требований, предъявляемых к нему заданной ролью; он предпочтет попасть в плен, но не будет спешить покидать поле битвы, дабы никто не заподозрил его в трусости» [Гуревич, 1984, с. 252] и дабы не уронить свои честь и досто-

инство. *Честь* и *мужество* тесно переплетаются друг с другом. Для того чтобы постоянно поддерживать свое славное имя все новыми победами, рыцарю требовалось *мужество (отвага)*. «Боязнь быть заподозренным в трусости вела к нарушению элементарных правил стратегии, что в свою очередь очень часто кончалось гибелью рыцаря и истреблением дружины» [Оссовская, 1987, с. 83]. Так случилось с Роландом в героическом эпосе «Песнь о Роланде», который не захотел позвать на помощь основную армию Карла, чтобы его не заподозрили в трусости. Когда же он все-таки затрубил в свой рог, было уже слишком поздно, и участь его отряда была решена.

В пользу того, что ценности *вера, верность, честь, отвага, галантность, куртуазность* представляются фундаментальными в рыцарском кодексе поведения, выступает текст французского поэта и писателя, дворянина Э. Дэшана (середина XIV в.), который можно также рассматривать как реконструкцию рыцарского кодекса поведения: «Тот, кто желает стать рыцарем, должен начать новую жизнь, молиться, избегать греха, высокомерия и низких поступков. Он должен защищать церковь, вдов и сирот, а также заботиться о подданных. Он должен быть храбрым, верным и не лишать никого его собственности. Воевать он обязан лишь за правое дело. Он должен быть заядлым путешественником, сражающимся на турнирах в честь дамы сердца; повсюду искать отличия, сторонясь всего недостойного; любить своего сюзерена и оберегать его достояние; быть щедрым и справедливым; искать общества храбрых и учиться у них, как совершать деяния великих, по примеру Александра Македонского» [Цит. по: Оссовская, 1987, с. 87].

Комбинаторика данных ценностей очевидна: *честь* связана с мужеством славой, щедростью, верностью; *вера* предполагает как верное служение Богу, так и верность сеньору и даме. *Куртуазность* рассматривается как целый набор установок и предусматривает галантное поведение, верное служение даме, демонстрацию чести и мужества. Таким образом, одна ценность «цепляет» за собой ряд других, образуя некие кластеры, «взаимосвязанные смысловые сцепления» [Карасик, 2014, с. 80].

В художественной литературе рыцарь выступает носителем всех перечисленных выше ценностей; авторы награждают своих героев идеальным поведением. В отличие от романистов, историки отказывают своим «героям» в «идеальном». В рамках нашей работы нам представляется необходимым уточнить, соответствовали ли жизненные реалии идеалу. Реалистичные эпизоды истории красочно рассказывают совсем о других «рыцарских деяниях», которые шли вразрез с идеальной моделью поведения. «Вместо смирения – гордость, вместо прощения – месть, полное неуважение к чужой жизни... Греховные с точки зрения церкви поступки легко можно было замолить, уйдя на склоне лет в монастырь. <...> Рыцари жили в двух несогласуемых друг с другом иерархиях ценностей. <...> Особенно ярко это проявлялось в эротике. Прелюбодеяние официально осуждалось, но все симпатии были на стороне любовников. Когда некий рыцарь посетил, обернувшись соколом, жену старого рыцаря, та согласилась немедленно его осчастливить, если он примет причастие и докажет тем самым свое благочестие. Домашний священник совершил этот обряд [таинство], после чего рыцарь тут же получил желаемое» [Оссовская, 1987, с. 95]. В данном случае происходит переворачивание ценностей: таинство причастия превращают в бездушный обряд, который служит порочным целям; жена демонстрирует неверность своему мужу; культ дамы с его платонической любовью и ухаживаниями на расстоянии демонстрирует свою несостоятельность в реальной жизни.

Через всю книгу Й. Хёйзинги «Осень средневековья» проходит мысль о том, что рыцари в большей степени «играли в рыцарство» там, где это было необходимо. «Фальшь проглядывает всюду сквозь парадное рыцарское облачение. Действительность постоянно отрекается от идеала. И он все более возвращается в сферу литературы, игры и празднеств; только там способна удержаться прекрасная иллюзия рыцарской жизни...» [Хёйзинга, 2004, с. 126]. Продолжая свои критические замечания, Й. Хёйзинга пишет о пренебрежении рыцаря к низшим сословиям, в общении с которыми он забывает о своем рыцарском призвании. Рыцарство критиковалась уже в средние века

духовенством, менестрелями, мещанами, крестьянством и самими же рыцарями. Вот что пишет об этом М. Оссовская: «...рыцарей обвиняли в жадности, в нападениях на путешественников, в ограблении церквей, в нарушении клятвенных обещаний, в разврате, в битье жен, в несоблюдении правил, обязательных при поединках, в неуважении к жизни заложников, в разорении противников чрезмерными суммами выкупа, в превращении турниров в доходный промысел – охоту за доспехами, оружием и лошадью побежденного рыцаря. Сожалели о невежестве рыцарей... Не приходится сомневаться, что рыцарский идеал не был интеллектуальным...» [Оссовская, 1987, с. 97]. Интеллектуальность компенсировалась у рыцарей чрезмерной эмоциональностью, вообще характерной для данной эпохи. Рыцарю ничего не стоило залиться слезами по погибшему товарищу и тут же лишиться чувств, как это показано, например, в «Песне о Роланде». И эти поступки совершенно не роняют рыцарские честь и достоинство.

Несмотря на весь этот реализм, мы согласны с М. Оссовской, которая выдвигает тезис о том, что «действующие в данном обществе нормы всегда служат каким-то разумным потребностям, иначе они не укоренились бы» [Там же. С. 107]. А. Я. Гуревич считает, что феномен средневекового рыцаря, а, следовательно, и модель его поведения, можно понять «только в том случае, если мы будем рассматривать эту социальную фигуру в поле напряжения между высокими идеалами и низменной бытовой реальностью, на которые эти идеалы оказывали определенное воздействие» [Гуревич, 2009, с. 173]. «По идеалу нельзя судить обо всем обществе, но он служит показателем господствующих умонастроений, нравственных норм, принятых в этом обществе и отражает систему ценностей, которой, так или иначе, руководствуются его члены» [Гуревич, 1984, с. 203]. Следовательно, рыцарский кодекс поведения как модель ценностей, постепенно сложившихся в рыцарской культуре, был призван служить потребностям эпохи в светлом, добром идеале. Более того, он нашел в себе силы пережить несколько столетий, возродиться в

романтизме и войти в современную картину мира, «трогая за живое» [Оссовская, 1897, с. 107] современных читателей.

Резюмируем сказанное. Из норм и предписаний, содержащихся в рыцарском кодексе поведения, вытекают определенные ценности, которые служат высшими ориентирами внутри рыцарского сословия. Обзор исторических источников позволил выделить следующие ценности: *христианская вера, христианская, сословная и куртуазная верность, честь, честность, щедрость, слава, мужество, куртуазность (галантность)*. Некоторые ценности, например *щедрость, мужество*, были унаследованы рыцарской культурой от предыдущих эпох (от германских племен дохристианского периода). Другие ценности – *куртуазность, вера, честь* в рамках сеньориально-вассальных отношений сформировались в эпоху Средневековья. Все эти качества подробно освещены в лексикографических источниках, взаимосвязаны между собой и образуют комбинаторику. Так, ценности рыцарской культуры образуют систему, в центре которой находятся определенные концепты. Поскольку важнейшей стороной концепта является ценностная сторона, изучение ценностей представляет собой изучение концептов. В соответствии с приоритетными для рыцарского кодекса поведения ценностями выделяются концепты «честь», «вера» и «куртуазность». Опираясь на обзор исторической литературы, можно сказать, что указанные концепты редко находили реализацию в реальной жизни, в отличие от литературы. Исторические фигуры рыцарей демонстрировали своим поведением скорее антиценности, что было обусловлено самой противоречивой природой эпохи. Идеализация ценностей, соответствующих перечисленным концептам, происходила в литературе. Чем более идеальными описывались рыцари в романах, тем меньше представлялась возможным воплотить эти идеалы в жизнь. Тем не менее, идеальная модель ценностей не без помощи литературного вклада выживает в эпохе смут и беспредела, переживает эту эпоху и с новыми жизненными силами входит в современный мир.

1.3. Методика изучения динамики ценностей рыцарского кодекса поведения

Рассматриваемые в нашей работе фундаментальные ценности являются непреходящими. За 600 лет очевидно мир изменился до неузнаваемости, но *вера, верность, честь* продолжают оставаться ценностными ориентирами. Несомненно происходит переосмысление данных ценностей, что обусловлено социально-историческими факторами. Во-первых, меняется комбинаторика ценностей. Например, концепт «куртуазность» (“*courtesy*”) не подразумевает сегодня наличия придворных манер, а концепт «честь» (“*honour*”) не ассоциируется напрямую со *славой* и *отвагой*. Во-вторых, какие-то ценности могут терять свою актуальность и становиться нерелевантными для данного социально-культурного пространства. Например, *щедрость* не имеет такого знакового значения в контексте рыцарственной личности в современном мире по сравнению с эпохой Средневековья. В-третьих, может наблюдаться «выветривание ценностей». Например, *chivalry (рыцарственность)* мало употребительно в современном обиходном языке, считается устаревшим; оно редуцируется и в современной интерпретации сводится к понятию *courtesy (вежливость, особенно по отношению к женщине)* (из замечаний наших респондентов “*Nowadays it is considered to be very old-fashioned. It’s better to use courtesy...*”) (КЗУР).

Кроме того, в мире происходят такие необратимые явления и процессы, как глобализация, эмансипация, феминизм, которые влияют на все этнокультуры без исключения, изменяя при этом отношение социума к традиционным ценностям.

В. И. Карасик пишет о торжестве таких ценностей массовой культуры, как *деньги, мода, развлекательность* [Карасик, 2012, с. 49]. «Установка на развлекательность в массовой культуре отражает одну из важнейших норм этой культуры – нравственный релятивизм, отсутствие важнейших моральных ориентиров “добро” и “зло”. Этические категории замещаются утилитарно-гедонистической интенцией получения удовольствия» [Там же. С. 63].

При изучении динамики рыцарского кодекса поведения используются следующие приемы:

- 1) анализ текстов, относящихся к средневековому периоду и описание отраженных в них рыцарских ценностей;
- 2) обработка материала, полученного посредством анкетирования и анализ интерпретации рыцарских ценностей, отраженных в современной культуре;
- 3) анализ текстов Британского национального корпуса, в которых реализуются концепты «честь», «вера» и «вежливость»;
- 4) анализ статей, посвященных вопросам рыцарских ценностей в современном англоязычном мире;
- 5) выявление изменений в отношении к рыцарским ценностям в современном сознании носителей английского языка;
- 6) сравнение ценностных ориентаций эпохи Средневековья с их преломлением в современном мире.

Изучение динамики ценностей проводится на материале текстов героического эпоса «Песнь о Роланде», рыцарского романа К. де Труа «Ивейн, или рыцарь со львом», романа В. Скотта «Айвенго» в отношении анализа ценностей рыцарской культуры. Ценности современного англоязычного мира изучаются по данным, полученным в результате анкетирования носителей английского языка, а также по текстам британского национального корпуса и статей, посвященных вопросам современной рыцарственности. Выбор материала для анализа ценностей рыцарской культуры обусловлен тем, что в героическом эпосе раскрывается религиозное сознание в рыцарской среде и, соответственно, интересующее нас ценностное понятие *веры (faith)*. Кроме того, в эпосе хорошо отражены сеньориально-вассальные отношения, которые зиждутся на принципах *верности (faithfulness/loyalty)*. Наконец, эпос живописно разворачивает картину военных действий с акцентированием на таких ценностях как *честь (honour)*, *мужество (courage)*. В рыцарском романе, в отличие от эпоса, на первый план выдвигается любовная тема. «Для иде-

ального рыцаря вроде Ланселота любовь может оказаться выше чести, из-за любви он может впасть в пассивность, малодушие...» [Мелетинский, 1983, с. 18]. Таким образом, рыцарский роман дает нам возможность проанализировать *куртуазность* как одну из ценностей рыцарской культуры. Сами рыцари в романе совершают героические подвиги «во имя личной славы, ... для защиты слабых и несправедливо обиженных, по просьбе и для защиты чести прекрасных дам» [Там же. С.17].

Героический эпос «Песнь о Роланде» написан на старофранцузском языке приблизительно в конце XI – начале XII века и повествует о каролингском периоде, но, несмотря на то, «что в этой песни, как отмечал Энгельс, воспевается единство *Франции*» [Цит. по: Нахов, 1989, с. 27], «несмотря на феодальную раздробленность Европы, сюжеты и герои эпических поэм и рыцарских сказаний, зародившихся на французской почве и исполняемых странствующими певцами-жонглерами, становились достоянием многих народов. В частности, обнаруженная в Оксфорде рукопись (около 1170 года) свидетельствует о том, что подвиги Роланда волновали и англичан» [Там же. С. 26]. «Песнь о Роланде» заставляет забыть о фанатизме, жестокости, противоречивости, невежестве средних веков. В ней воспеваются все лучшие человеческие качества, которые вобрало в себя рыцарство: «благородство, юная отвага, презирающая смерть, великодушие, рыцарская верность долгу и чести, искренняя дружба, готовность к самопожертвованию ради торжества правого дела, беззаветная любовь к родине. Эти же качества подкупают нас в героях романов В. Скотта из рыцарских времен» [Там же. С. 27].

Мы считаем возможным использовать эпос «Песнь о Роланде» и другие произведения, написанные на французском языке и переведенные на английский, в качестве материала для иллюстрации рыцарских ценностных ориентиров в англоязычной культуре, поскольку Англия заимствовала многие рыцарские традиции и ценности из французской культуры. Первые романы во Франции и Англии создавались на французском языке, поскольку двор был англо-нормандским. Например, «король Англии и западной половины

Франции Генрих II, скончавшийся в 1189 году, знал шесть языков, но английского среди них не было. Трудно сказать, насколько знал английский его наследник, очень мало проживший на родине Ричард Львиное Сердце; разве что младший брат Ричарда, Иоанн Безземельный (1199–1216), должен был как-то говорить по-английски, да и в том нет уверенности. Еще по меньшей мере столетие английское наречие не служило целям изящной словесности, либо же образцы попросту не дошли до нас» [Витковский, 2007, с. 1]. Таким образом, мы понимаем, что в Англии долго сохранялась мода на французский язык и рыцарская литература писалась преимущественно на французском языке.

Рассмотрим динамику ценностей.

Концепт «честь» реализуется в рыцарской культуре в военном дискурсе, и раскрывается в проявлении мужества и отваги, граничащей с безрассудством, с гордыней, неистовым желанием выделиться и показать свое преимущество.

Для рыцаря чести нормами поведения является:

- 1) проявление мужества
- 2) пренебрежение своей жизнью,
- 3) стремление к славе,
- 4) участие в сражениях и демонстрация своей отваги,
- 5) отстаивание своих интересов и интересов своего сеньора,
- 6) проявление добродетелей.

Отклонением от нормы является демонстрация *чести*, переходящей в безрассудство, граничащей с ослепляющей гордыней и с жадой славы. Такая честь получает отрицательную оценку.

Приведем примеры: *“Answers Rollanz: “Never, by God, I say, / For my misdeed shall kinsmen hear the blame, / Nor France the Douce fall into evil fame! / Rather stout blows with Durendal I'll lay, / With my good sword that by my side doth sway; / Till bloodied o'er you shall behold the blade. / Felon pagans are gathered to their shame; / I pledge you now, to death they're doomed to-day”* [The

Song of Roland, p. 59]. «“Не дай, господь! – Роланд ему сказал. – / Не стану Карла я обратно звать, / Себе и милой Франции на срам. / Нет, лучше я возьмусь за Дюрандаль, / Мой добрый меч, висящий у бедра, / По рукоять окрашу в кровь булат. / Враги себе во вред пришли сюда. / Их всех постигнет смерть, ручаюсь вам”» [*Песнь о Роланде* с. 505]. В данном тексте славный рыцарь отказывается трубить в рог и вызывать подкрепление, это ниже его достоинства. Честь, как считает Роланд, не позволяет ему звать на помощь, он должен справиться с огромным войском противника малыми силами и завоевать славу. Отказ свидетельствует об уверенности Роланда в своих силах, о высоком воинском духе, о гордости и отваге, которые служат его чести и достоинству. В то же время, такие действия безрассудны и ведут к гибели целого отряда славных рыцарей.

“*Answers Rollanz: "Utter not such outrage / Evil his heart that is in thought coward / We shall remain firm in our place installed / From us the blows shall come, from us the assault"* [*The Song of Roland*, p. 60]. «Роланд ему: “Безумна речь такая / Позор тому, в чье сердце страх закрался / Стоим мы здесь и не пропустим мавров / Верх мы возьмем, и поле будет нашим”» [*Песнь о Роланде*, с. 506]. Приведенный пример свидетельствует о том, что честь у рыцарей ценится высоко, а бесчестие и страх быть опозоренным и обвиненным в трусости – выше страха перед смертью, поэтому рыцарь готов умереть и посмертно быть прославленным. Для рыцаря невозможно обесчестить свою Родину, он сражается за Отечество, за честь своего сеньора и во имя Господа, проявляя патриотизм, верность и веру.

“...*The love of battle is the food upon which we live – the dust of the melle is the breath of our nostrils! – We live not – we wish not to live – longer than while we are Victorians and renowned. Such maiden, are the laws of chivalry to which we are sworn, and to which offer all that we hold dear*” [Scott, 1995, p. 237). «...Ведь бой – наш хлеб насыщенный, дым сражения – тот воздух, которым мы дышим! Мы не живем и не хотим жить иначе, как окруженные ореолом победы и славы! Таковы законы рыцарства, мы поклялись их выполнять, и жертвуем ради них всем, что нам дорого в жизни»

[Скотт, 2007, с. 288]. В данном тексте иллюстрируется понимание рыцарской чести, с которой связано стремление к славе. Достижению славы служат различные добродетельные поступки, совершение которых ожидается от доблестного рыцаря. В монологе главного героя Айвенго раскрываются те цели, к которым стремится рыцарь. Речь Айвенго – это своеобразный гимн рыцарской чести и рыцарству со всеми его лучшими проявлениями.

Рыцарь – это воин, который должен следовать христианским законам. Как христианин он следует божьим заповедям и исполняет церковные обряды и таинства. В данном случае, рассматривая общечеловеческую ценность *вера (faith)* в рамках рыцарской системы ценностей, мы сталкиваемся с амбивалентной оценкой данного понятия. С одной стороны, рыцарь как христианин исполнял закон божий, с другой стороны, рыцарь нарушал этот закон своими абсурдными действиями (чрезмерной жестокостью, фанатизмом, убийствами). «Песнь о Роланде» дает обширный материал для рассмотрения ценности *вера (faith)*. В эпосе рассказывается о противостоянии христианского и мусульманского миров. Поход Карла символизирует эпоху крестовых походов. Символична фигура архиепископа Турпена, самолично принимающего участие в сражении с маврами-сарацинами и вдохновляющего воинов на битву. Приведем пример:

“And the Archbishop speaks to them, as he can: / “My lords barons, go thinking nothing bad! / For God I pray you fly not hence but stand, / Lest evil songs of our valour men chant! / Far better t’were to perish in the van. / Certain it is, our end is near at hand, / Beyond this day shall no more live one man; / But of one thing I give you good warrant: / Blest Paradise to you now open stands, / By the Innocents your thrones you there shall have” [The Song of Roland, p. 79-80].
«Турпен их увещает, в свой черед: / “Друзья, гоните мысль о бегстве прочь! / Да не попустит всеблагой господь, / Чтоб всех нас помянули в песне злой! / Уж если гибнуть, так вперед лицом. / Да, нынче умереть нам суждено. / Мы до конца прошли наш путь земной. / Но я душой моей ручаюсь в том, / Что

вам сужден по смерти рай святой. / В сонм мучеников вас допустит бог”» [Песнь о Роланде, с. 517].

Архиепископ в своей краткой проповеди перед воинами, идущими в смертный бой, сулит им царствие божие и отпущение грехов. Здесь явно звучит пропаганда крестовых походов, поощрение и высокая оценка участия в них. В эпосе христианская вера выступает как высшая ценность, а антиценностью является неследование христианской вере. Проиллюстрируем примерами: “...*For we are right, but these gluttons are wrong*” [The Song of Roland, p. 66]. «...Мы правы, враг не прав – за нас господь» [Песнь о Роланде, с. 509]. “*Great exploits his whom the Lord God endows!*” [The Song of Roland, p. 189]. «Победа с тем, над кем десница божья!» [Песнь о Роланде, с. 575]. “*And with one blow that pagan downward falls; / The soul of him Satan away hath borne*” [The Song of Roland, p. 69]. «С коня свалился мертвым сарацин, / Чью душу тут же черти унесли» [Песнь о Роланде, с. 510].

В данных текстах господь на стороне французов, т.е. христиан. Их вера получает высокую оценку. Враги, т.е. неверные должны быть стерты с лица земли, причем по их смерти они по христианским убеждениям попадают в ад (их души уносят черти).

“*His right-hand glove, to God he offers it / Saint Gabriel from's hand hath taken it. / Over his arm his head bows down and slips, / He joins his hands: and so is life finish'd. / God sent him down His angel cherubin, / And Saint Michael, we worship in peril; / And by their side Saint Gabriel alit; / So the count's soul they bare to Paradis*” [The Song of Roland, p. 125]. «Он правую перчатку поднял ввысь. / Приял ее архангел Гавриил. / Граф головою на плечо поник / И, руки на груди сложив, почил. / К нему слетели с неба херувим, / И на водах спаситель Михаил, / И Гавриил-архангел в помощь им. / В рай душу графа понесли они» [Песнь о Роланде, с. 541].

В эпосе ярко выражен божественный план. Герои песни находятся под покровительством небесных сил и самого господя. Душа Роланда, в отличие от неверных, по его смерти отправляется в рай в сопровождении архангелов

Гавриила и Михаила. Сбывается обещание церкви об уготованном царствии небесном всем тем, кто борется с неверными. Участие в походах против сарацин получает высокую оценку.

Рыцари ведут себя богобоязненно, призывают бога в молитвах:

“Oliver feels death's anguish on him now... / Dismounting then, he kneels upon the ground, / Proclaims his sins both firmly and aloud, / Clasps his two hands, heavenwards holds them out, / Prays God himself in Paradise to allow; / Blessings on Charles, and on Douce France he vows, / And his comrade, Rollanz, to whom he's bound” [The Song of Roland, p. 106–107].

«Увидел Оливье, что смерть подходит... / Сошел со скакуна и наземь лег он, / В грехах, свершенных им, признался богу. / Вот руки он сложил и к небу поднял, / Впустить его в ворота рая просит, / За милый край родной, за Карла молит / И за Роланда, друга дорого» [Песнь о Роланде, с. 531]. Христианская вера проявляется в молитве, разговоре с богом. Рыцари-христиане обращаются к Богу о помощи в сражении, о прощении грехов, своих и их соратников перед смертью, о здравии близких людей.

Королю Карлу помогает сам господь, что свидетельствует о том, что все его действия благословлены свыше и неоспоримы. Следовательно, с божьим покровительством Карл не победим: *“For Charlemagne a great marvel God planned: / Making the sun still in his course to stand. / So pagans fled, and chased them well the Franks” [The Song of Roland, p. 128–129].* «Бог ради Карла чудо совершил / И солнце в небесах остановил. / Французы гонят вражие полки» [Песнь о Роланде, с. 543].

Карл, на стороне которого христианская вера, одерживает победу над сарацинами. Его задача – обратить неверных в христианство:

“That King fears God, and would do His service, / On water then Bishops their blessing speak, / And pagans bring into the baptistry. / If any Charles with contradiction meet / Then hanged or burned or slaughtered shall he be. / Five score thousand and more are thus redeemed, / Very Christians...” [The Song of Roland, p.190]. «Ревнует Карл о вере христианской, / Велит он воду освя-

тить прелатам / И мавров окрестить в купелях насех, / А если кто на это не согласен, / ех вешать, жечь и убивать нещадно. / Насильно крещены сто тысяч мавров...» [Песнь о Роланде, с. 575–576].

Христианская вера торжествует. Сарацин обращают в христианство. Но в приведенном примере мы наблюдаем определенную долю религиозного фанатизма, выражающегося в жестокой расправе с теми, кто отказывается принять веру во Христа. В данном случае, нам кажется, вера как ценность имеет амбивалентную оценку. Чрезмерный религиозный пыл является отклонением от нормы и оценивается отрицательно. Нормативными проявлениями *веры*, получающими положительную оценку, являются: 1) обращение к богу и силам небесным с помощью молитвы, 2) убеждение в незримом присутствии небесных сил и их помощи, 3) стремление к достижению наивысшей христианской цели – отправления по смерти в царствие божие, 4) яростное неприятие любой другой веры, 5) насильное обращение иноверцев в христианскую веру, 6) наказание неверных путем их истребления, 7) защита христианских святынь.

В рыцарской ценностной картине мира высокую оценку получает *верность*. Верность имеет различные проявления: от рыцаря ожидается проявление верности своему сеньору, королю, родине, Богу, даме сердца. Приведем примеры:

“Man for his lord should suffer with good heart, / Of bitter cold and great heat bear the smart, / His blood let drain, and all his flesh be scarred. / Strike with thy lance, and I with Durendal, / With my good sword that was the King's reward. / So, if I die, who has it afterward / Noble vassal's he well may say it was” [The Song of Roland, p. 61–61]. «Вассал сеньору служит своему. / Он терпит зимний холод и жару, / Кровь за него не жаль пролить ему. / Копьем дадите вы отпор врагу. / Я Дюрандаль, что Карл мне дал, возьму / Кто б не владел им, если я паду, / Пусть скажет, что покойник был не трус» [Песнь о Роланде, с. 506–507]. Рыцарь находится в системе сеньориально-вассальных отношений и связан обязательством служить своему сеньору и защищать его жизнь.

Роланд является вассалом короля Карла и готов сражаться за него до смерти. Верность связывает сеньора и вассала крепче родственных уз.

“Charles the King will never lose by me, / As I know well, nor charger nor palfrey, / Jennet nor mule that canter can with speed, / Nor sumpter-horse will lose, nor any steed; / But my sword's point shall first exact their meed” [The Song of Roland, p. 42-43]. «Не потеряет Франции король, / Пока я жив, коня ни одного. / За каждого из вьючных лошаков, / За каждого из мулов и ослов / Взыщу я плату с недругов мечом» [Песнь о Роланде, с. 496]. Рыцарь следит за имуществом своего сеньора и всячески оберегает его.

“He is our King, well may we die for him: / To Christendom good service offering...” [The Song of Roland, p. 62]. «Умрем за государя своего, / Живом положим за Христов закон...» [Песнь о Роланде, с. 507].

Верность Родине, сеньору и Богу доказывается в сражении. Для верности также необходимо мужество и отвага. Верный вассал готов отдать свою жизнь за родину, короля и веру Христову.

В романе В. Скотта также дается высокая оценка *верности* сеньору, которая одерживает верх над почитанием родителей. Айвенго идет против воли отца, поддерживая своего сеньора, короля Ричарда, в походе в святую землю. За это отец лишает сына наследства, но и это не останавливает верного и отважного рыцаря. Он дал присягу служить своему сеньору и не может пойти против своего слова, иначе он получит осуждение и покроет себя позором. А неследование отцовским запретам, являющееся оскорблением для родителя, не осуждается в рыцарской среде, ведь связь сына и отца прерывается, когда мальчика из благородной семьи отдают на воспитание и обучение рыцарскому искусству в другой дом славному и достойному рыцарю. Движимый верностью, рыцарь готов подтверждать и защищать ее, как и честь, в сражениях.

“Under such a leader as thou hast spoken this knight to be, there are no craven fears. No cold-blooded delays, no yielding up a gallant emprise; since the difficulties which render it arduous render it also glorious. I swear by the honour of my house – I vow by the name of my bright lady-love, I would endure ten-years’ captivity to fight one day by that

good knight's side in such a quarrel as this!" [Scott, «Ivanhoe», p. 237]. «С таким начальником, каким ты описала этого рыцаря, не может быть ни малодушных опасений, ни хладнокровного промедления, ни отказа от смелого предприятия, ибо чем больше препятствий и затруднений, тем большие славы впереди. Клянусь честью моего дома! Клянусь светлым именем той, которую люблю! Я отдал бы десять лет жизни – согласился бы провести их в неволе – за один день битвы рядом с этим доблестным рыцарем и за такое же правое дело» [Скотт, «Айвенго», с. 287].

В данном примере Айвенго говорит о своем неистовом желании проявить верность доблестному военачальнику и правому делу в битве.

"If thou be'st true knight," said Wilfred, "think not of me – pursue yon ravisher – save the Lady Rowena – look to the noble Cedric!" "In their turn," answered he of the Fetterlock, "but thine is first" [Scott, «Ivanhoe», p. 253]. «-Если ты настоящий рыцарь, - отвечал Уилфред, - не заботься обо мне, а беги за тем похитителем, спаси леди Ровену и благородного Седрика. –Всех по порядку, - сказал Рыцарь Висячего Замка, - но твоя очередь первая» [Скотт, «Айвенго», с. 307].

Из приведенного текста следует отметить, что сеньор в лице рыцаря висячего замка, за которым скрывается король Ричард, с той же готовностью защищает и помогает своему вассалу Айвенго, рискуя своей жизнью. Таким образом, верность между вассалами и сеньорами взаимна, особенно в критических ситуациях. Нормативными проявлениями *верности* являются: 1) защита жизни своего сеньора и его имущества, 2) готовность отдать свою жизнь за сеньора/короля/правое дело и т.д., 3) следование своему слову/обетам, 4) защита своей веры.

Верность даме связана с такой ценностью как *куртуазность* (*courtesy*). Куртуазная любовь, воспетая трубадурами, породила культ прекрасной дамы. Галантность и любезность демонстрируются по отношению к дамам своего круга. В.Скотт так описывает образ дамы: *"The Lady Rowena ... was seated in the sort of a throne already mentioned, and looked as if born to exact general homage. The Pilgrim acknowledged her claim to it by a low genuflection"* [Scott,

«*Ivanhoe*», p.41]. «Леди Ровена ... сидела на высоком, похожем на трон стуле. Весь ее вид и манеры были таковы, что казалось, она родилась на свет для поклонения. Пилигрим сразу признал ее право на это, склонив перед ней колени» [Скотт, «Айвенго», с. 69]. Этот образ дамы создан для поклонения. Поведение дамы соответствует ее гордому и благородному внешнему виду.

“*Forbear! – Place for the Lady Rowena... Cedric... hastened to meet her, and to conduct her, with respectful ceremony, to the elevated seat at his own right hand, appropriated to the lady of the mansion. All stood up to receive her; and, replying to their courtesy by a mute gesture of adulation, she moved gracefully forward to assume her place at the board*” [Scott, «*Ivanhoe*», p. 29]. «Прошу прощения – место леди Ровене! ... Седрик ... поспешил ей навстречу и, взяв за руку, с почтительной торжественностью подвел к предназначенному для хозяйки дома креслу на возвышении, по правую руку от своего места. Все встали при ее появлении. Ответив безмолвным поклоном на эту любезность, она грациозно проследовала к своему месту за столом» [Скотт, «Айвенго», с. 55]. Прекрасной даме оказывается почтение. Мужчины обязаны встать при ее появлении, приветствуя, таким образом, даму; ей помогают сесть за стол и т.д.

“...excepting by the voices of the heralds exclaiming – “*Love of ladies, splintering of lances! stand forth, gallant knight, fair eyes look upon your deeds!*” [Scott, «*Ivanhoe*», p. 67]. «...были слышны только голоса герольдов, восклицавших: «Вас ждет любовь дам, преломляйте копья в их честь! Выступайте, храбрые рыцари! Прекрасные очи взирают на ваши подвиги!» [Скотт, «Айвенго», с. 98]. На турнирах рыцари сражаются обязательно в честь своих дам, посвящая свои победы даме сердца.

“*My lord Yvain. who had his heart set fast on love, saw clearly that he could not live, but that he finally would die unless his lady took pity upon him; for he was dying for love of her; so he thought he would go away from the court alone ...* [Troyes, *Yvain*..., p. 71–72]. «Ивэйн по-прежнему влюблен / От этого не исцелиться / Душою не возвеселиться / Нет, рыцарю несдобровать <...> / Ивэйн

по-прежнему тайком / Любовью вечною влеком / Разлукой долгою измучен» [Труа, Ивейн..., с. 145].

Влюбленный рыцарь, совершающий подвиги в честь своей дамы, находится большую часть времени в разлуке с ней. Рыцарь страдает по своей даме, но это является нормой и в рамках куртуазной модели поведения так положено.

Итак, анализируя *куртуазность* как ценность, мы можем выделить следующие нормы рыцарского поведения: 1) проявление любезности, внимательности и благородства к дамам, 2) выбор и поклонение единственной даме сердца, 3) участие в сражениях и турнирах ради своей дамы, 4) посвящение всех своих подвигов и побед своей даме для прославления ее имени, 5) пребывание в разлуке с дамой, укрепляясь тем самым в своей любви к ней. Таков представляется идеал куртуазности в текстах романов.

Нам интересно проследить, как преломляются рыцарские ценности в современном мире. Понятия *рыцарь*, *рыцарский*, *по-рыцарски* (*chivalrous*, *knightly*, *a knight in shining armour*) живы в сознании современников, причем не только носителей английского и других западно-европейских языков – данное понятие экспортировалось и укрепилось во многих других лингвокультурах, например в русской. Средневековый лингвокультурный типаж «рыцарь» превращается в идеал в современном сознании. Образный и понятийный компоненты не релевантны за отсутствием реального прообраза в современной культуре; актуальными остаются ценностные элементы. Рыцарские ценности вероятно актуальны, хотя и значительно видоизменились за шесть столетий.

Для того чтобы проверить, насколько упомянутые ценности актуальны и релевантны в современном мире в свете развития массовой культуры, которая пропагандирует принципиально иные ценности, мы провели опрос носителей английского языка. Приведем текст анкеты, который предлагалось заполнить носителям английского языка с ответами одного из респондентов:

Age: (Возраст).

Sex: (Пол).

Nationality: (Национальность).

Question 1. *A real knight always... (Настоящий рыцарь всегда...).*

Question 2. *A real knight never... (Настоящий рыцарь никогда...).*

Question 3. *Honour for a person whom you could call a chivalrous person is... (Честь для человека, которого вы бы могли назвать рыцарственным сегодня означает...).*

Question 4. *Faith for a person whom you could call a chivalrous person is... (Вера для человека, которого вы бы могли назвать рыцарственным сегодня означает...).*

Question 5. *Courtesy for a person whom you could call a chivalrous person is... (Вежливость для человека, которого вы бы могли назвать рыцарственным сегодня означает...).*

Question 6. *Are there any other values characteristic of a “knight-today” that you could name? (Могли бы вы назвать какие-либо другие ценности, характерные для современного рыцаря?)*

Question 8. *Do we need chivalrous men today? (Нужны ли нам рыцарственные мужчины (люди) сегодня?)*

Box for comments (Раздел для комментариев).

Анализ данных, полученных в результате опроса показал, что *честь* в значении морального принципа понимается носителями языка как: честность, искренность (56 респондентов из 100) (*“honest even when honesty is not the most popular route”* – быть честным, даже если честность не в моде; *“A homeless man in the news turns over a backpack full of money that he witnesses a tourist accidentally leave behind”*. – Какой-то нищий в новостях возвращает рюкзак полный денег, который случайно оставляет турист.); 2) уважение к окружающим, к женщинам, к себе (52 респондента) (*“respecting women: partner, friends, mother, grandma and strangers”* – уважать женщин: свою половину, женщин-друзей, маму, бабушку, незнакомых женщин; *“to gain respect for*

performing above and beyond their moral duty” – заслуживать уважения своими поступки, выходящими за рамки морального долга); 3) верность (28 респондентов) (*“loyal”* – верный; *“loyalty”* – верность; *“treating people fairly”* – быть справедливым с людьми; *“not letting yourself and others down”* – не подводить ни себя, ни других); 4) сострадание, помощь, защита (32 респондента) (*“defending those who cannot defend themselves”* – защищать тех, кто не может постоять за себя); 5) высокий моральный принцип (6 респондентов) (*“doing the right thing no matter what the personal cost”* – поступать правильно, чем бы это не грозило).

Понимание *веры* объясняется респондентами через *доверие, верность, великодушие, человечность, честность, доброта, тактичность, добро* (*trust, fidelity, love and devotion, humanity, honesty, charity, tact*) (37 респондентов из 100). 30 респондентов связывают понимание *веры* с верой в Бога, религией (*“trusting in God”* – верить в Бога; *“...honouring the divinity in thought, words and deeds”* – чтить божественную природу в мыслях, словах, делах); 21 респондент провели ассоциацию *веры* с идеалами, принципами, убеждениями (*“the principle of life”* – принцип жизни; *“stand by high values”* – отстаивать высшие ценности); 5 респондентов связали *веру* с верой в себя или в кого-то, например, сына; 6 респондентов совсем не выразили своего понимания *веры*, но признали ее ценность.

Концепт «куртуазность» в современной английской культуре замещается концептом «вежливость». *Courtesy* в больше, чем половине ответов (62 из 100) толкуется как лишь уважительное отношение ко всем окружающим (*“thinking of other people’s feelings and treating them how you would want to be treated”* – проявлять внимание к чувствам других людей; *“treating others with respect”* – относиться к другим с уважением), и только 12 респондентов отметили связь концепта «вежливость» с рыцарственным отношением мужчины к женщине (*“gentlemanly behaviour”* – галантное поведение; *“showing special courtesies for someone you love”* – демонстрировать всякие любезности перед тем, кого любишь). Другие 15 респондентов, перечисляющие дей-

ствия, которые обычно носят гендерный характер (“*opening doors*” – *придерживание двери*; “*offering a coat*” – *помощь с верхней одеждой* и т.д.) старательно избегают гендерности, употребляя слово *others* – *другие*.

Итак, если в эпоху Средневековья настоящий рыцарь сражался, защищал, совершал, подвиги, служил даме сердца и т.д., то в современном мире, исходя из опроса, тот, кто всего лишь умеет говорить «спасибо» и «пожалуйста» уже может по праву называться настоящим рыцарем. Подобная ирония не статистична в ответах респондентов, но она дает понять, что вежливость среди «современных рыцарей» находится не на первом месте.

Средневековое понимание *чести* связано с мужеством, самоотверженностью, стремлением к славе, верностью, а современный подход к данной ценности предполагает наличие совести и понимание, что такое хорошо и что такое плохо.

Средневековое видение *веры* состоит в том, чтобы активно участвовать в религиозной жизни, защищать христианскую веру, защищать своего сеньора, проявляя вассальную *верность*. *Вера* в средневековье агрессивна и воинственно настроена. В современном понимании *вера* служит гармонизации личности, она связана с осознанием божественного начала жизни и благоговеющего приятия этого божественного начала. *Вера* во многом перекликается сегодня с доверием.

В средние века *куртуазность* означает особый стиль жизни, связанный с идеальным рыцарем, следующим своему кодексу, с культом дамы, с особым придворным поведением. *Куртуазность* сегодня сводится к вежливости и любезности, к тактичности и уважительному отношению ко всем без исключения людям. Обходительное отношение к женщине в виде придерживания двери и др. актов вежливости не всегда считается уместным в рамках отношения полов в современном англоязычном мире.

Набор рыцарских ценностей в эпоху средневековья связан с войной и состязанием. Ценности, которыми мог бы обладать сегодняшней рыцарь, до какой-то степени схожи со средневековыми ценностями (например, сила,

смелость, выдержка). Кроме того, для современной рыцарственной личности должны быть характерны честность, трезвость ума, сдержанность, чувство юмора.

Мужество, вера, надежда, правда, молодость актуальны в современном мире для борьбы со злом, жадностью и другими пороками. Образность типажа «рыцарь» не актуальна, а ценностная составляющая рыцарственной личности оказывается жизнеспособной.

На основании проведенного анализа сделаем предварительный вывод: то, что было ценно в далекую от нас эпоху, ценится и сейчас, но если проявление рыцарственности в Средневековье было делом обычным, поскольку рыцарский кодекс поведения сложился и пропагандировался в эту эпоху, то рыцарственное отношение к жизни сегодня нас приятно удивляет может потому, что мы встречаем его все реже и реже. Рыцарственность, связанная с ценностями, которые складывались веками, сводится иногда к элементарным словам вежливости в современном мире. Но, несмотря на это, рыцарственность нам необходима. Это интуитивное стремление к рыцарским и общечеловеческим ценностям связано, как нам кажется, с инстинктом выживания. В современном мире финансов, бизнеса и удовольствий необходимо выжить и не быть поглощенным лжеценностями.

Выводы к главе 1

1. Под рыцарским кодексом поведения понимается система норм и конкретных предписаний, определяющих принадлежность людей к определенному сообществу. С позиций лингвокультурологии все кодексы можно условно разделить на эксплицитные и реконструируемые, с одной стороны, и характеризующие общие нормы либо фиксирующие конкретные предписания, с другой стороны. Рыцарский кодекс поведения содержит моральные ценности, продиктованные, с одной стороны, существующей на тот момент и пронизывающей всю жизнь религиозностью и всеобщей христианизацией, а с другой стороны, предшествующей христианству воинственностью и сорев-

новательностью германских племен. Этот моральный кодекс считался открытым и складывался на протяжении всей эпохи средневековья.

2. Знаковым и одним из самых узнаваемых образов средневековья является рыцарь. Рыцарь рассматривается как исторический лингвокультурный типаж, поскольку он является носителем ценностей рыцарской культуры и исполнителем рыцарского кодекса поведения. Его основные исходные понятийные характеристики таковы – представитель высшего сословия общества, мужчина, воин; образные характеристики – всадник, в сияющих доспехах, вооруженный, обычно молодой, обладающий привлекательной внешностью, участвующий в турнирах и сражениях; ценностные характеристики – соблюдающий верность своему сюзеру, готовый умереть за веру и всегда служить прекрасной даме. Этот типаж имеет четкую гендерную отнесенность. Прототипами данного типажа являются как исторические фигуры так, и литературные образы рыцарских романов и героических эпосов.

3. Лингвокультурное моделирование ценностей, проводимое на основе исторических исследований, анализа публицистических и художественных текстов, а также данных толковых словарей, позволило выделить ряд рыцарских ценностей: *честь, вера, храбрость, щедрость, слава, вера, верность, галантность, куртуазность с ее культом дамы.*

4. Ценности рыцарской культуры образуют систему, в центре которой находятся определенные концепты: «честь», «вера» и «куртуазность».

5. Рыцарский кодекс поведения можно считать идеалом, и, как любой идеал, он недостижим, поэтому в какой-то степени он оторван от реальной жизни рыцарей. Этот идеал, однако, оказывается стойким культурным ориентиром и переживает несколько столетий, входя в современный мир и продолжая предписывать определенные нормы поведения.

6. Ценности, являющиеся неоспоримыми культурными ориентирами в средние века, продолжают играть немаловажную роль в современной культуре, хотя в ходе истории они подвергаются трансформации (изменяется их комбинаторика, релевантность, содержание

Глава 2. Динамика ценностных характеристик рыцарского кодекса поведения в англоязычном мире

2.1. Осмысление рыцарского кодекса поведения на современном этапе развития англоязычного мира

Чтобы проследить динамику оценочных характеристик рыцарского поведения, мы смоделируем ценности рыцарской культуры в образах прошлого на примерах текстов художественной литературы и в образах настоящего на материале анкетных данных, текстов Британского национального корпуса и статей интернет сайтов, на которых реконструируется средневековая рыцарская культура и делаются попытки адаптировать рыцарскую ценностную картину мира к современности.

«Когда рыцарская идея начала отрываться от своего носителя и превращаться в культурный идеал, который утверждался не только в среде аристократии, но и распространялся на более широкие круги общества, тогда понятия «рыцарский», «придворный» становятся общими ценностными представлениями. Подражание аристократам в этикете, формах досуга и т.п., стремление к соответствующей статусности было весьма высоким. Многовековая культура аристократии (особенно досуговая) показала свою высокую репрезентативность, и впоследствии в Новом времени буржуазии пришлось многому научиться у аристократических слоев» [Орлова, 2009, с. 20-21]. Рыцарскую идею унаследовали не только английские джентльмены, но и американские ковбои, которые также имели свой кодекс, скауты, которые руководствовались некоторыми ценностными принципами рыцарского кодекса поведения.

Считается, что романтизация рыцарства и рыцарственности – это результат многовековой кропотливой работы огромного количества ученых, поэтов и писателей, которым важно было создание идеала, эталона для поклонения. Сама по себе тема рыцарства и рыцарственности является популярной как в нашей стране, так и в европейских странах и США. «Многочисленные красочные издания, Интернет-сайты, общества по изучению рыцар-

ства пытаются возродить «добродетели рыцарского образа жизни», призвать к пересмотру этики и нравственности, выступающих, по их мнению, в качестве товаров постиндустриального общества, ибо куртуазность, благочестие, чувство справедливости и честь суть фундаментальные ценности западноевропейской аксиологической системы, позволившей западной культуре выжить в условиях варварства и гниения» [Фергюсон, 2004, с. 6]. Существование такого рода источников информации облегчает нашу исследовательскую задачу анализа тех ценностей, которые мы могли бы рассмотреть в сравнении «тогда» и «сейчас».

Рыцарственность в нашем понимании – это черта, которая характеризует наличие у человека рыцарских ценностных ориентиров и его готовность следовать им в своей жизни, будь то средневековый рыцарь или современный юрист. Иными словами, рыцарственность, будучи центральным местом в рыцарском кодексе поведения, предполагает наличие чести, веры и следование куртуазным принципам, выражающимся в частности в проявлении соответствующего внимания к даме. Рассмотрим подробнее этот феномен.

Наше внимание привлек один Интернет-сайт «Chivalry-now», посвященный проблемам *рыцарственности*, рыцарскому кодексу чести, частичной реконструкции рыцарских времен в виде своего внутреннего посвящения в рыцари с титульной системой, с облачениями в рыцарские доспехи и имитацией рыцарских турниров. На этом сайте публикуются статьи по интересующей нас теме, а именно, об актуальности понятия *рыцарственности* в современном мире, о его восприятии нашими современниками. Рассказывая о себе на главной странице сайта он позиционируется следующим образом: “*Chivalry-Now represents a code of ethics that embraces truth, self-discovery, reason and compassion. It encourages people to find personal authenticity by encountering life as a Quest. Chivalry-Now is also a worldwide fellowship committed to healing our wounded culture by returning what was lost, a mixture of Western realism and idealism, updated for today*” [Chivalry-now: www]. (Рыцарство-Сегодня представляет собой этический код, содержащий такие категории как

истина, самоанализ, разум и сострадание. Оно вдохновляет людей на поиск личной аутентичности путем восприятия самой жизни как поиска (квеста). Рыцарство-Сегодня – это еще и всемирное общество, имеющее своей целью исцелять нашу надорванную культуру, возвращая утерянное, сочетание западного реализма и идеализма, адаптированного под сегодняшний день. – Перевод наш – Е.Г.).

На сайте заявлена и его миссия – “*We come from the shadows as advocates for light — to replace what was lost, fix what was broken, and renew a pervasive conscience long considered dead.*” [Мы выходим из тени защитниками света, чтобы вернуть потерянное, восстановить поломанное и возродить давно похороненную совесть. – Перевод наш – Е.Г.].

Одна из статей сайта под названием «*Modern chivalry?*» дает подробное описание современного понимания *рыцарственности сегодня*. В статье говорится о том, что рыцарственность растолковывает нам определенные этические стандарты, которые стимулируют человечество к развитию. Мужчины призываются быть правдивыми, верными, вежливыми и учтивыми, галантными, справедливыми, защищающими слабых. ... Рыцарские добродетели предлагают нечто большее, чем удовольствия и вежливость. Они придают цель и значение мужской силе. Они напоминают нам, что Камелот – это идеал, за который стоит бороться; это отражение нас самих, когда мы на высоте. В данной статье дается краткое описание и характеристики рыцарских добродетелей, которые есть суть ценности рыцарской культуры: 1. *Правда* обеспечивает твердый фундамент рыцарству. Врущему человеку нельзя доверять; его силу и амбиции нельзя оценить. Правда должна всегда оставаться нашей первостепенной заботой. 2. *Верность* означает взаимоотношения, основывающиеся на правде и обязательствах. Хорошо, если наши собраты нам верны, но и мы должны быть верными. Нужно помнить, что верность – это такая добродетель, которую нужно в себе культивировать, даже, если она не взаимна. 3. *Вежливость (куртуазность)* – дает нам возможность сердечных и наполненных смысла отношений. Общество не может быть здоровым без

учтвого и любезного взаимодействия. 4. *Рыцарственность* призывает мужчин уважать женщин и помогать им во всем. Данное предписание является естественным порядком вещей. Мужчины должны ценить женщин в первую очередь как личностей, а также как матерей, дающих новую жизнь. 5. *Справедливость* предполагает нечто большее, чем обращаться с людьми просто справедливо. Она также призывает к милосердию. Мы восхищаемся мужской силой, но, какой в ней толк, если она не направлена на поддержание добра. 6. Рыцарственность рассказывает о *романтической любви*. Сегодня люди часто разочаровываются в романтике. Она много чего обещает, что мало осуществимо. Мы воспринимаем романтическую любовь как что-то спонтанное, не требующее усилий и моральной основы. Средневековая же литература говорит нам об обратном. Сама суть романтической любви в обязательствах. Вот здесь и начинает работать рыцарственность. Любовные взаимоотношения представляют собой лабораторию, где рыцарские добродетели проверяются в полном объеме, где доказывается мужественность. В статье «*Chivalry comes from within*» выдвигается следующий тезис: «*Chivalry is attached to conscience. Once developed, the two are inseparable*». (Рыцарственность связана с совестью. Однажды развившись, они становятся неразделимы).

Рыцарственность сегодня приобретает новый формат. Люди, заинтересованные в реконструкции нашей культуры, в использовании положительно-го исторического культурного опыта, предлагают смотреть на мир через призму рыцарственности, под которой сегодня понимается такая общечеловеческая ценность как гуманность – *humanity*.

К. Г. Дигби (1800-1880) в своей книге «*The Broad-Stone of Honour or, The True Sense and Practice of Chivalry*» определил слово *chivalry* следующим образом: “*Chivalry is only a name for that general spirit or state of mind which disposes men to heroic actions, and keeps them conversant with all that is beautiful and sublime in the intellectual and moral world*” [Цит. по: Goff: www]. – Рыцарственность – это только название для того общего духа или образа мысли, который склоняет мужчин на героические поступки и делает их знатоками

всей красоты и величия интеллектуального и нравственного мира. (Перевод наш – Е.Г.).

Сплошная выборка из британского национального корпуса (British Corpus) показывает неоднозначную картину по поводу оценки понятия *рыцарственности* в наше время. На стимул *chivalry* мы получили разнообразные высказывания и цитаты. Приведем некоторые из них:

“*To adapt Edmund Burke: the age of chivalry is gone*”. (По словам Э. Бёрка век рыцарства закончился). “*The hardness and lack of chivalry...*” (Жесткость и недостаток рыцарственности). “*As you seem to know about knights, how come you haven't heard about chivalry?*” (Если вы знаете о рыцарях, то почему же вы не слышали о рыцарственности?) “*IT'S great that chivalry is not dead, even in East London*”. (Здорово, что рыцарственность еще сохранилась, даже на востоке Лондона). “*Eventually, chivalry won, and he took off his jacket to help*”. (В конце концов, рыцарственность одержала верх, и он снял пиджак, чтобы помочь) [BNC: www].

Данный материал позволяет сделать следующие наблюдения:

1) проявление рыцарственности становится все более редким явлением в современном нам мире; 2) остается вера в то, что принципиально «рыцари» еще не исчезли «как вид»; 3) рыцарское поведение, а именно проявление благородства, самоотверженности, честности и т.д., получает очень высокую оценку в современном обществе.

В Англии понятие *chivalry* (рыцарство) воспринимается как юридический термин, когда речь идет о *Court of Chivalry* (рыцарский суд). Это рыцарский суд или суд лорда маршала - «специальный суд под председательством Лорда Маршала Англии, в чью юрисдикцию входило определение подлинности гербов, генеалогии, претензий на титул и т.д. К началу XVII века суд утратил свою уголовную юрисдикцию, оставаясь, тем не менее, апелляционной инстанцией для разбора дел об оскорблении чести и достоинства, а также претензий на титул» [Фергюсон, 2004, с.42].

Таким образом, понятия *chivalry*, *chivalrous*, *knightly* (рыцарственность, рыцарственный, по-рыцарски) находят различные проявления в современном мире, что дает нам возможность исследовать динамику оценочных характеристик рыцарского поведения. Анализ проводится на примере следующих рыцарских ценностей: *honour* (честь), *faith/ faithfulness* (вера/ верность), *courtesy* (куртуазность).

2.2. Концептуализация чести в рыцарском кодексе поведения

Лексико-семантическое поле концепта «честь», исходя из дефиниций современных толковых словарей, включает следующие компоненты: *respect* (уважение, почтение), *privilege* (привилегия), *moral behaviour/principles* (моральное поведение/принципы), *reputation* (репутация, почет), *medals or titles* (награды, почести в виде медалей, титулов и т.д.). Отметим, что словосочетание *a man of honour* – человек чести дается с пометой *old-fashioned* – устаревшее, то есть вышедшее из употребления. Это дает нам основание предположить, что данное словосочетание не является ценностным ориентиром в современном культурном сознании и, как следствие, соответствующая лексема вышла из употребления.

Г. Г. Слышкин, анализируя концепт «честь», рассуждает о его номинативной плотности и метафорической диффузности в русской и американской лингвокультурах. Американская культура унаследовала понимание и восприятие данного концепта от западно-европейской культуры, в которой понятие чести составляло суть ценностной иерархии рыцарства. С этим связана высокая метафорическая диффузность концепта «честь» в английском языке, таким образом, «*honor* ... демонстрирует связь с рядом других сфер социальной активности» [Слышкин, 2004, с. 57-58]. Наш материал также предоставляет примеры номинативной плотности (“*receive the honours*”, “*proclaim honour to the brave and glory to the victor*”, “*the honours of the tournament*” [Scott, «*Ivanhoe*», p. 104], “*to win honour*”, “*rivalry of honour*” [Ibid. P. 101]) и метафорической диффузности концепта «честь» (“*the Chaplet of Honour*” – почетный венец, “*throne of*

honour” [Ibid.] - почетный трон, “*the honour of the day*” [Ibid. P. 103] – пальма первенства).

«Честь являлась сословной прерогативой, отличающей аристократию от прочего населения и противопоставляющей ее ему» [Слышкин, 2004, с. 58], поэтому все значения приведенных примеров имеют соответствующие значения, где лексема *honour* возвышает восприятие всего контекста.

2.2.1. Моделирование концепта «честь» в рыцарской картине мира

Понятие чести вызывает в сознании представление о благородном поведении и ассоциируется с человеком, следующим нравственно-этическим идеалам. Рыцарская культура создала комплекс нравственно-этических идеалов, так называемый кодекс чести (*the Code of Honour*).

«Во французском языке «честь» во множественном числе (*les neurs*) употреблялось в значении «почесть», «вознаграждение», «милость», даруемые королем или сеньором: титулы, должность в армии, при дворе и прочие пожалования. Помимо прочего, слово «честь», будучи синонимом рыцарской репутации, доброго имени благородного человека, воспринималось как следствие рыцарской славы, достойной награды – почестей, которые государь или сеньор воздает славному рыцарю» [Орлова, 2009, с. 45]. А. Я. Гуревич пишет о специфическом характере понятия *честь*: «честь – не столько внутреннее сознание собственного достоинства, самосознание человека, который ощущает свои индивидуальные качества, отличающие его от других, сколько слава среди окружающих. Он видит себя глазами других, доблестью считается не особенностью, а одинаковостью, сходство данного рыцаря с остальными» [Гуревич, 1984, с. 171-172]. И только во второй половине XV в. понятие *честь* обрело новое значение внутреннего, духовного свойства, изначально, от рождения присущего благородному человеку.

Как считают историки, в представлениях дворянства XVI в. основой чести оставалась доблесть, которую по-прежнему продолжали воспринимать в традиционных средневековых представлениях, связывая в первую очередь

с качествами воина: храбростью, смелостью, стойкостью перед лицом опасности и умением быстро принимать правильные решения. Именно эти качества возвышали дворян над другими сословиями. Военная доблесть расценивалась как основное качество дворянина, а война – как главное событие в его жизни, поскольку именно на войне он мог проявить природные дворянские добродетели, передаваемые по наследству и приумноженные воспитанием, призванным стимулировать дворян к тому, чтобы сравняться в славе со своими предками, прославить свое имя и имя рода [Гуревич, 1984; Кин, 2000, Digby, 1826; Vale, 1981].

Честь – следствие воинской доблести дворянина (как собственной, так и предков) – не зависела от монарха, титула, должности и богатства, считалось, что монарх не может сделать человека благородным, наделить честью или отнять у него честь. И честь, и репутация дворянина, будучи сугубо индивидуальными, следствием личных заслуг, расценивались как своего рода наследство, передаваемое детям, которое поможет им разбогатеть и получить почетные должности. Свидетельством особых заслуг и увековечением дворянской чести и репутации являлись гербы. Приведем небольшой отрывок из текста грамоты, составленной в 1450 году герольдмейстером ордена Подвязки о пожаловании герба Эдмонду Миллю: «...Эдмонд Милль, долгое время следовавший военной карьере, проявил себя в этом, как и в других своих делах, столь достойно и мужественно, что безусловно заслуживает, чтобы и его самого, и его потомков всюду принимали с должными почестями и уважением, и чтобы они вошли в число тех, кто составляет цвет нашей старинной аристократии и знати. В связи с чем, а также в память о его благородной жизни и деяниях я придумал девиз, а также составил и приказал исполнить и пожаловать упомянутому Эдмонду Миллю и его наследникам следующие гербовой щит, шлем и «крест»...» [Кин, 2000, с. 294].

Работая с историческими источниками и хрониками, М. Кин приводит свои наблюдения сложной и разветвленной системы почестей: «Высокие почести могут быть достигнуты во время турнира, но еще более высокие – в

бою; отвага, проявленная в лобовом сражении на поле брани ценится гораздо выше, чем отвага, проявленная во время штурма города или крепости. Особых почестей удостоиваются за особые ратные подвиги – например, те, кто первыми ступили на территорию неприятеля, высадившись с корабля, или те, кто первым оказался на стене вражеской твердыни во время ее штурма, или те, кто вел подкоп под вражеские крепостные стены. За участие в крестовом походе и в сражениях с неверными полагались особые почести» [Там же. С. 306]. Интересно рассмотреть и другую сторону вопроса *чести* – это потеря чести, бесчестное или позорное поведение, за которое рыцарь лишался знаков отличий. Например, за какие-либо упущения по службе некоторые знаки отличия могли быть убраны с герба. Герольды могли исключить рыцаря из списка участников турнира при подозрении в нарушении данной клятвы или за оскорбление, нанесенное женщине. В связи с этим уместным представляется выражение *рыцарь без страха и упрека (chevalier sans reproche)* или безупречный рыцарь, в котором речь идет не о некоем безупречном типе личности; в это понятие включаются определенные навыки и поступки конкретного человека, а также его биография, свободная от «технических» ошибок.

Серьезным проступком считалось нарушение данного слова. Именно это обвинение в XIV-XV веках часто предъявлялось в рыцарских кругах в связи с тем, что тот или иной рыцарь или даже просто знатный человек нарушил свое обещание выплатить выкуп. Существовал такой способ наказания, который во французских источниках был известен как *deshonnoirement* (лишение чести). По требованию обманутого герб обманщика, а иногда и его портрет в полном боевом облачении, выставлялся вверх ногами во всех общественных местах [Кин, 2000, с. 314]. О случаях лишения чести пишет В. Скотт в своем публицистическом очерке:

“The list of crimes for which the knight was liable to degradation corresponded to his duties. As devotion, the honour due to ladies, valour, truth and loyalty were the proper attributes of Chivalry – so heresy, insults or oppression of females, cowardice, falsehood or treason caused his degradation” [Scott, 1834, p.

104]. – Список преступлений, за которые рыцарь подвергался лишению титула, соответствовал его обязанностям. Преданность, соблюдение чести по отношению к дамам, отвага, правда и верность были определяющими моментами рыцарства, а ложь, оскорбления или притеснения дам, трусость, фальшь или предательство вели к лишению титула (Перевод наш – Е.Г.).

«Трусость и предательство считались преступлениями еще более тяжкими, как этого и следовало ожидать в обществе, где этика в основе своей была военной. За особое проявление трусости полагалась смерть; менее серьезные ее проявления могли повлечь за собой утрату общественного положения и герба. Сэр Джон Фастольф, например, был временно исключен из ордена Подвязки лишь за высказанное кем-то вслух предположение о том, что он проявил трусость в битве при Патэ. С предателями обходились еще более сурово, ибо предательство своего сюзерена с первых дней существования рыцарства считалось самым тяжким преступлением для любого воина. За предательство рыцаря могли подвергнуть любым унижениям и разжалованиям, включая лишение его всех знаков отличия и всех почестей...» [Кин, 2000, с. 315].

«Этосу рыцарей средневековья присуще ... неустанное стремление к превосходству и славе, первенствующее значение храбрости, необходимой для защиты своей чести, измеряемой количеством побежденных врагов и преодоленных опасностей, обязательная щедрость, постоянное обращение к категориям стыда и чести» [Оссовская, 1987, с. 102]. «Честь и стыд, - пишет Перестиани, - постоянно занимают внимание людей в небольших замкнутых группах, где личные отношения в противоположность анонимным играют значительную роль и где личность совершающего поступок столь же важна, как и его положение» [Цит. по: Оссовская, 1987, с. 104]. Эту мысль поддерживает историк и преподаватель Оксфордского университета М. Вэйл: *“Among warrior classes it [honour] possesses a universal validity”* [Vale, 1981, p. 1]. Таким образом, историки приходят к выводу, что объединяющим момен-

там в военном сословии вообще и в частности в рыцарской культуре является категория *чести*.

Концепт «честь» подробно изучен в лингвистике. Э. Бенвенист, например, рассматривает этимологию слов *честь* и *почесть* в контексте понятия *царской власти* [Бенвенист, 1995, с. 269]. Г. Г. Слышкин выделяет «три наиболее стандартных функции использования культурно-языкового концепта «честь»: *этикетную, мотивационную и провокационную*. ... Этикетное употребление концепта 'честь' сводится к стандартизированному проявлению уважения в чей-либо адрес (*почту за честь*), обычно в стандартной коммуникативной ситуации для установления и поддержания контакта в формальной тональности. ... Мотивационное использование культурно-языкового концепта 'честь' необходимо для объяснения собственных действий, кажущихся нецелесообразными с рациональной точки зрения. Например, для ребенка с честью связано участие в физическом единоборстве с оскорбившим его сверстником, однако для него не позорно бегство от желающего избить его взрослого. ... Провокационное использование концепта 'честь' представляет собой манипулятивное осложнение мотивационной стратегии: говорящий пытается спровоцировать адресата на определенные действия, прибегая к значимым для последнего представлениям о чести в качестве стимула» [Слышкин, 2000, с. 20-23].

Однако в рамках рыцарского кодекса поведения концепт «честь» до настоящего времени еще не рассматривался. Обратимся к текстам художественной литературы, в которых раскрывается содержание концепта «честь» в контексте рыцарской системы ценностей. Вслед за Г. Г. Слышкиным в работе выделены три функции реализации концепта «честь» в рыцарской культуре на материале художественных произведений: этикетная, мотивационная и провокационная. Кроме того, мы выделили директивную функцию использования концепта «честь».

Например, “*And I hold it [the hand] honoured by being clasped with yours...*” [Scott, «*Ivanhoe*», p. 281]. «*А вот тебе моя рука... и знай, что я по-*

шту за честь пожать твою руку» [Скотт, «Айвенго», с. 338]. В данном примере концепт «честь» реализуется в виде клишированной фразы с целью проявления уважения к собеседнику. Г. Г. Слышкин справедливо замечает, что «чем более значимое место в ценностной иерархии данного социума занимает концепт «честь», тем шире спектр действий, которые могут им мотивироваться» [Слышкин, 2000, с. 23]. Поскольку *честь* занимает важное место в рыцарской системе ценностей, то и спектр действия данного концепта соответственно широкий. Мотивационными для рыцаря являются следующие действия:

- 1) следование обетам, клятвам (
- 2) стремление к достижению славы;
- 3) отстаивание справедливости;
- 4) уважение к врагу;
- 5) демонстрация отчаянного мужества (гордыня, эгоизм);
- 6) отсутствие страха перед лицом смерти;
- 7) презрительное отношение к трусости;
- 8) проявление гнева, злости, агрессии (когда *честь* рыцаря стоит под угрозой);
- 9) соревновательность, стремление к бесконечным приключениям, странствиям.

Проиллюстрируем их примерами:

1. Следование обетам, клятвам:

“And this bihote I you withouten faile / Upon my troth, and as I am a knight...” [Chaucer, «The Canterbury Tales», p. 66]. «А я ручаюсь честью вам обоим / И в том даю вам рыцарское слово...» [Чосер, «Кентерберийские рассказы», с. 45].

“An answer suffisant in this mattere. / And suretee wol I han, ere that thou pace, / Thy body for to yeelden in this place” [Chaucer, «The Canterbury Tales», p. 230]. / «Честью поручитесь, / Что вы поступите как смелый витязь / И дать ответ придете через год» [Чосер, «Кентерберийские рассказы», с. 210].

“I ask of thee, as a good knight and a good Englishman, Wilt thou aid in their rescue? “I am bound by my vow to do so” [Scott, «Ivanhoe», p. 158]. «... скажи мне как добрый рыцарь и добрый англичанин: хочешь помочь нам выручить их? – Произнесенный обет вменяет мне в обязанность это сделать» [Скотт, «Айвенго», с. 196-197].

“... many a commandment have I broken, but my word never” [Scott, «Ivanhoe», p. 188]. «Я преступал многие законы, нарушал заповеди, но своему слову не изменял никогда» [Скотт, «Айвенго», с. 231]. “Ay, but pledge me your knightly word for it,” continued Wamba as he approached with great caution”... “My knightly word I pledge” [Scott, «Ivanhoe», p. 345]. «Нет, вы прежде дайте мне в том свое рыцарское слово, - продолжал Вамба, с опаской приближаясь к Рыцарю Висячего Замка... -Ну даю тебе рыцарское слово...» [Скотт, «Айвенго», с. 414].

“I am here, but I am a prisoner”, replied DeBracy. “Can I rescue thee?” cried ois-uilbert. “No”, replied DeBracy, “I have rendered me, rescue or no rescue. I will be true prisoner. Save thyself...” [Scott, «Ivanhoe», p. 256]. «-Здесь, - отозвался де Браси, - но я пленный. –Могу я выручить тебя? – продолжал Буагильбер. – Нет, отвечал де Браси, - я сдался в плен на милость победителя и сдержу свое слово. Спасайся сам...» [Скотт, «Айвенго», с. 310].

Чаще всего рыцари клянутся своей честью, поскольку это самое дорогое, что у них есть и что страшнее всего потерять. Рыцарь, который клянется и дает свое рыцарское слово, ставит под залог свою честь. Таким образом, рыцарская честь ассоциируется с честностью и рыцарским словом.

2. Стремление к достижению славы:

“... thou knowest not how impossible it is for one trained to actions of chivalry to remain passive as a priest, or a woman when they are acting deeds of honour around him. The love of battle is the food upon which we live – the dust of the melle is the breath of our nostrils! – We live not – we wish not to live – longer than while we are Victorians and renowned. Such maiden, are the laws of chivalry to which we are sworn, and to which offer all that we hold dear” [Scott, «Ivanhoe», p. 237]. «... ты не можешь себе предста-

вить, как трудно человеку, искушенному в рыцарских подвигах, оставаться в бездействии подобно какому-нибудь монаху или женицине, в то время как вокруг него другие совершают доблестные подвиги! Ведь бой – наш хлеб насущный, дым сражения – тот воздух, которым мы дышим! Мы не живем и не хотим жить иначе, как окруженные ореолом победы и славы! Таковы законы рыцарства, мы поклялись их выполнять, и жертвуем ради них всем, что нам дорого в жизни» [Скотт, «Айвенго», с. 288].

Слава – это очень важная составляющая концепта «честь» в рыцарской картине мира. Достижение славы – это способ самоутверждения рыцаря внутри своей группы, это одна из лучших возможностей подтвердить и защитить свою честь.

3. Отстаивание справедливости:

“Not by me” said De Bracy hastily, “I was his prisoner, and he took me to mercy. I will not harm a feather in his crest” [Scott, «Ivanhoe», p. 285]. «Я за это не возьмусь, - поспешно ответил Де Браси, - он взял меня в плен и помиловал. Я не согласен повредить хотя бы одно перо на его шлеме» [Скотт, «Айвенго», с. 344].

“Whatever becomes of him”, said Prince John, “he is victor of the day; and were he tenfold our enemy or the devoted friend of our brother, which is perhaps the same, his wounds must be looked to; our own physician shall attend him” [Scott, «Ivanhoe», p. 107]. «Какова бы ни была его судьба, он все-таки победитель нынешнего дня, - сказал принц Джон, - и, будь он самым опасным из наших врагов или самым верным из друзей нашего брата - что почти одно и то же, - следует залечить его раны; наш собственный врач подаст ему помощь» [Скотт, «Айвенго», с. 140].

“De Bracy”, said the Knight, “thou art free – depart. He whose prisoner thou art scorns to take mean revenge for what is past. But beware of the future, lest a worse thing befall thee...” [Scott, «Ivanhoe», p. 265]. «Де Браси, ты свободен! Ступай! Тот, кто взял тебя в плен, гнушается мстить за прошлое. Но впредь будь осторожен, берегись, как бы не постигла тебя худшая участь» [Скотт, «Айвенго», с. 319].

“My lord Yvain mounts at once, intending to avenge, if possible, his cousin's disgrace before he returns”.[Troyes, *Yvain...*, p. 11]. *«Ивэйн отважный рвется в бой / Он покидает замок свой / Отмстить задумал непременно/ Он за бесчестие кузена»* [Труа, *Ивейн...*, с. 46].

Обостренное чувство справедливости, совестливость являются характерной чертой военного сословия эпохи средневековья. Проявление несправедливости влечет за собой потерю чести, позор.

4. Уважение к врагу:

“The ideas of chivalrous honour, which, amidst his wildness and levity, never utterly abandoned De Bracy, prohibited him from doing the knight any injury in his defenceless condition...” [Scott, *«Ivanhoe»*, p. 228]. *«Строгие понятия о рыцарской чести, никогда окончательно не покидавшие де Браси, несмотря на все его легкомыслие и распущенность, запрещали ему совершить какое-либо насилие над рыцарем, находящимся в беспомощном состоянии...»* [Скотт, *«Айвенго»*, с. 278].

“My lord Yvain has no desire to inflict upon him further harm, but simply dismounts and takes his horse” [Troyes, *Yvain...*, p. 25]. *«Ивэйн берет себе коня / Обычай рыцарский храня / Лежачего не добывает»* [Труа, *Ивейн...*, с. 80].

Рыцарь обязан с честью обращаться со своим недругом, проявлять милосердие к врагу. «Использование слабости противника не приносило рыцарю славы. Когда в схватке двух незнакомых рыцарей один повергает другого на землю и, подняв его забрало, видит перед собой человека в годах, он не приканчивает лежащего, но говорит ему: “Сеньор, вставайте, я подержу вам стремя, / Мне не нужна такая слава. / Немного чести в том, чтобы повергнуть / Того, чья голова уже поседела”... Убийство безоружного врага покрывало рыцаря позором. Ланселот, рыцарь без страха и упрека, не мог простить себе того, что как-то в пылу сражения убил двух безоружных рыцарей и заметил это, когда было уже поздно. Он чувствует, что не простит себе это до самой смерти, и обещает совершить пешее паломничество в одной лишь посконной рубахе, чтобы замолить грех» [Оссовская, 1987, с. 88].

“And I wol love hir maugree all thy might! / But, for as much thou art a worthy knight, / And wilnest to darrein hir by bataille, / Have here my trowth, to-

morrwe I wol not faile, / Withouten witing of any other wight, / That here I wol be founden as a knight, / And bringen harneis right enough for thee / And chees the best, and leave the worst for me. / And mete and drinke this night wol I bringe / Enough for thee, and clothes for thy beddinge” [Chaucer, «The Canterbury Tales», p. 59]. «Ее люблю тебе наперекор, / Но так как ты ведь рыцарь, а не вор / И даму порешил добыть в бою, / То завтра же – я слово в том даю / Тайком от всех я буду в этом месте, / Как рыцарской моей пристойно чести. / И лучшую тебе доставлю сбрую, / А для себя похуже отберу я. / Тебе дам на ночь пищу и питье / И для ночлега принесу белье...» [Чосер, «Кентерберийские рассказы», с. 40].

Предоставление своему сопернику воспользоваться лучшими условиями считается высшим проявлением чести. М. Оссовская считает, что уважительное отношение к врагу продиктовано чувством собственного достоинства сражающегося, его уважением к самому себе, а также гуманностью. Помимо этого, рыцарем движет игровая мотивация. «В сидящего зайца не стреляют не только потому, что это не приносит славы охотнику, но и потому что без преодоления трудностей нет развлечения» [Оссовская, 1987, с. 495-496].

5. Демонстрация отчаянного мужества:

“What! Sound for aid”, exclaimed the Knight, “against a score of such rascaille as these, whom ne good knight could drive before him as the wind drives the withered leaves?” [Scott, «Ivanhoe», p. 344]. «Что? Звать на помощь против подобной своры? – воскликнул рыцарь. – Да один настоящий рыцарь может разогнать их, как осенний ветер гонит листву!» [Скотт, «Айвенго», с. 413].

“And Richard Plantagenet”, said the king, - “desires no more fame than his good lance and sword may acquire him and Richard Plantagenet is prouder of achieving an adventure, with only his good sword, and his good arm to speed, than if he had to battle an host of an hundred thousand armed men” [Scott, «Ivanhoe», p. 352]. «А Ричард Плантагенет и не ищет иной славы, - отвечал король, - ему всего дороже та слава, которую он добывает своим мечом и копьем. Да, Ричард Плантагенет больше гордится победой, одержанной в

одинокую своей твердой рукой и мечом, чем завоеванной во главе сотысячного войска» [Скотт, «Айвенго», с. 422]. Рыцарю необходимо публично продемонстрировать свое мужество, свою личную отвагу и персональную победу, которую он не хочет делить ни с кем. Это вопрос его личной (не сословной) чести. «Личное достоинство воина заставляет его рисковать и пренебрегать слишком легкой победой. Рыцарь, которому присуще стремление к личной славе, может приобрести ее только в сражении с противником более сильным или равным по силе» [Оссовская, 1987, с. 495]. В наше время такое поведение получило бы осуждение, а это мужество в современном мире мы бы назвали гордыней, но в ту эпоху вопросы самоанализа и совершенствования личности, по-видимому, были чужды средневековому человеку. Поэтому проявление этого особого вида эго-мужества являлись нормой и получали положительную оценку. Правда, в героическом эпосе «Песнь о Роланде» делается слабая попытка воззвать к разуму ослепленного гордыней рыцаря. Оливье, друг и соратник Роланда считает его действия безрассудными:

“...Comrade, it was your deed: / Vassalage comes by sense, and not folly; / Prudence more worth is than stupidity. / Here are Franks dead, all for your trickery; / No more service to Carlun may we yield. / My lord were here now, had you trusted me, / And fought and won this battle then had we, / Taken or slain were the king Marsilie. / In your prowess, Rollanz, no good we've seen! / Charles the great in vain your aid will seek / None such as he till God His Judgement speak...” [«The Song of Roland», p. 92-93]. ... *“Вы всему виною./ Быть смелым мало – быть разумным должно, / И лучше меру знать, чем сумасбродить. / Французов погубила ваша гордость. / Мы королю уж не послужим больше. / Подай вы зов, поспел бы он на помощь / И не избегли б нехристи разгрома, / Король Марсильий – плена или гроба. / Нам ваша дерзость жизни будет стоить, / Теперь вы Карлу больше не помощник. / Вовек и не найдет слуги такого...”* [«Песнь о Роланде», с. 523].

Оливье, представляющий голос разума, указывает Роланду на его ошибки, говоря о том, что нельзя руководствоваться одной лишь смелостью

и жаждой победы, не знающей никакой меры. Роланд – это воплощение рыцарской безрассудности и храбрости, которая в определенный момент получает отрицательную оценку. Таким образом, мужество, служащее защите чести, оценивается положительно, а мужество, переходящее в безрассудство, не одобряется, но поскольку это единственный пример, в котором мы встретили осуждение безрассудного мужества, следует признать, что эта черта считалась абсолютной нормой в рыцарской системе ценностей.

6. Отсутствие страха перед лицом смерти:

“Let us up and be doing, then, Brian de Bois-Guilbert; and live or die, thou shall see Maurice de Bracy bear himself this day as a gentleman of blood and lineage” [Scott, *«Ivanhoe»*, p. 241]. *«Идем и будем драться Бриан де Буагильбер. Останусь ли я жив или умру – увидишь, что сегодня поведение Мориса де Браси будет достойно родовитого и благородного дворянина»* [Скотт, *«Айвенго»*, с. 292].

“A knight, Rebecca, must encounter his fate, whether it meet him in the shape of sword or flame...” [Scott, *«Ivanhoe»*, p. 253]. *«Всякий рыцарь, Ребекка, должен покоряться своей участи, хотя бы ему пришлось погибнуть от меча или огня»* [Скотт, *«Айвенго»*, с. 306].

Защищая свою честь, рыцарь не должен отступать перед лицом опасности. Наоборот, опасность подстегивает рыцаря действовать, рискуя своей жизнью. Этот своего рода романтический мотив характерен для средневековой литературы о рыцарях, которая не отличалась сюжетным разнообразием.

7. Презрительное отношение к трусости, боязнь быть опозоренным:

“... deliver up our prisoners, and stand an object alike of ridicule and execration... Shame on my counsel, Maurice de Bracy! – The ruins of this castle shall bury both my body and my shame, ere I consent to such base and dishonourable composition” [Scott, *«Ivanhoe»*, p. 240]. *«...выдать наших пленных и стать всеобщим посмешищем?... Пусть этот замок обрушится на меня и похоронит мое тело и мой позор, прежде чем я соглашусь на такую низкую и бесславную сделку»* [Скотт, *«Айвенго»*, с. 292].

“Answers Rollanz: “Utter not such outrage! / Evil his heart that is in thought coward! / We shall remain firm in our place installed; / From us the blows shall come, from us the assault” [«The Song of Roland», p. 60]. «Роланд ему: “Безумна речь такая. / Позор тому, в чье сердце страх закрался. / Стоим мы здесь и не пропустим мавров. / Верх мы возьмем, и поле будет нашим”» [«Песнь о Роланде», с. 506].

Страх оказаться опозоренным, высмеянным подстегивает рыцаря к совершению даже отчаянных действий, обреченных на неуспех. Рыцарь считает ниже своего достоинства звать на помощь, полагаясь лишь на свои силы. Все, что может быть сочтено трусостью недопустимо. В данных текстах честь выражается в необузданной отваге, которая, кажется, переходит в безумство, когда рыцарю не страшна даже смерть, лишь бы его не сочли трусом.

8. Проявление гнева, злости, агрессии (когда *честь* рыцаря стоит под угрозой):

“It is impossible for language to describe the bitter scowl of rage which rendered yet darker the swarthy countenance of the Templar. In the extremity of his resentment and confusion, his quivering fingers gripped towards the handle of his sword... [Scott, 1995, p. 36]. «Невозможно описать тот неистовый гнев, который мгновенно вспыхнул на еще более потемневшем лице смуглого храмовника. Разгневанный и смущенный, схватился он за рукоять меча...» [Скотт, «Айвенго», с. 63].

С потерей чести рыцарь теряет свое лицо, ощущает себя опозоренным. Теряя честь, рыцарь переживает сильные эмоции: чувство гнева, злости к себе, сиюминутное желание защититься, как, например, рыцарь Буагильбер в романе В.Скотта «Айвенго». Позорным для рыцаря считается упасть с лошади, получить удар в голову, потерять оружие в бою, быть ославленным в его неудачах, быть обвиненным в трусости.

9. Соревновательность, стремление к бесконечным приключениям, странствиям:

“I feel already as if I could bear my corslet; and so much the better, for thoughts pass in my mind which render me unwilling to remain her longer in inactivity” [Scott, «Ivanhoe», p. 337]. «... я себя так чувствую, что, пожалуй, могу надеть панцирь; это большое счастье, что мне такие мысли приходят на ум, что я не могу больше здесь оставаться в бездействии» [Скотт, «Айвенго», с. 405].

“And I must lie here like a bedridden monk... while the game that gives me freedom or death is played out by the hand of others!” [Scott, «Ivanhoe», p. 234]. «А я должен тут лежать неподвижно, словно расслабленный монах... пока другие ведут игру, от которой зависит моя свобода или смерть!» [Скотт, «Айвенго», с. 284].

“Slip off the bridle and halter and come to the tournament with me, that no one may say that you are jealous. Now you must no longer hesitate to frequent the lists, to share in the onslaught, and to contend with force, whatever effort it may cost!” [Troyes, «Yvain...», p. 32]. «Свою же славу защищайте / Турниры, друг мой, посещайте! / Силен в науке боевой / Тот, кто рискует головой...» [Труа, «Ивейн...», с. 86]. «И я ушел в далекий путь, / Стремясь достоинство вернуть / И честь, казалось бы утраченную <...> / И этим честь свою спасти...» [Эшенбах, «Парцифаль», с. 542].

Жизнь рыцаря состоит в непрекращающемся поиске. Это поиск приключений, опасностей, славы. Рыцарь, остающийся дома в бездействии отклоняется от нормативного поведения. Соревновательный момент играет ведущую роль в жизни рыцаря и движет его действиями, ведь без него все остальные мотивы борьбы и рыцарские нормы поведения теряли бы всякий смысл. В этом отношении показателен пример из романа К. де Труа «Ивейн или рыцарь со львом»:

“my lord Yvain was much chagrined, for he intended to go there all alone. <...> The chief cause of his displeasure was that he knew that my lord Kay, would secure the battle rather than he himself, or else perchance my lord Gawain would first ask for it. <...> But, having no desire for their company, he resolves not to wait for them, but to go off alone, if possible, whether it be to his gain or hurt” [Troyes, «Yvain...», p. 10]. «Ивейну так велело мценье / Мессир Ивейн сидел в

смущенье / Вдруг с незнакомцем вступит в бой / Насмешник дерзкий, Кей лихой? / Вдруг незнакомца покарает / Гавейн, который сам сгорает / От нетерпения, когда / Свой вызов бросила вражда? / Медлительному нет прощенья. / Откладывать не стоит мщенья!» [Труа, «Ивейн...», с. 45].

Герою романа не терпится первому вступить в бой с могучим рыцарем и опередить своих друзей, чтобы они не завоевали славы в победе с ним. Эта жажда к приключениям объясняется тщеславным стремлением к славе.

Проанализированный материал позволяет нам выделить ряд норм поведения, которые предписывают, чем необходимо руководствоваться и какие действия предпринимать для поддержания рыцарской чести. Концепт «честь», таким образом, реализуется в *директивной* функции. Итак, концепт «честь» предполагает:

- 1) наличие благородного происхождения;
- 2) следование рыцарскому кодексу чести;
- 3) защита своей чести;
- 4) соблюдение правил ведения боя или его имитации (турнирные правила);
- 5) желательное завершение рыцарского пути.

Приведем примеры:

1. Наличие благородного происхождения:

Благородное происхождение рыцаря – необходимое условие для того, чтобы быть представленным знатной даме. Происхождение – это пропуск рыцаря ко двору и в дома знатных особ.

“I will not yield,” replied DeBracy faintly, “to an unknown conqueror. Tell me thy name, or work thy pleasure on me – it shall never be said that DeBracy was prisoner to a nameless churl” [Scott, «Ivanhoe», p. 252]. «Не хочу сдаваться неизвестному победителю, - отвечал де Браси слабым голосом, - скажи мне свое имя или прикончи меня. Пусть никто не сможет сказать, что де Браси сдался в плен безымянному простолыдину» [Скотт, «Айвенго», с. 305].

Рыцарь, проигрывая и сдаваясь в плен, также должен сохранить свою честь; он не может сдаться сопернику неблагородного или более низкого, чем он сам, происхождения, он скорее предпочтет смерть. Для рыцаря важно происхождение; в норме рыцарский титул мог получить только благородно рожденный, Вальтер Скотт в своих очерках о рыцарстве пишет о том, что люди более низкого происхождения также часто посвящались в рыцари [Scott, 1818, p. 112].

2. Следование рыцарскому кодексу чести:

«Будь милосерд и справедлив / К чужим ошибкам терпелив / И помни всюду и везде / Не оставляй людей в беде / Спеши, спеши на помощь к ним, / К тем, кто обижен и гоним, / Навек спознавшись со состраданьем, / Как с первым рыцарским деяньем / Господне ждет благодаренье, / Кто воспитал в себе смиренность! / Умерен будь! Сколь славен тот, / Кто и не скряга и не мот! <...> / С вопросами соваться бойся, / А вопрошающим – откройся. / При этом никогда не ври / Спросили – правду говори! / Вступая в бой, сомкни, мой милый, / Великодушье с твердой силой! / Не смей, коль совесть дорога, / Топтать лежачего врага / И если он тебе сдается, / То и живым пусть осается! / Ему поверив на слово, / Ты отпусти несчастного!.. / Поверженных не обижай!.. / Чужие нравы уважай! / Учись, мой рыцарь, с юных лет / Блестит дворцовый этикет, / А также рыцарский устав! / Вернувшись с боя, панцирь сняв, / Умойся с тщанием, чтоб грязь / От ржавчины не завелась! / Прекрасным женщинам служи! / Любя, в любви убойся лжи!..» [Эшенбах, «Парцифаль», с. 344-345].

В этих наставлениях, которые получил юный рыцарь от умудренного опытом князя, перечисляются все нормы поведения и предписания, которые должен выполнять безупречный рыцарь, т.е. фактически передается неписанный рыцарский кодекс чести, в котором содержатся все нормы поведения, предписываемые рыцарю.

3. Защита своей чести:

“For trusteth ye well, that dukes, erles, kinges / Were gadred in this noble compaignye / For love and for encrees of chivalrye” [Chaucer, «The Canterbury Tales», p. 76]. «Ведь графы, герцоги и короли / Сошлись, чтоб защищать любовь и честь / И рыцарство на высоту вознестъ» [Чосер, «Кентерберийский рассказы», с. 51].

“And well and chivalrous did de Bracy that day maintain the fame he had acquired in the civil wars of that dreadful period” [Scott, 1995, p. 251]. «И вправду де Браси этот день постоял за свою рыцарскую честь и показал, что он достоин славы, завоеванной в междоусобных войнах этого ужасного времени» [Скотт, «Айвенго», с. 304].

“Yet, in this respect they were very honourable in not trying or deigning to strike or harm their steeds in any way; but they sat astride their steeds without putting foot to earth, which made the fight more elegant” [Troyes, Yvain..., p. 12]. «Тому, кто честью дорожит / В седле сражаться надлежит» [Труа, Ивейн..., с. 48].

Долгом рыцаря считается защита своей чести, чести своего сеньора, соратника и т.д. С одной стороны, это внутренняя обязанность, а с другой – это предписание, директива, установленная рыцарскими законами.

4. Соблюдение правил ведения боя или его имитации (турнирные правила):

“A knight unhorsed might renew the fight on foot with any other on the opposite side in the same predicament; but mounted horsemen were in that case forbidden to assail him”. «Упавший с коня мог продолжать бой только с пешим противником. Всадникам же воспрещалось нападать на пешего». *“Any knight breaking the rules of the tournament, or otherwise transgressing the rules of honourable chivalry, was liable to be stripped of his arms, and, having his shield reversed, to be placed in that posture astride upon the bars of the palisade, and exposed to public derision, in punishment of his un-knightly conduct”* [Scott, «Ivanhoe», p. 98-99]. «Каждый рыцарь, нарушивший правила турнира или как-нибудь иначе погрешивший против законов рыцарства, подвергался лишению доспехов; вслед за тем ему на руку надевали щит, перевернутый

нижним концом вверх, и сажали верхом на ограду, на всеобщее посмеяние» [Скотт, «Айвенго», с. 131-132].

“... and to such champion the reverend and valorous Grand Master here present allows a fair field and equal partition of sun and wind, and whatever else appertains to a fair combat” [Scott, «Ivanhoe», p. 376]. «Таковому ее заступнику преподобный и доблестный владыка гроссмейстер, здесь присутствующий, позволяет биться на равных правах, предоставляя ему одинаковые условия в отношении места, направления солнца и ветра и всего прочего, до сего доброго поединка относящегося» [Скотт, «Айвенго», с. 450].

“I will not fight with thee at present... Get thy wounds healed, purvey thee a better horse, and it may be will hold it worth my while to scourge out of thee this boyish spirit of bravade” [Scott, «Ivanhoe», p. 379]. «Я сейчас не стану с тобой драться... Залечи сперва свои раны, достань лучшего коня, и тогда, быть может, я сочту достойным себя выбить из твоей головы этот дух ребячьего удалства» [Скотт, «Айвенго», с. 453].

Норма поведения, заключающаяся в соблюдении честного боя восходит к ранним кодексам «честной игры», в которых «предписывалось нападать на того, кто отвечает нам тем же, - условие, которое можно считать составной частью определения борьбы, ведь без постулата взаимности она превратилась бы просто в резню» [Оссовская, 1987, с. 492]. Правила «честной игры» стали ассоциироваться именно с рыцарской культурой, поскольку они строго соблюдались и охранялись рыцарским кодексом. Как считает исследователь рыцарского этоса М. Оссовская, рыцарская борьба подвергается институционализации. Следовательно, снисхождение к противнику, смягчение борьбы, контроль над агрессией объясняются классовой солидарностью [Оссовская, 1987, с. 499]. Соперники обязательно должны соблюдать правила честного боя; использовать равные условия в бою; пренебрежение этой традицией рассматривается как проявление бесчестного поведения и наказывается. Эти предписания соотносятся с мотивационной функцией, выражающейся в отношении к врагу и в правилах честного боя.

5. Желательное завершение рыцарского пути:

“Gods and fiends!” exclaimed the wounded knight, “O, for one moment’s strength, to drag myself to the melee, and perish as becomes my name!” [Scott, «Ivanhoe», p. 245]. «Боги и бесы! – вскрикнул раненый рыцарь. – О, если бы хоть на минуту воротилась моя прежняя сила, чтобы дотащиться до места боя и умереть, как подобает рыцарю!» [Скотт, «Айвенго», с. 297].

“Peace be with him,” said Richard, looking steadfastly on the corpse, “if it may be so – he was a gallant knight and has died in his steel harness full knightly...” [Scott, «Ivanhoe», p. 381]. «Мир ему, - молвил Ричард, пристально вглядываясь в лицо умершему, - если это возможно: он был храбрый рыцарь и умер в стальной броне, как подобает рыцарю» [Скотт, «Айвенго», с. 457].

Рыцарю подобает умереть или победить в смертной схватке с врагом; быть же раненым или умирать от какой-либо болезни считается для рыцаря позорным.

“Strike on, my lords, with burnished swords and keen / Contest each inch your life and death between / That neer by us Douce France in shame be steeped / When Charles my lord shall come into this field / Such discipline of Sarrazins he'll see / For one of ours he'll find them dead fifteen / He will not fail, but bless us all in pease” [«The Song of Roland», p. 102]. «В бой, рыцари! Мечом разите метко / Не на живот, а на смерть с мавром бейтесь / Чтоб милой Франции не обесчестить. / Сеньер наш Карл придет на это место / Увидит, что побита тьма неверных / А наших трупов раз в пятнадцать меньше / Благословит за это нас посмертно» [«Песнь о Роланде», с. 528].

“On the green grass he lay there on his face / His olifant and sword beneath him placed / Turning his head towards the pagan race, Now this he did, in truth, that Charles might say / (As he desired) and all the Franks his race / ‘Ah, gentle count; conquering he was slain!’” [«The Song of Roland», p. 123]. «Ложится на зеленую траву / Свой меч и рог кладет себе на грудь / К Испании лицо он повернул / Чтоб было видно Карлу-королю / Когда он с войском снова будет тут / Что граф погиб, но победил в бою» [«Песнь о Роланде», с. 540].

Смерть принимается рыцарем достойно, с честью. Воин должен принять «рыцарскую» смерть или он обречен на бесславие и позор. «Славу рыцарю приносила не столько победа, сколько его поведение в бою. Сражение могло без ущерба для его чести кончиться его поражением и гибелью, как это случилось с Роландом. Гибель в бою была даже хорошим завершением биографии, ибо рыцарю было трудно примириться с ролью немощного старика» [Оссовская, 1987, р. 87]. Еврейка, исцеляющая Айвенго в романе В. Скотта, искренне удивляется, как ради лишь одной только славы, рыцарь готов терпеть столько страданий, лишиться всех радостей жизни и в конце концов самой жизни: “... *what remains to you as the prize of all the blood you have spilled – of all the travail and pain you have endured – of all the tears which your deeds have caused, when death hath broken the strong man’s spear, and overtaken the speed of his war-horse?*” “*What remains?*” echoed *Ivanhoe*; “*Glory, maiden, glory! which gilds our sepulchre and embalms our name.*” [Scott, «*Ivanhoe*», p. 237]. «*Что будет вам наградой за всю кровь, которую вы пролили, за все труды и лишения, которые вы вынесли, за те слезы, которые вызвали ваши деяния, когда смерть переломит ваша копыта и опередит самого быстрого из ваших боевых коней? –Что будет наградой? –воскликнул Айвенго... Слава, слава! Она позлатит наши могилы и увековечит наше имя!*» [Скотт, «*Айвенго*», с. 288].

В уста героя этого романа вкладывается ключевое понимание цели всего рыцарского пути: достичь славы, которая стоит на службе у рыцарской чести. В приведенных текстах *честь* ассоциируется со славой. Своими подвигами рыцарь прославляет себя, что служит его чести и достоинству.

Итак, концепт «честь» реализуется в военном дискурсе в следующих ситуациях: 1) «рыцарское» обращение с врагом, пленным, соратником; 2) ведение боя; 3) победа; 4) поражение; 5) гибель.

Концепт «честь» в рыцарской культуре понимается, как: 1) сила, отчаянное мужество, проявленные в честном бою; 2) уважение к врагу, порядочность и милосердие в обращении с соперником; 3) благородство, как в поведении, так и в проис-

хождении; 4) справедливость; 5) честность, выполнение своих обещаний, следование своему «рыцарскому» слову.

2.2.2. Моделирование концепта «честь» в современном англоязычном мире

Материалом для рассмотрения понятия *чести* в образах настоящего послужили опрос информантов, тексты Британского национального корпуса и статьи, посвященные вопросам современной рыцарственности и этики поведения.

Было опрошено 100 респондентов, носителей английского языка в возрасте от 18 до 75 лет.

Следует отметить, что большинство наших респондентов (82%) связывают рыцарственное поведение с понятием *чести*, подтверждая наш тезис о том, что *честь* является одним из ключевых концептов рыцарской культуры. На вопрос “*Do we need chivalrous men?*” (Нужны ли нам рыцарственные мужчины?) только один респондент из 100 ответил отрицательно, и пятеро выбрали ответ “*I don't know*”. – (Я не знаю).

На вопрос-стимул “*Honour for a chivalrous person today is...*” (Честь для рыцарственного человека сегодня – это...) были получены следующие характеристики, которые можно разделить по группам:

1) честность, искренность (56 респондентов из 100) (“*honest even when honesty is not the most popular route*” – быть честным, даже если честность не в моде; “*A homeless man in the news turns over a backpack full of money that he witnesses a tourist accidentally leave behind*”. – Какой-то нищий в новостях возвращает рюкзак полный денег, который случайно оставляет турист.);

2) уважение к окружающим, к женщинам, к себе (52 респондента) (“*respecting women: partner, friends, mother, grandma and strangers*” – уважать женщин: свою половину, женщин-друзей, маму, бабушку, незнакомых женщин; “*to gain respect for performing above and beyond their moral duty*” – заслуживать уважения своими поступки, выходящими за рамки морального долга);

- 3) верность (28 респондентов) (*“loyal”* – верный; *“loyalty”* – верность; *“treating people fairly”* – быть справедливым с людьми; *“not letting yourself and others down”* – не подводить ни себя, ни других);
- 4) сострадание, помощь, защита (32 респондента) (*“defending those who cannot defend themselves”* – защищать тех, кто не может постоять за себя);
- 5) высокий моральный принцип (6 респондентов) (*“doing the right thing no matter what the personal cost”* – поступать правильно, чем бы это не грозило).

Остальные качества, которые респонденты ассоциируют с концептом «честь» – единичны (*strong* – сильный, *gracious* – любезный, *humble* – скромный, *generous* – щедрый, *noble* – благородный).

Трое респондентов назвали *честь* добродетелью и основной ценностью, не раскрывая суть этой ценности и еще трое респондентов обобщили понятие *честь*, назвав его «всем» (*everything*). Один респондент привел пример своего понимания *чести* сегодня: *“A homeless man in the news turns over a backpack full of money that he witnesses a tourist accidentally leave behind”*. (Какой-то нищий в новостях возвращает рюкзак полный денег, который случайно оставляет турист.) Этот пример, иллюстрирующий необыкновенную честность и совесть бедняка, который, несмотря на свое положение, не может взять чужое, в высшей степени удачен для иллюстрации понятия *чести* в современном мире. Для троих респондентов *честь* персонифицируется в людях (*“my grandpa for being a war hero”* – мой дедушка как герой войны; *“a brother, my sons”* – мой брат, мои сыновья; *“a person you would consider a friend and always welcome in your home”* – человек, которого вы считаете другом и всегда рады видеть у себя дома). Двое респондентов утверждают, что *честь* заключается в хорошей работе (*“a good job”*) и в рукопожатии (*“shaking hands”*) – в данных двух случаях мы имеем дело с этикетной функцией концепта «честь». Наконец, двое респондентов отводят *чести* центральное место в своей жизни: *“I see honour as a figurehead on the prow of a ship. In my eyes, it defines you, it represents you and goes before you wherever you are”*. (Для меня *честь* – это фигура на носу корабля, которая ведет тебя, всегда перед тобой. *Честь* определяет и олицетворяет твою жизнь).

“I’d say I find personal honour the most descriptive of my own views”. (Мои взгляды предопределяет моя личная честь).

Итак, все респонденты признают *честь* ценностью, высоким моральным принципом, в ответах выражается их положительная оценка этой ценности. Однако, встретилось 12 комментариев, оговаривающих риск и препятствия, которые могут противостоять *чести* (*“no matter what the personal cost”* – в независимости от последствий, *“having the courage to”* – осмеливаться, *“taking necessary risks”* – идти на необходимый риск, *“in all circumstances”* – при любых обстоятельствах, *“against all odds”* – несмотря ни на что), т.е. проявление *чести*, по-видимому, является непросто задачей в современном мире, несколько респондентов подчеркивают, что рыцарственный человек должен следовать моральным принципам, отстаивать правду и т.д. при любых обстоятельствах, даже если правда идет вразрез с общественным мнением (*“doing the right and moral thing in all circumstances”* – творить добрые поступки в любых обстоятельствах, *“standing up for what is right although it may come at a personal cost”* – отстаивать правду, даже если она может «выйти боком», *“honest even when honesty is not the most popular route”* – быть честным, даже если это не самый популярный маршрут, *“upholding his chivalric beliefs even if they are at odds with others around him”* – придерживаться рыцарственных убеждений, даже если они идут наперекор всем вокруг). По мнению одного респондента рыцарственному человеку необходимо иметь мужество, чтобы жить по совести. Таким образом, постулируется мысль, что правда, истина, – это не то направление, которым следует социум сегодня и чтобы защищать истину, нужно быть готовым встретить сопротивление, нужно не побояться оказаться в меньшинстве. Один респондент откровенно признается, что в обществе ощущается недостаток стыда, что является основной причиной деградации культуры, а стыд и честь – необходимы. (*“I think the lack of shame in the society today is at the heart of the degraded culture and feel that both [honour and shame] need to exist”*).

Следует отметить, что в современном англоязычном мире в связи с вопросом *чести* по-прежнему используется понятие *fair play* (честная игра), которое ассоциируется с рыцарским кодексом. По словам одного из наших респондентов: *“British*

people tend to believe that our culture has been defined by our sense of fair play, this has been as a result of our history. We will always defend who we perceive to be weak, sometimes to our great cost. However the present day definition of an act of 'chivalry' would be thought of as heroic or an act of selfless bravery". (Мы, британцы, склонны считать, что наша культура определяется понятием *честной игры* под влиянием нашей истории. Мы всегда готовы защитить слабых даже в ущерб себе самим. Однако в современном понимании *рыцарственный* поступок – это героический акт самоотверженности и храбрости). Из данного комментария следует, что и понятие *честной игры*, и связанные с ним понятия рыцарственного поступка, то есть проявления *чести* – это уходящие категории, поэтому они воспринимаются, как что-то необычное, сверхъестественное, героическое.

Тот факт, что всего двое респондентов из 100 опрошенных говорили о чести, применительно к собственной жизни, лишь один респондент смог проиллюстрировать проявление *чести* примером, а также другие лингвистические наблюдения по поводу сложности, непопулярности и других рисков, связанных с проявлением чести, позволяет нам говорить о том, что проявление *чести* встречается в современном мире все реже, хотя ответы респондентов и показывают, что данный концепт пока еще жив в сознании. Единственная иллюстрация демонстрирует, как *честь* встает против алчности, стремления к наживе и обогащению за счет других.

Итак, в сознании современных носителей английского языка концепт «честь» характеризуется следующими чертами: 1) уважение; 2) честность; 3) верность, самоотверженность; 4) отстаивание идей, интересов и т.д.; 5) достоинство, репутация; 6) любой акт доброты, гуманности.

Вместе с положительной оценкой самого концепта высказывается отрицательная оценка по поводу реализации концепта «честь» в современной культуре.

Материал Британского национального корпуса позволяет утверждать, что концепт «честь» сегодня реализуется в разных видах дискурса:

1) бытийный дискурс, (*честь* проявляется в любой бытовой ситуации): “*And what life may be worth when...the honour is gone...*”. (Чего стоит жизнь, когда нет чести?);

2) педагогический дискурс (стремление отличиться, быть лучше других и т.д., например, “... *whoever won the scholarship, you see, their name went on the honour*” (На доске почета размещался список имен тех, кто выигрывал стипендию). “*D.C.L. degree by Oxford University and the College gave me the honour of welcoming her with flowers*”. (Благодаря степени Оксфордского университета я удостоился чести приветствовать ее с цветами).

3) спортивный дискурс (соревновательность, стремление к победе): “... *football was his personal code of honour*”. (Футбол был для него личным кодексом чести). Как считает М.Оссовская, именно в спорте «кодекс рыцарской борьбы сохраняет свое значение в наибольшей степени. Присяга, которую приносили участники XVI Олимпийских игр в Мельбурне, гласила: ‘Клянемся, что во время Олимпийских игр мы будем соревноваться честно, соблюдая действующие правила. Мы хотим участвовать в Играх в духе рыцарской борьбы, во имя наших стран и во славу спорта’» [Оссовская, 1987, с. 509],

4) деловой дискурс (“*In my opinion, as professional people we must continue to honour our professional responsibilities to our clients*” [BNC: www].).

5) юридический дискурс (“*Any kind of sharp practice or dishonest dealing will infallibly ruin his career. Make up your mind that whatever the short-term temptations may be, you will never deviate from the highest standards of honour. This remark applies to solicitors as well, of course*” [Там же.]),

6) политический дискурс (“*The French President, F. Mitterrand, confirmed that Aoun had been granted political asylum as a ‘question of honour’*”. (Президент Франции Франсуа Миттеран заявил, что предоставление Ауну политического убежища было делом чести).

Бытование концепта «честь» в разнообразных дискурсах можно объяснить актуальностью данного концепта в любой сфере жизни, но, к сожалению, контекстуальный анализ текстов показывает, что во многих жизненных

сферах отсутствует какое-либо проявление чести. Особенно явно, это выражено в таких дискурсах, как политический: *“If there was any honour in this Government...”*. (Если бы у этого правительства и осталась хоть сколько-нибудь чести...). *“But honour is in short supply in a Cabinet in which arrogance and incompetence reign supreme”*. (Но Кабинету, где царствует высокомерие и некомпетентность, не хватает чести). *“I am glad that Willie Whitelaw has shown that there is still a streak of honour and decency in the Tory Party”*. – Я рад, что Уилли Уайтлоу показал, что все еще есть «прослойка» чести и порядочности в консервативной партии). В юридическом дискурсе также ставится под сомнение наличие *чести* у юристов, но делается это не так явно, как в политическом дискурсе, а с помощью таких стилистических приемов, как ирония: *“... I know solicitors individually are totally immoral. <...> I suppose, as with any other bunch of thieves, there is honour among you <...> What I want you to do is to find out some information from another solicitor. ‘Officially?’ ‘Unofficially’. ‘Ah. Comes more expensive’”*. (Я знаю, что адвокаты, по отдельности, совершенно безнравственны. Полагаю, что, как и в любой шайке воров, у вас есть честь. Я хочу, чтобы вы узнали некоторую информацию у другого адвоката. –Официально? –Неофициально. –Тогда, это будет еще дороже). В данных текстах честь политиков и честь представителей закона ставится под сомнение, эксплицитно либо имплицитно. Несмотря на то, что в основном корпусе наших примеров, *честь* получает высокую оценку и ожидается ее проявление в той или иной ситуации, фактически наблюдается недостаток *чести*.

Об утрате чести говорит философ Б. Рассел: «Вера в принцип личной чести, хотя последствия ее бывали нередко абсурдны, а временами трагичны, имеет за собой серьезные заслуги и ее упадок отнюдь не является чистым приобретением. <...> Если освободить понятие чести от аристократического чванства и склонности к насилию, в нем останется нечто такое, что помогает человеку сохранять порядочность и распространять принцип взаимного доверия в общественных отношениях. Я не хотел бы, чтобы это наследие ры-

царского века было совершенно утрачено» [Цит. по: Оссовская, 1987, с. 510]. Из слов Б. Рассела также следует, что *честь* в современной культуре встречается все реже. С другой стороны, мы можем наблюдать реализацию концепта «честь» в контексте национальной, коллективной, государственной чести (*“Herbert Samuel <...> expressed himself personally committed to legislation in the interests of national honour”* [BNC: www]). (Герберт Сэмьюэл выразил личное неуклонное следование законам в интересах национальной чести), тогда как для рыцарской культуры национальная честь и патриотизм чужды.

Честь сегодня сохраняет связь с понятием славы, но не совсем в том же смысле, в каком *честь* связана со славой в ключевых рыцарского кодекса поведения. Средневековый рыцарь стремится к прославлению в первую очередь себя, что является для него делом *личной чести*, а также прославлению своей дамы и защиты ее чести. В современном контексте прославляется чья-либо *честь* (известная, прославившаяся кем-либо личность: *“They called it Schiaparelli, in honour of a hero of the art of astronomy”* [BNC: www]), что, как правило, является национальной гордостью, выражающейся в патриотизме.

Понятие *честь* несомненно рассматривается сегодня как моральная ценность, потерявшая, однако, свою жизненную силу, поскольку в целом культурные ориентиры в современном мире оказываются сильно смещены и искажены такими лжеценностями как богатство, успех, красота и др. «Констатация положения о том, что общество «потеряло или теряет» ценности, что сегодня явно превалирует способ жизни по принципу «каждый за себя», определяет особую актуальность изучения эволюции ценностного состояния человека и общества» [Лингвистика и аксиология, 2011, с.15].

Анализ статей, в которых рассматриваются проблемы моральных ценностей, этического поведения, возможности реализации рыцарских добродетелей в современном обществе, позволил выделить некоторые антиценности, актуальные для современной англоязычной культуры: *greed* (алчность) (*“They insist that the market decides our morality <...> The market they worship rewards complete lack of conscience, even as that same lack of conscience chokes*

the life out of everything we hold dear". – Они настаивают, что рынок определяет нашу нравственность. Рынок, который они боготворят, характеризуется полным отсутствием совести, даже если это самое отсутствие совести вытесняет жизнь из всего, что нам дорого.); *consumerism* (потребительство) ("*Thanks to the effects of mind-controlling consumerism, we have lost much of the freedom <...> People prefer believing what they are told, following the crowd <...> celebrities, no matter how shallow or artificial they are, carries the not so subtle message that shallow and artificial are not only okay, but goals for us to strive for*". – Благодаря влиянию контролирующего разум потребительства, мы потеряли свободу. Люди предпочитают верить в то, что им говорят. Образ знаменитостей, какими бы поверхностными и искусственными они ни были, несет идею о том, что поверхностность и искусственность не просто подходят, но являются нашей целью); *cynicism* (цинизм) ("*Cynicism teaches that there is no good or bad. There is only win or lose in the competition for power. It tells us that our highest aspirations are selfish to the core*" – Цинизм учит нас тому, что не добра и зла, а есть выигрыш или проигрыш в борьбе за власть.); *immorality* (распушенность) ("*... the immorality creeps in, producing selfishness that endangers us all for the sake of temporary comfort or convenience*". – Безнравственность закрадывается, порождая эгоизм, которому мы все подчиняемся ради временного комфорта и удобства) [Chivalry-Now: www]. В современной англоязычной культуре происходит, однако, некое противостояние процессам утраты моральных ценностей. Мы не можем не радоваться попыткам ряда общественных организаций возродить ценностные ориентиры. Создаются различные движения, клубы, кружки, в которые вовлекаются молодежь, дети. Например, в Техасе, г. Сан-Маркос проводился проект среди пятиклассников под названием "*First Knight/Early Act*" (Первый рыцарь / Ранние шаги). Целью этого проекта являлось использовать образы и историю рыцарства, чтобы дать детям проникнуться этическими понятиями и привить пятиклассникам понимание *чести*. В рамках этой про-

граммы дети получают ежедневные домашние задания, по практике рыцарских идеалов [Chivalry Today: www].

Заинтересованные и делающие попытки восстановления утраченных ценностей люди создают рыцарские общества, занимаются просветительской работой, выступая с лекциями, создавая форумы, приглашая активно участвовать в жизни рыцарских клубов, пересматривая рыцарские ценности сегодня. Одна из статей интернет-сайта международного рыцарского общества *“The International fellowship of Chivalry-Now”* посвящена рассмотрению роли современного рыцаря с этическим взглядами на жизнь в современном обществе: *“To follow the Code of Chivalry is often a hindrance when one is called to compromise one’s high morals and ethical standards; it is like going into battle with one hand tied behind your back. “When you’re in fierce, spirited competition, a sense of honor becomes a very palpable hindrance — a small, fragile roadblock placed in front of a very short and easy path to success” [The role of the knight in modern society: www].* Автор данной статьи говорит о том, что нелегко следовать рыцарскому кодексу чести, когда надо уметь поступаться своими принципами и жертвовать личными интересами; зов чести может оказаться большим препятствием на коротком и легком пути к успеху. Таким образом, автор считает, что *честь* необходимо воспитывать в себе усилием воли несмотря на все соблазны обойти ее и достичь чего-то более легким способом.

Автор также верит в существование современных рыцарей в сверкающих доспехах, которых можно встретить и среди врачей, и официантов, и социальных работников, и пилотов воздушных войск. Современные рыцари «сверкают своими доспехами» в переносном смысле, следуя высоким моральным принципам, соблюдая закон, выполняя свои обязательства»). Автор не рисует рыцаря без страха и упрека, а ведет речь о рыцарственной личности со всеми ее недостатками, но стремящейся к достижению нравственного идеала, к самовоспитанию, к моральному росту, к поиску: *“The virtues of knighthood such as honesty, perseverance and fairness can sometimes be vital to an arduous situation. <...> A man whose greatest reward is knowing that he helped someone without*

that person necessarily even being aware of it” [Ibid.] (Рыцарские добродетели, такие как честность, упорство и справедливость, могут оказаться крайне необходимы в тяжелых ситуациях. Лучшей наградой для человека – знать, что он помог кому-то, причем тот человек не обязательно осведомлен об этом).

В статьях данного сайта звучит призыв к современным людям безотносительно их национальности, вероисповедания, политических взглядов и других убеждений, возрождать ценности рыцарской культуры, вспоминать о существовании таких ценностных понятий как *честь* и связанные с ней *справедливость, порядочность, мужество* и др.

Конечная цель кодекса чести в любом контексте – напомнить нам о том, что мы всегда должны придерживаться высшего образца, чем обычное следование закону. Это как раз и определяет понятие чести.

Существующие попытки возрождать рыцарские ценностные ориентиры, согласие наших респондентов с тем, что рыцарственные мужчины и люди чести нужны современному обществу (94 из 100), признание *чести* как высокого морального идеала современными носителями языка, однако, не останавливает тенденцию к обесцениванию высоких моральных принципов.

Динамика ценностных характеристик концепта «честь» заключается:

1) в экспорте концепта честь из чисто военного дискурса в другие дискурсы, 2) в размывании гендерной отнесенности концепта «честь», 3) в широком использовании этикетной функции концепта «честь» (*It's an honour for me*), 4) в реализации концепта «честь» на коллективном, национальном уровне, 5) в смещении ценностных ориентиров в современном англоязычном обществе, 6) в низкой мотивации реализации концепта «честь» в современной англоязычной культуре.

2.3. Концептуализация веры в рыцарском кодексе поведения

В данном параграфе мы рассмотрим место концепта «вера» в рыцарском кодексе поведения и способы реализации этого концепта, а именно, его ценностной составляющей в жизни средневекового рыцаря и в современном сознании носителей языка. Церковь имела большое влияние на сознание лю-

дей всех слоев общества, в том числе и на рыцарское сословие, поэтому роль христианства и религиозных догматов в рыцарской картине мира нельзя отрицать.

2.3.1. Моделирование концепта «вера» в рыцарской картине мира

«Рыцарские ритуалы чести также помогали установить связь рыцарства с религией <...> Великие и малые христианские церкви играют роль истинных памятников рыцарства, где хранятся все знаки отличия павших героев, их гербы и различные свидетельства их земной славы. Там в камне и стекле, в мемориальных досках с изображением гербов, рыцари дают свой последний урок: человек, рожденный для святой профессии воина, может спасти свою душу, с честью и до конца исполнив свой профессиональный долг. И действительно, это его долг не только перед предками и потомками, но и перед Господом, так что рыцарю следует стремиться поступать всегда именно так» [Кин, 2000, с. 318–319].

Обряд посвящения в рыцари проходил в своем классическом, не спонтанном варианте в лоне церкви с множеством ритуализированных действий, по строгому сценарию. Приобщение к рыцарству частично напоминает приобщение к церкви Христовой, т.е. таинство крещения. По сценарию «кандидат» должен очиститься душой и телом накануне своего посвящения, а ночь провести в молитве, находясь в храме. Как и при крещении, при посвящении в рыцари кандидату назначается один или несколько восприемников, так называемых свидетелей, берущих на себя определенную долю ответственности в совершающемся «таинстве».

Вальтер Скотт в своем очерке о рыцарстве подробно описывает все действие посвящения в рыцари. Он пишет о предполагающейся тесной связи и сотрудничестве рыцаря с церковью, начиная с самого посвящения в рыцари: *“The oath of Chivalry bound the knight to defend the rights of the holy church, and to respect religious persons and institutions, and to obey the precepts of the gospel. Nay, more, so intimate was the union betwixt chivalry and religion esteemed to*

be, that the several gradations of the former were seriously considered as parallel to those of the church, and the knight was supposed to resemble the bishop in rank, duties, and privileges, while the squire and and page corresponded to the priest and deacon” [Scott, 1834, p. 13-14]. (Рыцарская клятва обязывала рыцаря защищать права святой церкви, уважать священство и церковь христову, а также слушать проповеди и следовать всем религиозным убеждениям. Нельзя недооценить тесный союз рыцарства и церкви: внутренняя организация рыцарства и церкви рассматривалась в параллели, так, предполагалось, что рангу рыцаря соответствовал сан епископа, оруженосец и паж сравнивались со священником и диаконом. – Перевод наш – Е.Г.).

Концепт «вера» отражается в активном движении крестоносцев – в Крестовых походах в Святую Землю с целью освобождения Гроба Господня от иноверцев. Следует отметить, что церковь была очень заинтересована в своем влиянии и контроле над рыцарским сословием и разрабатывала целую доктрину о прощении и отпущении грехов всем участникам крестовых походов. «Церковные обряды, вроде освящения боевых знамен и мечей, а также культ святых воителей помогли напомнить рыцарям через символику ритуала, что, будучи христианами, они должны воспринимать призыв к участию в крестовых походах как призыв защищать христианскую веру» [Кин, 2000, с. 94]. Невозможно также упустить из виду духовно-рыцарские ордена тамплиеров, госпитальеров, тевтонцев - которые создавались в контексте крестовых походов и которые, в результате, стали «правой рукой» воинствующей церкви. «Организация таких орденов, что было отражено в их уставах, представляла собой настоящий сплав церковных (в противоположность от просто христианских) и военных идеалов» [Там же. С. 92]. Рыцарям таких орденов предписывалось вести образ жизни, подобный монашескому, поэтому члены духовно-рыцарских орденов резко противопоставлялись светскому рыцарству с его придворным этикетом, куртуазной игрой, турнирной культурой.

Однако, основными значениями концепта «вера», начиная с XIII в. по данным этимологического словаря являются *уверенность, доверие*. Mid-13с.,

“duty of fulfilling one’s trust”, from Old French *feid, fot* “faith, belief, trust, confidence, pledge”, from Latin *fides* “trust, faith, confidence, reliance, credence, belief”, from root of *fidere* “to trust”, from PIE root *bheidh* (source also of Greek *pis-tis*). [OEtD: www].

«Указанный индоевропейский корень [bheidh] дал в латинском и греческом языках наиболее адекватные термины для понятия *веры*..., а в готском языке породил два глагола *beidan* (*ждать, надеяться*) и *baidjan* (*принуждать*). Второй глагол – каузатив к первому, т.е. означает – делать так, чтобы наступило первое действие <...> Но каким образом *принуждение* может стать источником *надежды*? Отвечая на этот вопрос, Бенвенист показывает, что истинные и исконные отношения этих двух глаголов несколько иные, чем то, что засвидетельствовано в исторических текстах. И они те же самые, что в греческих глаголах *reitho* (*πεῖθω*) «*привожу кого-л. в состояние повиновения, внушаю доверие к себе*» и *reithomai* (*πεῖθωμαι*) «*испытываю доверие и повинуюсь*». Таким образом, «внушение доверия» есть причина (каузация) действия «доверяться» и возникающего из него состояние «доверия», «ожидания исполнения обещанного», «надежды»» [Степанов, 1997, с. 266].

Связь *веры* (*faith*) с *доверием* (*trust*), отражается в значениях современных словарей – как правило, первым значением понятия *веры* в словарях выступает лексема *trust, belief: have faith in* (иметь веру в); *destroy/restore sb’s faith in* (разрушать веру в); *lose faith in* (терять веру в); *an act of faith something you do that shows you trust someone completely* (какое-либо действие, которое показывает чье-либо доверие [LDCE, 1995]; 1) confidence or trust in a person or thing (уверенность или доверие), 2) belief that is not based on proof (ничем не обоснованная вера): *He had faith that the hypothesis would be substantiated by fact* (Он верил в то, что гипотеза подтвердится фактами); 4) belief in anything, as a code of ethics, standards of merit, etc. (вера в этические нормы, стандарты и т.д.): *to be of the same faith with someone concerning honesty* (придерживаться одних убеждений по поводу честности); the obligation of loyalty or fidelity to a person, promise, engagement, etc. (обязательство в сохра-

нении верности человеку, своему слову, предприятию и т.д.): *Failure to appear would be breaking faith.* (Отказ появиться будет означать неверность); the observance of this obligation; fidelity to one's promise, oath, allegiance, etc. (соблюдение обязательства в сохранении верность и т.д.): *He was the only one who proved his faith during our recent troubles.* (Он был единственным, кто доказал свою верность нам в наших последних неприятностях) [CED, www].

Религиозное значение лексема *faith* приобретает лишь в XIV в. (Theological sense is from late 14 c.; religions called *faiths* since 1300) [OEtD: www]. В современных толковых словарях это значение дается на второй или третьей позиции: belief and trust in God (вера в Бога); one of the main religions in the world (одна из основных религий мира) [LDCE, 1995; OED, www]; belief in God or in the doctrines or teachings of religion (вера в Бога, доктрины, учение церкви): *the firm faith of the Pilgrims* (крепкая паломническая вера) [CED, www].

Опираясь на лексикографические источники, а также работы ученых, занимающихся исследованием концептов «faith», «belief» [Лаврентьева, 2006; Янова, 2006; Кашкарев, 2012], религиозного дискурса [Карасик, 1999; Бобырева, 2007], религиозности как феномена Средневековья [Барабанов, 2005] мы можем сказать, что концепт «faith» реализуется как в религиозной, так и в социально-политической сфере, обладает достаточно высокой «номинативной плотностью» (*faithful, faithfully, faithfulness, faithless, faithlessly, faithlessness*) [Балашова, 2010] и выражается в разнообразных значениях (*trust, belief, faithfulness, loyalty, fidelity*), что дает нам возможность в рамках рассмотрения концепта *faith* (вера) анализировать реализацию понятия *faithfulness* (*loyalty*) в текстах художественной литературы. В рамках рыцарского кодекса поведения под понятием *faithfulness* понимается верность сеньору, даме, данному слову, доверие и вера в добро.

Тема *веры* красной нитью проходит через литературное наследие средневекового и пост-средневекового периодов. Средневековье породило целый цикл романов о короле Артуре, в которых представлена сюжетная линия по-

иска Святого Грааля (в зависимости от легенд, это, или новозаветная чаша Тайной Вечери, или некий рог изобилия из кельтских мифов и даже священный камень) и которые пропитаны религиозным духом и рыцарским благочестием. «Романы о Граале предлагают самые поразительные примеры теснейшего переплетения двух тем, свойственных всей рыцарской литературе – воинственности и благочестия...» [Кин, 2000, с. 110]. Например, роман «Сказание о Граале, или Персеваль», объединил историю простеца Персеваля с мистическими мотивами христианских апокрифов. Персеваль (Персиваль), в кельтской мифологии рыцарь короля Артура, один из многих, отправившихся на поиски Грааля. Персеваль удостоивается такой божьей милости – увидеть святой Грааль, но всего лишь на миг. Для служения Граалю Персеваль должен пройти через многие испытания, которые представляют собой его духовный поиск. Существует несколько обработок этого романа. В нашей работе мы пользуемся версией немецкого романиста В. фон Эшенбаха, который переложил куртуазный роман К. де Труа, сохранив суть духовных исканий главного героя. Через весь роман проходит мотив духовного поиска, духовной борьбы, борьбы с самим собой, прозрения и выхода к истине: *«Бог?! Бог?! Но что такое - Бог? <...> / Не наши ль судьбы так плачевны / Чтоб мы не поняли того / Сколь бесполезна власть его / Сколь слаб и немощен всевышний! <...> / Служить ему? Нет! Труд излишний! <...> / На помощь бога не зови / Взывай к спасительной Любви...»* [В.фон Эшенбах, Парцифаль, с. 426].

Рыцарь, которого воспитывали в христианской вере (*«С тех пор молитвы христиан / И христианские обряды / Герой усвоил навсегда...»*) [Там же. С. 343]), в какой-то момент усомнился, ощутил себя брошенным и разуверился в силе божьей. Он стал следовать зову одной лишь любви, но со временем герой осознает всю ценность *веры*, возвращается к Богу, тем самым показывая, что настоящий рыцарский поиск – это не только странствия и приключения, но еще и духовный путь, путь *веры*: *«К нему вернулось благочестие / Он весь раскаяньем охвачен / Одной лишь мыслью озадачен: / Хочет*

так на свете жить, / Чтоб милость господню заслужить <...> / О горе! Как я был неправ, / Веру в бога потеряв! / Меня догадка осенила: / Бог есть Любовь. Любовь есть Сила...» [Там же. С. 463].

Конечная цель рыцарского пути, пропагандируемая в этом романе, таким образом, состоит в том, чтобы найти свое предназначение, защищая веру Христову, отстаивая христианскую веру. Духовный путь здесь выражен в поиске святого Грааля (в данном случае, это священный камень), мотив которого проходит через весь роман: *«Светлейших радостей исток, / Он же и корень, он и росток, / Райский дар, преизбыток земного блаженства, / Воплощенье совершенства, / Возделеннейший камень Грааль <...> Да. Силой обладал чудесной / Святой Грааль... Лишь чистый, честный, / Кто сердцем кроток и беззлобен, / Граалем обладать способен» [Там же. С. 374–375].* Только тот, кто обладает христианскими добродетелями, которые пересекаются с рыцарскими ценностями (*чистый, честный, кроткий, беззлобный*), достоин видеть и, тем более, обладать Граалем.

В романе неследование предписаниям христианской вере и нарушение запретов получает отрицательную оценку: *«Как?! Обвенчаться с некрещеной?! / Ужель застлал вам очи мрак? / Ужель вы, христианский витязь, / От скверны не освободитесь, / Вступивши в христианский брак? / Спасайтесь от господня гнева, / Пока не пробил страшный час!» [Там же. С. 301].* Нарушением христианской нормы является вступление в брак с некрещеной. Отрицательная оценка выражается в употреблении следующих лексем: *мрак, скверна, господень гнев, страшный час.*

С другой стороны, для неверных есть путь спасения, состоящий в том, чтобы креститься в веру христианскую: *«Ах, будь с тобой одной мы веры, / Не совершил бы я побег / И вместе были б мы навек. / Но та, что правит За-заманкой, / Увы, не стала христианкой, / И я с тобою расстанюсь / И богу за тебя молюсь... / И знай: меня ты вновь обнимешь, / Когда мою ты веру примешь!» [Там же. С. 285].*

Тема движения крестоносцев и духовных орденов активно затрагивается в романах о Граале. У К. де Труа прямо говорится, что роман создан для того, чтобы «благодаря его описаниям и истинным свидетельствам стало известно, как рыцари и прочие достойные мужи желали страдать и претерпевать всяческие тяготы и невзгоды, дабы возвеличить законы веры Христовой» [Цит. по: Кин, 2000, с. 110]. В романе о Парцифале (версия В. фон Эшенбаха) звучит поддержка существовавших уже тогда духовных орденов (в частности, тамплиеров, которые охраняют замок Грааля), задача которых состояла в активной, даже агрессивной пропаганде христианской веры и в защите святынь: *«Едва лишь примет он крещение, / Произойдет с ним превращение, / Грааль откроется пред ним, / Как он открылся остальным / Храмовникам христоролюбивым!»* [В.фон Эшенбах, *Парцифаль*, с. 574].

Духовные ордена, участие в крестовых походах получают высокую оценку в рамках христианской веры. Таким образом, *faith* (*вера*) провозглашается в данном романе как одна из высших ценностей средневековья вообще и рыцарского мира в частности. Понятие *веры* связано с религиозностью, духовным поиском, верой в Бога, неверием, иноверием, поскольку сама эпоха обязывает жить по религиозным канонам.

Рыцарская *верность* как одно из значений концепта «вера» представляет собой неотъемлемую характеристику рыцарского служения. Например, в романе о Парцифале (Персевале) *верность* выражается в:

- 1) служении Граалю (*«Вернейшее место в господнем раю / Тому, кто жизнь отдаст свою / Но верность Граалю сберечь старается!»* [В.фон Эшенбах, *Парцифаль*, с. 471]. *«Вовек живет в его крови / Верность Граалю и Любви...»* [Там же. С. 556]),
- 2) служении богу (*«Бог – это Верность... Посему / Будь верен Богу своему»* [Там же. С. 467]),
- 3) служении своей даме сердца (*«Кто любит? Тот, кто верен!»* [Там же. С. 492]),

4) служении своему слову, обетам («Я дал всевышнему обет / Наш гордый род в бою прославить / И принужден тебя оставить» [Там же. С. 267]),

4) служении принципам («Я научился у нее / Быть верным рыцарским законам / Пускай мне боль терзает душу / Законов чести не нарушу» [Там же. С. 304]),

5) служении своим друзьям («К нему вернулось дыханье, / А вскоре вернулась и сила... / Так Верность его воскресила!» [Там же. С. 538-539]).

Не менее иллюстративна в плане реализации концепта «вера» «Песнь о Роланде» («The Song of Roland»). В этом героическом эпосе каролингского периода повествуется о противостоянии христианского и языческого миров, при этом христианская вера оказывает сильное влияние на рыцарство. Сам легендарный архиепископ Турпен участвует в ожесточенном сражении под предводительством Роланда и транслирует Божью волю в борьбе с язычниками, зажигая в рыцарях религиозный пыл, обещая им отпущение грехов и призывая их сохранять *верность* богу, королю и своему отечеству: “*My lords barons, Charles left us here for this; / He is our King, well may we die for him: / To Christendom good service offering. / Battle you’ll have, you all are bound to it, / For with your eyes you see the Sarrazins. / Pray for God’s grace, confessing Him your sins! / For your souls’ health, I’ll absolution give / So, though you die, blest martyrs shall you live, / Thrones you shall win in the great Paradise’. / The Franks dismount, upon the ground are lit. / That Archbishop God’s Benediction gives, / For their penance, good blows to strike he bids*” [«The Song of Roland», p. 62]. «“Бароны, здесь оставил нас король. / Умрем за государя своего, / Живот положим за Христов закон. / Сомненья нет, нас ожидает бой: / Вот сарацины – полон ими дол. / Покайтесь, чтобы вас простил господь; / Я ж дам вам отпущение грехов. / Вас в вышний рай по смерти примет бог, / Коль в муках вы умрете за него” / Вот на колени пали все кругом / Турпен крестом благословил бойцов, / Эпитимью назначил – бить врагов» [«Песнь о Роланде», с. 507]. Данный текст является иллюстрацией сочетания религиозности и воинственности, характерной для рыцарского периода и для

жанра героического эпоса. Воинственность и злость к врагу стоят на службе у верности своему сеньору, королю. Таким образом, в данном контексте необыкновенно глубоко переплетаются ценности *веры, верности, чести*.

В приведенном выше тексте, как и во многих других текстах анализируемого эпоса, заложены нормы поведения, связанные с рыцарским служением Богу:

- 1) необходимо чтить Закон Божий;
- 2) каждый христианин должен каяться в своих грехах;
- 3) верующий в Бога всей душой стремиться получить отпущение грехов, а по смерти попасть в рай;
- 4) настоящий рыцарь-христианин должен сохранять верность своему королю;
- 5) рыцарь-христианин никогда не предаст свое отечество.

Заслуживает внимания и факт «общения» рыцарей со своим боевым оружием, с мечом. У рыцарей существовала традиция давать мечам имена и обращаться к ним, как к одушевленным существам, разговаривать с ними. Как отмечает, А. А. Бурыкин, анализируя эпическое произведение «Слово о полку Игореве» «для богатырского эпоса, и для литературного жанра воинской повести одинаково характерно внимание ко всему, что связано с оружием» [Бурыкин, 2012, с. 168]. Рыцарское внимание к своему оружию выражается еще и в том, что в рукоять меча заключаются святые реликвии, как например в мече Роланда *Дюрандале*, с которым рыцарь прощается перед своей смертью, как с лучшим другом: *“Ah! Durendal, most holy, fair indeed! / Relics enough thy golden hilt conceals: / Saint Peter's Tooth, the Blood of Saint Basile, / Some of the Hairs of my Lord, Saint Denise, / Some of the Robe, was worn by Saint Mary. / It is not right that pagans should thee seize, / For Christian men your use shall ever be. / Nor any man's that worketh cowardice! / Many broad lands with you have I retrieved ...”* [«The Song of Roland», p.123]. «О Дюрандаль булатный, меч мой светлый, / В чью рукоять святыни встарь я вделал: / В ней кровь Василья, зуб Петра нетленный, / Власы Дениса, божья человека, /

Обрывок риз Марии-приснодевы. / Да не послужит сталь твоя неверным. / Пусть лишь христианин тобой владеет / Пусть трус тебя вовеки не наде-нет! / С тобой я покорил большие земли» [«Песнь о Роланде», с. 540].

Частицы нетленных мощей святых угодников Божьих и Девы Марии вызывают сильные эмоции у христиан и получают высокую оценку среди верующих. В связи с положительной оценкой, которую, получают предметы поклонения, христианскому рыцарю предписывается чтить и защищать христианские святыни. В приведенном примере меч, сам по себе напоминающий форму креста, выступает орудием. Прощаясь со своим мечом, Роланд пытается уничтожить своего верного боевого товарища, чтобы тот не достался неверным, которые, осквернят его, взяв его в руки, но, меч настолько прочен, что сталь только звонко звенит, ударяясь о камень. Глубокое презрение и осуждение получают враги за свое иноверие, что лексически выражено следующим образом: *pagans – неверные, cowardice – трус*.

Вера и верность Богу выражаются и в молитве, форме общения с Богом. Христианские воины в своих молитвах взывают к Богу и к воинству небесному о помощи и покровительстве в сражениях против неверных. Молитва как форма общения с Богом получает высокую оценку: *“That Emperour does with the morning rise; / Matins and Mass are said then in his sight”* [«The Song of Roland», p. 11]. *«Встал Карл с рассветом, в церковь поспешил, / Все утро у святой обедни был...»* [«Песнь о Роланде», с. 479]. В данном тексте наблюдается религиозное влияние на распорядок жизни христианина, будь он обычный рыцарь или сам король.

“Dismounting then, he kneels upon the ground, / Proclaims his sins both firmly and aloud, / Clasps his two hands, heavenwards holds them out, Prays God himself in Paradise to allow; / Blessings on Charles, and on Douce France he vows, / And his comrade, Rollanz, to whom he's bound” [«The Song of Roland», p.107]. *«Сошел со скакуна и наземь лег он, / В грехах, свершенных им, признался богу. / Вот руки он сложил и к небу поднял, / Впустить его в ворота рая просит, / За милый край родной, за Карла молит / И за Роланда, друга*

дорогого...» [«Песнь о Роланде», с. 531]. Показательно, что *верный* вассал на пороге смерти взывает к Богу не только о прощении своих грехов, но и о своих товарищах, о короле, и о своей стране, что в очередной раз иллюстрирует важность понятия *верности* в рыцарской картине мира.

В «Песни о Роланде» божественный план выражается в незримом присутствии Господа, направляющего Роланда и короля Карла, и в постоянном покровительстве архангелов Гавриила и Михаила, небесных Христовых воинов: “*Nor can he help but weep and sigh at this. / But his own self, he's not forgotten him, / He owns his faults, and God's forgiveness bids <...> / His right-hand glove, to God he offers it / Saint Gabriel from's hand hath taken it. / Over his arm his head bows down and slips, / He joins his hands: and so is life finish'd. / God sent him down His angel cherubin, / And Saint Michael, we worship in peril; / And by their side Saint Gabriel alit; / So the count's soul they bare to Paradis*” [«The Song of Roland», p.107]. «Он плачет – слезы удержать нет сил, / Но помнит о спасении души, / Вновь просит отпустить ему грехи <...> / Он правую перчатку поднял ввысь. / Приял ее архангел Гавриил. / Граф головою на плечо поник / И, руки на груди сложив, почил. / К нему слетели с неба херувим, / И на водах спаситель Михаил, / И Гавриил-архангел в помощь им, / В рай душу графа понесли они» [«Песнь о Роланде», с. 541].

“*For Charlemagne a great marvel God planned: / Making the sun still in his course to stand*” [Ibid. P. 128–12]. «Бог ради Карла чудо совершил / И солнце в небесах остановил» [Там же. С. 543].

Наивысшей целью рыцаря-христианина является получить отпущение грехов, спастись и попасть в царствие божье, причем мученическая смерть получает высокую оценку. Соответствующие нормы поведения предписывают:

- 1) «живот положим за Христов закон»;
- 2) «покайтесь, чтобы вас простил господь»;
- 3) «вас в вышний рай по смерти примет бог, коль в муках вы умрете за него» [Там же. С. 507].

Итак, в героическом эпосе отражены 1) принципы *верности* в контексте сеньориально-вассальных отношений (рыцари свято верят в прочность и надежность отношений со своим сеньором: это *вера* в мужскую взаимопомощь, полное и обоюдное доверие внутри рыцарских отношений), 2) принципы *веры* в религиозном контексте (*вера* в Господа перекликается с понятием *верного* служения, сохранения *верности* православной вере: подвигами рыцарей двигала их непоколебимая *вера* во Христа и *верность* всем своим принципам, обещаниям, своему слову, а в предписаниях рыцарям звучал мотив призыва к участию в крестовых походах против неверных).

В рыцарском романе В. Скотта «Айвенго» концепт «вера» реализуется в определенных типовых ситуациях (рыцарская *вера* часто проявляется в них бессознательно): 1) в поручке: «*“This reliquary,” said the Palmer, taking a small ivory box from his bosom, and crossing himself, “containing a portion of the true cross, brought from the Monastery of Mount Carmel”*» [W. Scott, «Ivanhoe», p. 37]. «‘Этот ковчег’, - сказал пилигрим, вынув из-под плаща маленький ящик из слоновой кости и творя крестное знамение. ‘В нем хранится частица настоящего креста Господня, привезенная из Монт-Кармельского монастыря’» [В. Скотт, «Айвенго», с. 64-65]. В качестве залога рыцарь-пилигрим выставляет святыню, самое ценное, что у него есть;

2) в обетах: *“Saints of Paradise!” said de Bracy; ‘what is to be done? I vow to Saint Nicholas of Limoge a candlestick of pure gold. – Spare thy vow...”* [W. Scott, «Ivanhoe», p. 251]. «-Святые угодники! – сказал де Браси. – Что делать? Обещаю поставить святому Николаю в Лиможе подсвечник из чистого золота. – Не торопись ты со своими обетами...» [В. Скотт, «Айвенго», с. 304]. У верующих принято просить божьей помощи, давая Богу при этом какой-либо обет или обещание.

2) в клятвах: *I will prove in this field with my body against his, by the aid of God, of our Lady, and the Monseigneur St George, the good knight*” [W. Scott, «Ivanhoe», p. 378]. «... в подтверждении чего готов сразиться с ним на сем ристалище и победить с помощью божьей, заступничеством богоматери и святого Георгия» [В. Скотт, «Айвенго», с. 453]. Рыцарь как искренний христианин убежден в том, что

будет сражаться под божественным покровительством и победит с божьей помощью.

3) перед сражением: *“Have you confessed yourself, brother,” said the Templar ‘and have you heard mass this morning, that you peril your life so frankly?”* [W. Scott, «Ivanhoe», p. 68]. «- Были ли вы сегодня у исповеди, братец? – сказал храмовник. – Сходили ли к обедне, раз так отважно рискуете своей жизнью?» [В. Скотт, «Айвенго», с. 99]. Рыцарь осознает, что каждое сражение, будь то на войне или на турнире, может оказаться для него последним, поэтому ему необходимо как доброму христианину подготовиться к возможной смерти, поисповедавшись и причастившись.

4) в болезни: *“A Christian priest!” said the knight joyfully; ‘fetch him hither, Rebecca, if thou canst – say a sick man desires his ghostly counsel – say what you wilt, but bring him...”* [Scott, «Ivanhoe», p. 231]. «-Священник! – радостно воскликнул Айвенго. – Позови его сюда, Ревекка, если можно! Скажи, что больной просит его духовного утешения. Скажи ему, что хочешь, только приведи его сюда» [Скотт, «Айвенго», с. 280–281]. Как и в предыдущем примере, рыцарь готовится к возможной смерти и жаждет встретиться со священником.

5) в смерти: *“Heaven, my Liege,” answered Ivanhoe, ‘hath taken this proud man for its victim. He was not to be honoured in dying as your will had designed”* [Scott, «Ivanhoe», p. 381]. («Сам Бог наказал этого надменного человека, - отвечал Айвенго. – Ему не суждена была честь умереть той смертью, которую вы предназначили ему [Скотт, «Айвенго», с. 456]. Рыцарь убежден, что все, в том числе и смерть, происходит по воле божьей.

6) в сверхъестественной ситуации: *“Ivanhoe crossed himself, repeating prayers in Saxon, Latin, or Norman-French, as they occurred to his memory; while Richard alternatively said, ‘Benedicte’ and swore ‘Mort de ma vie!”* [Scott, «Ivanhoe», p. 365]. («Айвенго крестился, произнося молитвы по-саксонски, по-латыни и на нормано-французском наречии. А Ричард попеременно то читал молитву 'Benedicte', то ругался по-французски 'Mort de ma vie'») [Скотт, «Айвенго», с. 437]. Когда верую-

щий не может дать логическое объяснение происходящему, он обращается к молитве и крестному знамени, призывая божью помощь.

7) в любовных отношениях: *“But Ivanhoe was too good a Catholic to retain the same class of feelings towards a Jewess”* [Scott, *«Ivanhoe»*, p. 224]. (*«Но Айвенго был слишком искренним католиком, чтобы сохранить те же чувства к еврейке»*) [Скотт, *«Айвенго»*, с. 273]. Рыцарь-христианин не имеет права нарушить свои религиозные принципы и убеждения, связывая себя отношениями с иноверкой.

В перечисленных ситуациях отражены нормы христианского поведения в контексте рыцарской картины мира. Во всех ситуациях обращение к высшим силам, ожидание божьей помощи, осознание себя членом церкви Христовой является ценностью для рыцаря.

В. Скотт считает, что рыцарская религиозная атрибутика в виде изображения ликов святых на своих боевых знаменах, представляет собой пример суеверия, которое понижало ценность их веры (*“The religion of the knights, like that of the times, was debased by superstition”*). Обосновывая свое заявление, В. Скотт приводит рассказ Фруассара: *“During an expedition of the Christians to the coast of Africa, Froissart informs us that a large black dog was frequently seen in their camp, which barked furiously whenever the infidels approached it by night, and rendered such service to the Christian adventurers by its vigilance, that with one consent they named it “The Dog of Our Lady.”*” [Scott, 1834, p. 19-20]. (Фруассар рассказывает, как во время одной экспедиции к побережью Африки в лагере часто видели большую черную собаку, которая яростно лаяла каждый раз при приближении неверных. За свою «христианскую» службу собаку единогласно окрестили «собакой Богородицы»).

Однако, на наш взгляд использование религиозной атрибутики, а также призывание фигур святых небесных воинов символично и являет собой пример непрекращающейся борьбы со злом, которая на земле должна выражаться в борьбе с язычниками. Язычество противопоставляется *христианской вере* и может рассматриваться как антиценность и, соответственно, получает отрицательную оценку. Например, в «Песни о Роланде» объекты, на которые

направлена отрицательная оценка, номинируются следующими лексемами: *язычники, мавры, арабы, сарацины, басурмане, нехристи, неверные, злодеи, изменники*. По нашим наблюдениям те лексемы, которые вне контекста носят нейтральную оценку (мавр, араб, сарацин) оцениваются отрицательно в контексте христианской веры и ревностного отношения к ней рыцарей. Приведем примеры: *“That is a tribe, do not the Lord God serve, / Of such felons you never else have heard; / Hard is their hide, as though it iron were, / Wherefore of helm or hauberk they've no care; / In the battle they're felon murderers”* [«*The Song of Roland*», p. 168]. «Проклятый род, что в господа не верит. / Не видел мир отъявленной злодеев / Их кожа, как железо, отвердела. / Им не нужны ни панцири, ни шлемы. / Жестоки и хитры они в сраженье» [«*Песнь о Роланде*, с. 564].

“See the pagans; they're felons and cowards, / No pennyworth is there in all their laws. ” [«*The Song of Roland*», p. 172]. «Пред вами – враг, чей нрав труслив и подл, / В чьей вере правды нету ни на грош» [«*Песнь о Роланде*, с. 565–566].

Язычники – по определению являются врагами христианской веры; мавры получают эмоционально насыщенные отрицательные характеристики, выражающиеся в следующих лексемах: *felons, hard as iron, murderers, cowards; отъявленные злодеи, жестоки, хитры, трусливы, подлы*. Итак, отрицательная оценка складывается из следующих компонентов:

- 1) язычники являются врагами христианской веры;
- 2) язычники представляют собой опасность для христианского мира;
- 3) если язычники не хотят принять христианство, то с ними следует бороться и истреблять их.

Анализ текстов показал, что художественная литература достаточно глубоко и отражает место концепта «вера» в рыцарской ценностной системе; тот факт, что средневековый рыцарь, находясь под влиянием христианской церкви, воспринимал всю свою жизнь и все происходящее с ним как промысел божий, полностью подтверждается в литературном наследии. Нормы поведения, вытекающие из положи-

тельной оценки данного концепта, нацеливают рыцаря на соблюдение всех заповедей христовых, на следование таинствам, выполнение своего долга перед церковью до самой смерти. В ходе анализа художественных текстов мы выделили соответствующую рассматриваемому нами феномену антиценность, *язычество*, которое заслуживает крайней отрицательной оценки. *Вера* тесно переплетается с *верностью* в рыцарском сознании, поскольку все христианское служение основано на этой добродетели. Рыцарю следует сохранять *верность* своим религиозным убеждениям, а служение Богу выражается через верное служение своему отечеству, королю и сеньору.

2.3.2. Моделирование концепта «вера» в современном англоязычном мире

Современный человек не смотрит на жизнь через призму *веры*, религиозных догматов и т.д., поскольку сегодня церковь не имеет такого тотального контроля над человеком вообще, и в частности над своей паствой, как это было в эпоху Средневековья. Тем не менее, представляется важным рассмотреть мнение носителей английского языка и лингвокультуры по поводу их восприятия категории *веры* в контексте рыцарственного образа. Респондентам был дан стимул: *“Faith for a person whom you could call a chivalrous person today means...”* (Вера для человека, которого вы могли бы назвать рыцарственной личностью сегодня означает...). Контекстуальный и интерпретативный анализ ответов респондентов показал следующие результаты: 37 респондентов из 100 объяснили свое понимание *веры* через такие понятия, как *доверие, верность, великодушие, человечность, честность, доброта, тактичность, добро* (*trust, fidelity, love and devotion, humanity, honesty, charity, tact*); 30 респондентов связали понимание *веры* с верой в Бога, религией (*“trusting in God”* – верить в Бога; *“...honouring the divinity in thought, words and deeds”* – чтить божественную природу в мыслях, словах, делах); 21 респондент провели ассоциацию *веры* с идеалами, принципами, личными убеждениями (*“the principle of life”* – принцип жизни; *“stand by high values”* – отстаивать высшие ценности); 5 респондентов связали *веру* с верой в себя или в кого-то, например, сына; 6 респондентов совсем не выра-

зили своего понимания *веры*, но признали ее ценность; для 3-х респондентов *вера* имеет большое значение, но эксплицитно это значение выражено в одном слове *much* или *a lot*; 3 респондентов затруднились с ответом, и один из них не смог связать понятие *веры* с пониманием рыцарственной личности (*“Faith is hard definition for myself”*). Для одного респондента *вера* связана с проживанием жизни, не сопротивляясь ее течению (*“the struggle to experience one’s own life as it is, without wanting to change a single thing, even when times are very tough – to treat one’s life as a gift of fate”*). Таким образом, 95 респондентов из 100 дают высокую оценку концепту «вера», что выражается в частом использовании эмоционально окрашенной лексики, например, степеней сравнения прилагательных (*the highest good* (высшее добро), *a higher purpose* (высшая цель), *a better world* (мир, который лучше), *to greater contentment* (к гораздо большему согласию), *something bigger* (что-то большее), *more than oneself* (не только себе одному), *to do their best* (стараться изо всех сил)); эпитетов (*strong belief* (сильная вера), *a deep love* (глубокая любовь), *deeply religious* (глубоко религиозный), *with unremitting fervor* (с неистовством), *by high values* (высокими целями), *sincerely* (искренне), *wholly* (полностью)); оценочных лексем (*deed* (подвиг), *in ideals* (в идеалах), *never* (никогда), *beyond* (за пределами)); оценочных словосочетаний (*regardless of the cost* (чего бы это ни стоило), *by all means* (любыми силами), *even when* (даже когда), *in all of us* (в нас во всех), *at all times* (во все времена)).

Анализ различных текстов Британского Национального Корпуса (БНК) показывает разнообразие контекстов, в которых реализуется концепт «вера». Из 2500 текстов 1176 текстов (47%) имеют религиозный контекст, где представлены жанры религиозного дискурса, например проповедь (*“...we can do nothing without faith. Faith we’re told, is the antiseptic of the soul. Someone without faith has no prospect, no promise of salvation, no hope of life to come. Future is closed”*). (Мы ничего не можем без веры. Вера «дезинфицирует» душу. У человека без веры нет перспектив, нет надежды на спасение. Будущее закрыто). *“Faith, my friends, is the prospect that all our relationships can be transformed, it’s openness towards a movement of grace, a path to discover just how little life is of our own*

making and how much of it comes from a gift which is not our own". (Вера, друзья мои, это возможность изменений в наших взаимоотношениях, это движение по направлению к милости, это тропинка понимания, насколько ничтожна наша роль в управлении нашей жизнью и что эта жизнь дана нам как дар.); в 852 текстах (34%) *vera* выражается в значении *доверия, веры во что-то* (в данных текстах концепт «вера» реализуется в политическом, деловом, юридическом, научном и других дискурсах: "*faith in politicians*" – вера в политиков; "*faith in the French communist party*" – вера во французскую коммунистическую партию; "*faith in the staff*" – доверие своему персоналу; "*faith in business instinct*" – вера в деловой инстинкт; "*faith in the universe*" – вера во вселенную; "*faith in medical solution*" – вера в медицину; "*culinary faith in the sausage*" – кулинарная вера в колбасу). В 220 текстах (8,8%) используется фразеологизм *in good faith* – честным способом, без обмана или *good faith* – искренние намерения ("*It is unlikely that the courts would criticise a practitioner who had acted in good faith and in the interests of his patients*". – Очень мало вероятно, чтобы суды обвиняли врача, действующего по закону и защищающего интересы пациента). В 116 текстах (4,6%) говорится о потере или отсутствии веры в справедливость судей или юристов, в помощь полиции, честность политиков, добро в широком смысле и т.д. ("*bad faith toward the police and Scotland Yard*" – мало веры в полицию и Скотланд Ярд; "*no faith in the sincerity of the declaration...*" – нет веры в искренность декларации...; "*The first-year unit highlights the various responses of authors to such central issues as the loss of faith, and of shared cultural values*". – ... различные реакции авторов на такие важные темы, как потеря веры и общих культурных ценностей). Всего в 28 текстах (1,1%) было обнаружено использование лексемы *vera* в значении *верность* ("*...we need the faith and commitment of the parents*" – нам необходима верность и участие родителей). В остальных текстах *faith* употреблялось как имя собственное, междометие и т.д. Подводя итог обзора текстов БНК, можно сказать, что в этих текстах дается либо понятийное содержание концепта «вера», либо оценочное, когда высказывается отношение к реализации данного концепта в том или ином дискурсе. Показательно, что в 116

текстах дана отрицательная оценка реализации данного концепта, т.е. то, как проявляется *вера* в различных сферах жизни, вызывает неодобрение.

Изучение статей, посвященных рыцарским ценностям в современном мире, размещенных на сайтах, реконструирующих рыцарскую культуру, позволяет говорить о том, что в западной культуре *вера* объективно является одним из высоких ориентиров, которым следует руководствоваться по долгу службы тем, кто призван защищать и спасать своих соотечественников, кто связал себя присягой, клятвой: военные, врачи, спасатели, адвокаты и т.д. На наш взгляд, представители перечисленных профессий, относящиеся к своему делу серьезно, являются в современном мире рыцарственными личностями, воплощающими в себе ценности рыцарского кодекса поведения.

В экономике и бизнесе, например, *доверие* должно выступать залогом успешных и долгосрочных отношений (*“Employees must have faith in their managers and executives. Investors must have faith in the institutions which manage their money. Customers must have faith in the products and services they purchase. In an atmosphere of faithlessness, success and prosperity give way to suspicion and self-preservation”*). – Работники должны доверять менеджерам; инвесторы – учреждениям, в которые они вкладывают деньги; покупатели – продуктам и услугам. В атмосфере недоверия вместо успеха и процветания будут развиваться подозрение и самосохранение).

“Faith, along with all the knightly virtues, must be a welcome partner in any healthy, growing business. And a business led by a knight in shining armor guided by the Code of Chivalry cannot help but succeed”. (Вера, наряду с другими рыцарскими ценностями, должна искренне применяться в любом развивающемся бизнесе. А бизнес, которым управляет «рыцарь в сверкающих доспехах, движимый рыцарским кодексом, не может не преуспеть). Отсутствие веры может привести к серьезным последствиям не только в частном бизнесе, но и в экономике страны: *“The tailspinning economy was a reminder that the knightly virtues play a crucial role in the world of business. Faith — which encompasses integrity, trust, fidelity and honesty — is not an attribute which can be embraced*

selectively” [Chivalry Today: www]. (Экономика в условиях кризиса напоминала о том, что рыцарские ценности должны играть решающую роль в мире бизнеса. Вера, которая предполагает целостность, доверие, верность и честность, это не то качество, к которому можно подходить избирательно).

С. Фэрэл, руководитель и один из организаторов проекта Chivalry Today, дает представление о том, как воспринимается концепт «вера» в контексте *рыцарственности* в современном мире, а именно теми людьми, которые всерьез пытаются реконструировать рыцарскую систему ценностей и адаптировать ее к современному стилю жизни. *Вера* как ценность может быть совсем не связана с религиозным аспектом. “*Anyone can aspire to embody chivalry no matter race, beliefs, age or nobility. The part about faith it does not say that you need to believe in a high power it just says that you should keep your promises no matter how big or small. You can be an atheist you could even be... I don't no, an alien and you could still embody chivalry*”. – Кто угодно может проявлять рыцарственное поведение, в независимости от национальности, религиозных убеждений, возраста или происхождения (статуса). Что касается веры, то совсем не обязательно верить в высшие силы, а нужно сдерживать свои обещания, какие бы они ни были. Можете быть атеистом, можете даже быть инопланетянином, но все же показывать рыцарское поведение. – Перевод наш – Е.Г.). С. Фэрэл выражает мнение о том, где может проявляться *вера*: “*Faith is necessary in every aspect of life — marriage, friendship, career and even personal attitude. A betrayal of faith is an uncomfortable and painful thing to deal with, and restoring faith can take a long time. This is why James Baldwin once observed, ‘The moment we break faith with one another, the sea engulfs us and the light goes out’*”. (Вера важна в любом аспекте жизни – в браке, дружбе, карьере и личном отношении. Предательство может оказаться болезненным опытом, а возрождение доверия может занять много времени. Дж. Болдуин в этой связи однажды сказал: «В тот момент, когда мы теряем друг к другу доверие, между нами образуется пропасть, и мы оказываемся во мраке. – Перевод наш – Е.Г.).

Если в рамках рыцарского кодекса поведения *вера* в религиозном контексте противопоставляется язычеству или иноверию, выступающими как антиценности, то в современной картине мира в контексте моральной ценности *вере* противопоставляется *фальшь* в качестве антиценности: “*Most lies are told out of self-interest, not out of sheer treachery. In order to be faithful, a knight in shining armor must recognize the harm which a broken promise can cause, and must be willing to make difficult personal sacrifices to honor his or her commitments.* (Лгут в большинстве случаев в личных интересах, а не в целях предательства. Для того чтобы сохранять веру, доверие к себе, «рыцарь в сверкающих доспехах» должен осознавать вред, который может принести несдержанное обещание, и он должен охотно приносить в жертву свои личные интересы ради выполнения обещаний, которые он делал. – Перевод наш – Е.Г.). Нам кажется, что эти принципы должны быть ведущими не только в сфере бизнеса. Люди которые по долгу службу обязаны жить по принципам веры и верности – это военные, полиция, пожарники и служба спасения, адвокаты и доктора т.е. те люди, которые призваны защищать и спасать своих соотечественников, которые связаны сегодня определенной присягой, клятвой и т.д. и считают своим долгом выполнять возложенные на них обязанности и внушать *веру* и *доверие* людям.

Итак, интерес к концепту «вера» в современном мире не потерян. В современном мире это понятие представлено достаточно размыто и не имеет таких четких границ, как в Средние века. *Вера* остается общечеловеческой ценностью и как концепт имеет много смыслов и интерпретаций. Для церкви – это некий фундамент, и священство призывает возрождать *веру* в Бога. В бизнесе, политике, юриспруденции – это этическая категория, ценностью, которой пренебрегают в ведении дел, в результате чего возникают конфликты, недоверие, жалобы, подозрения, что значительно затрудняет взаимоотношения партнеров, клиентов и т.д. Как показывает наш материал, несмотря на положительную оценку, которую получает концепт «вера», в современном мире наблюдается тенденция к недоверию во всех сферах жизни (политике,

бизнесе и др.) и к обесцениванию религиозной веры, как еще в первой половине XX века в шутку заметил английский писатель и драматург Б. Шоу (“*We have not lost faith, but we have transferred it from God to the medical profession*” (George Bernard Shaw). – Мы не потеряли веры: вместо веры в Бога мы стали верить в медицину).

2.4. Концептуализация куртуазности в рыцарском кодексе поведения

2.4.1. Моделирование концепта «куртуазность» в рыцарской картине мира

Рыцарское поведение предполагает, ко всем прочим перечисленным качествам, проявление изысканности манер, вежливости и учтивости, что можно объединить одним словом – куртуазность в контексте Средневековья. Рыцарь – воин, но при дворе короля он должен уметь вести себя достойным образом, обладать светскими манерами. Этимологическая справка по лексеме *courtesy* дает нам следующую информацию – early 13 c., *curteisie*, from Old French (Modern French *courtoisie*) from *curteis* “courteous”. A special source of *curteisie* is the source of English *curtsy*. *Curtsy* – 1540s, “expression of respect”, a variant of *courtesy* (q.v.). Specific meaning “a bending the knee and lowering the body as a gesture of respect” is from 1570s. originally not exclusively feminine. *Courteous* – mid-14c., earlier *curteis* (c.1300), from Old French *curteis* (Modern French *courtois*) “having courtly bearing or manners”, from *curt* “court”. Rare before c.1500. in feudal society, also denoting a man of good behaviour and also beauty. Лексема *courtesy* восходит к форме *curtsy* начала XIII века, но до 1500 года употреблялась редко. В 1540 году зарегистрировано значение «*выражение уважения*», а в 1570 году более специфичное значение – «*преклонение колена и поклон в знак уважения*». Изначально этот знак уважительного отношения предназначался не только исключительно женщинам. Прилагательное *courteous* имеет значение «*обладающий придворным поведением или манерами*» от слова двор – *court* [OEtD: www]. Так, понятийный ряд средневекового концепта *courtesy* составляют следующие элементы: *court* (двор),

courtly bearing/manners (придворное поведение/манеры), *respect* (уважительное отношение), *a gesture of respect* (знак уважения), *good behaviour* (хорошее поведение), *beauty* (красота). В энциклопедическом словаре мы встречаем более узкое, частное определение термина *куртуазность* (куртуазия) (англ. *courtly love*; франц. *amour courtois* от *courtois* — учтивый, рыцарский), средневековая концепция любви, согласно которой отношения между влюбленным и его дамой подобны отношениям между вассалом и его господином [БЭКМ, 2012, www].

В своем современном значении *courtesy* определяется в словарях так: (U) polite behaviour that shows respect for other people (politeness) (вежливое поведение, которое демонстрирует уважение к другим людям); (C) a polite thing that you say or do when you meet people in formal situations (акт вежливости, выраженный в словах или действиях при встрече с людьми в официальных ситуациях) [OALD, 2000]; politeness, good manners, or consideration for other people – вежливость, хорошие манеры или внимательное отношение к другим людям); a kindness or favour (доброе дело или услуга) [WDT, www]. По словарным дефинициям можно судить о том, как изменяется значение слова с течением времени. Средневековая куртуазность превращается в современную вежливость. Целая концепция любви, существовавшая в те времена, сводится к моральному качеству. С помощью перевода имени концепта «*courtesy*» на русский язык возможно показать эту трансформацию концепта: в Средние века это *куртуазность* (куртуазия), а в современном мире – это *учтивость, вежливость*.

Дж. Чосер, в своих «*Кентерберийских рассказах*» определяет *куртуазность* как набор манер: “*And Jupiter so wis my soule gie, / To speaken of a servant properly, / With circumstanes alle trewely, / That is to sayn, truth, honour, and knighthede, / Wisdom, humbless, estate, and heigh kinrede, / Freedom, and all that longeth to that art*” [G. Chaucer, «*The Canterbury Tales*» p. 94]. «Юпитер пусть научит, как верней / Мне все поведать о служенье даме / Со всеми надлежащими чертами, / А это – верность, честь и знатность рода, / Сми-

ренье, ум и доблесть и свобода, / И сан, и все, что нужно в ратном поле»
[Дж. Чосер, «Кентерберийские рассказы», с. 63].

Как мы видим, служение даме должно выражаться в целом наборе ценностей: верность, честь, знатность, смирение, ум, доблесть, свобода. Таким образом, понятийное содержание концепта «куртуазность», перекликается с содержанием рыцарского кодекса поведения. Мы опять должны подчеркнуть, насколько взаимосвязаны все исследуемые нами рыцарские ценности. *Куртуазность* предполагает наличие чести и верности; *честь* проверяется *верностью* и умением держать себя. Очень важно для рыцаря доказывать свои добродетели и подтверждать свой титул поступками. *Куртуазность* – это умение и желание проявлять галантность и учтивость. Героиня романа «Айвенго» четко определяет эти границы: “*Courtesy of tongue, ’ said Rowena, ’when it is used to veil churlishness of deed, is but a knight’s girdle around the breast of a base clown. I wonder not that the restraint appears to gall you – more it were for your honour to have retained the dress and language of an outlaw, than to veil the deeds of one under an affection of gentle language and demeanour.*” [W. Scott, «Ivanhoe», p. 177]. «Когда учтивые слова прикрывают грубые поступки, - сказала Ровена, - они похожи на рыцарский пояс на подлом рабе. Я не удивляюсь, что сдержанность так трудна для вас. Вам было бы лучше сохранять одежду и речь разбойника, чем скрывать воровские дела под личиной деликатных манер и любезных фраз» [В. Скотт, «Айвенго», с. 218]. В данном тексте выдвигается важный тезис о том, что *куртуазность* не ограничивается лишь наличием приличествующих при дворе манер, учтивости и галантности. Если все перечисленные качества заменяют честь и достоинство, то обладающий ими остается придворным и не может претендовать на рыцарский титул. Более того, рыцарь, не желающий подтверждать свой титул проявлением чести, заслуживает отрицательной оценки, что выражается в использовании отрицательно маркированной лексики, как показано в этом и других текстах (“*churlishness of deed*” – «грубые поступки»; “*a base clown*” – «на подлом рабе»; “*an outlaw*” – «разбойник», «воровские дела»; “

the insolent familiarity” – «дерзкая фамильярность»; “*the violence of a robber*” – «разбойничье насилие»

“*I know you not , sir, ’ said the lady, drawing herself up with all the pride of offended rank and beauty; ‘I know you not – and the insolent familiarity with which you apply to me the jargon of the troubadour, forms an apology for the violence of a robber*” [W. Scott, «*Ivanhoe*», p. 176]. «Я не знаю вас, сэра, - заявила она, выпрямляясь, с гордым видом оскорбленной знатной красавицы, - я не знаю вас, а дерзкая фамильярность, с которой вы обращаетесь ко мне на жаргоне трубадура, не оправдывает разбойничьего насилия» [В. Скотт, «*Айвенго*», с. 217].

В следующем тексте раскрывается одна из норм рыцарского поведения, выражающаяся в жестком предписании не навязывать своего общества даме: “*I repeat to you, Sir Knight, that I know you not, and that no man wearing chain and spurs ought thus to intrude himself upon the presence of an unprotected lady.*” [W. Scott, «*Ivanhoe*», p. 176]. «Повторяю вам, сэра рыцарь, что я не знаю вас, и напоминаю вам, что ни один мужчина, который носит рыцарскую цепь и шпоры, не должен позволять себе навязывать свое общество беззащитной даме» [В. Скотт, «*Айвенго*», с. 217]. Эмоциональная оценка достигается тем, что данный запрет эксплицируется самой дамой, причем, как подчеркивается, *беззащитной (unprotected)*, а дама взывает рыцаря к его совести (“*no man wearing chain and spurs*” – «ни один мужчина, который носит цепь и шпоры», “*to intrude*” – «навязывать», “*unprotected*” – «беззащитная»). Стиль речи можно охарактеризовать как официально-авторитарный и возвышенный (“*I repeat to you*”, “*no men ought thus to*”; «повторяю вам», «напоминаю вам», «не должен позволять»).

В диалоге леди Ровены с ее похитителем, французским рыцарем де Браси выражаются другие нормы куртуазного поведения, не позволяющие рыцарю использовать в обращении к даме характерные особенности речи трубадуров и бродячих менестрелей (“*the jargon of the troubadour*” – «жаргон трубадура»), поскольку это не прилично и унижает достоинство дамы: “*I*

*pray you, Sir Knight,' said Rowena, 'to cease a language so commonly used by strolling minstrels, that it becomes not the mouth of knights or nobles...' [W. Scott, «Ivanhoe», p. 177]. «Прошу вас, сэра, - сказала Ровена, - прекратить эти речи! Они приличны странствующим менестрелям, но вовсе не подходят рыцарям и дворянам...» [В. Скотт, «Айвенго», с. 218]. Таким образом, статус рыцаря не позволяет ему спускаться до уровня бродячих поэтов в том смысле, что они в своей речи могут допускать всякие вольности (“*fair Rowena*” – «пре-лестная Ровена»; “*your fair eyes*” – «ваши прекрасные глаза»; “*your captive, not your gaoler*” – «ваш пленник, а не тюремщик»; “*fair maiden*” – «красавица»; “*to thine own charms*” – «твои прелести»; “*queen of my heart*” – «царица моего сердца»; “*loadstar of my eyes*” – «звезда моих очей»).*

Таким, образом, рыцарские безупречные манеры оцениваются очень высоко, тогда как трубадурам и менестрелям дается ненамеренно отрицательная оценка. Из всех выше приведенных примеров вытекают следующие нормы куртуазного поведения:

1. Рыцарь должен быть учтив, галантен и т.д., как того требует этикет.
- 2 Рыцарь должен подтверждать свои слова поступками, не ограничиваясь лишь учтивыми манерами.
3. Рыцарь должен иметь даму сердца, но ему запрещено навязывать ей свое общество.
4. Рыцарь должен служить даме сердца, не требуя от нее никакого вознаграждения и внимания к себе, пока она сама не обратит внимания на него.
5. В своем служении и речах рыцарь не должен уподобляться трубадурам и прочим бродячим поэтам.

Куртуазность в значении «любовь и уважение к даме сердца» породила культ дамы (*worship of the Lady*), ценностный элемент, входящий в семантическое поле концепта «куртуазность».

Культ дамы, куртуазная любовь, par amour все эти понятия берут свое начало во Франции, родоначальнице куртуазной рыцарской культуры. Впервые куртуазную любовь, платоническую и недостижимую, воспели француз-

ские поэты-трубадуры в XII веке, и постепенно куртуазная культура распространилась по всей Европе. *Культ дамы* перевернул взгляд на женщину, по сути бесправного существа в эпоху Средневековья. В. Скотт в своем романе «Айвенго» проиллюстрировал бесправность в частности несовершеннолетней дамы очень знатного рода: *“We shall cheer her sorrows,’ said Prince John, ‘and amend her blood, by wedding her to a Norman. She seems a minor, and must, therefore, be at our royal disposal in marriage. – How sayest thou, De Bracy? What thinkst thou of gaining fair lands and livings, by wedding a Saxon, after the fashion of the followers of the Conqueror?”* [W. Scott, «Ivanhoe», p. 107]. *«Мы утешим ее скорбь, - сказал принц Джон, - и заодно улучшим ее род, выдав замуж за норманна. Она, должно быть, несовершеннолетняя, а, следовательно, мы имеем королевское право располагать ее рукой. Что ты на это скажешь, де Браси? Не желаешь ли получить землю и доходы, сочетавшись браком с саксонкой, по примеру соратников Завоевателя?»* [В. Скотт, «Айвенго», с. 141]. Как мы видим, даже благородные дамы, не достигшие совершеннолетия, должны были подчиняться воле монарха во всем.

Тем не менее, культ дамы, получивший популярность в Средневековье вознес даму, как в жизни, так и в литературе. Речь, разумеется, идет о дамах из аристократических семей. Никому бы не пришло в голову почитать служанку – вся галантность и учтивость заканчивались за пределами соответствующего социального круга.

С развитием рыцарского романа женщина стала занимать в нем почетное место героини, в отличие от героического эпоса, предшествующего роману, в котором женщине вообще не отводилось место, как будто ее не существовало. К. де Труа ввел в роман женский образ, хотя он «в провансальской поэзии стереотипен, ее красота воспевается в одних и тех же стандартных выражениях. «Раз сложившийся прием – описание внешности дамы, начиная от «прекрасных белокурых волос» и лба, «белизной превосходящего лилеи» и до «белых рук с длинными и гладкими пальцами», ее «молодого, прекрасного и ласкового тела» – становится литературным штампом» [Гуре-

вич, 1984, с. 173]. Тем не менее, женский персонаж – это очень важное «завоевание рыцарского романа». Мотиву почитания дамы уделяется большое внимание в рыцарском романе: “... *Love, who attacks him so gently that he wounds his heart through his eyes. And this wound is more enduring than any inflicted by lance or sword. A sword-blow is cured and healed at once as soon as a doctor attends to it, but the wound of love is worst when it is nearest to its physician*” [Ch.de Troyes, «Yvain...», p. 16-17]. «Смертельно ранит красота, / И нет надежного щита / От этой сладостной напасти. / И жизнь и смерть не в нашей власти / Острее всякого клинка / Любовь разит наверняка» [К.де Труа, «Ивейн...», с. 61]. Описание рыцарской любви реализуется посредством эмоционально маркированной лексики, различных стилистических приемов. Любовь «атакует» (“attacks”), «ранит» (“wounds”) сильнее копья и меча, “*the wound of love is worst*” («любовь разит наверняка»).

Нормой поведения для рыцаря является проявление почтительности и уважения, граничащих с благоговением и самоунижением: “*I will not crave your pardon, lady, but rather thank you for any treatment you may inflict on me, knowing that no act of yours could ever be distasteful to me.*’ ‘*Is that so, sir? And what if I think to kill you now?*’ ‘*My lady, if it please you, you will never hear me speak otherwise*’” [Ch.de Troyes, «Yvain...», p. 22]. «Пускай надеяться грешно. / Сударыня, я все равно / С решеньем вашим примиряюсь / И вам с восторгом покоряюсь’. / ‘А вдруг я вас велю казнить?’ / И это должен я ценить. / Я все равно доволен буду» [К.де Труа, «Ивейн...», с. 74]. Рыцарь намеренно унижает себя перед дамой сердца, произнося следующие фразы, являющиеся маркерами рыцарской покорности: “*any treatment*”, “*inflict on me*”, “*distasteful to me*”, “*if it please you*”; «надеяться грешно», «примиряюсь», «покоряюсь», «должен», «ценить».

Рыцарь Ивейн готов посвятить всю свою жизнь служению даме, которая становится его женой. К. де Труа, таким образом, идет наперекор общепринятому в Средние века мнению о том, что между мужем и женой не мо-

жет и не должно быть куртуазной любви, поскольку это противоречит самой ее сути.

Мотив любви выражен очень ярко в романах французского поэта, но для него «основной проблемой остается совмещение любви и ‘авантюры’, разрешение конфликта между ними...» [Михайлов, 1974, с. 14] («*Весь мир Любовь завоевала, повсюду восторжествовала она без боя и в бою*» [К.де Труа, «Ивейн...», с. 60]). Этим конфликтом обусловлен извечный поиск рыцаря, который от любви кидается к приключениям, так как настоящий рыцарь не может предаваться утехам и вести оседлый и степенный образ жизни, но в разгар своих странствий рыцаря начинает одолевать тоска по даме сердца, любовь начинает одерживать над ним верх, и он сердцем и душой стремится к своей возлюбленной: “... *whom I love more than I love myself, and for whom, if you will, I am equally ready to die or live*” [Ch.de Trotes, «Yvain...», p. 22]. «*Хотите буду жить, хотите, / Умру, как жил, умру, любя, / Люблю вас больше, чем себя*» [К.де Труа, «Ивейн...», с. 76].

Возвышенное служение рыцаря своей даме сердца выражается в совершении разных подвигов, например, в классическом сюжете сражения с драконом: “*For needes must he fighte / With a geaunt with hevedes thre, / For paramour and jollitee / Of one that shone full brighte*” [G. Chaucer, «The Canterbury Tales» p. 172–173]. «*В сражении кровавом / Иду иль победить, иль пасть; / Велит мне биться к даме страсть / С чудовищем трехглавым*» [Дж. Чосер, «Кентерберийские рассказы», с. 140].

Служение выражается и в добывании славы ради дамы в самых ожесточенных боях: “*Never did knight take lance in his hand with a heart more devoted to the lady of his love than Brian de Bois-Guilber... ..., her name was known wherever deeds of arm were done... Yes, my deeds, my danger, my blood, made the name of Adelaide de Montemare known from the court of Castille to that of Byzantium*” [W. Scott, «Ivanhoe», p. 189]. «*Ни один рыцарь не брался за боевое копьё с сердцем, более преданным своей даме, чем мое... имя ее было известно повсюду, где оружием совершались подвиги... Да, мои подвиги, перенесенные*

мно́й опасности, пролитая кровь прославили имя Аделаиды де Монтемар от королевских дворов Кастилии и до Византии...» [В. Скотт, «Айвенго», с. 232]. Положительная оценка такого служения, при котором рыцарь приносит себя в жертву, выражена следующими лексемами: “*a devoted heart*”, “*deeds of arm*”, “*danger*”, “*blood*”, «преданное сердце», «боевые подвиги», «опасность», «кровь».

Мотив прославления своей дамы в битвах и на турнирах был одним из самых популярных среди бродячих поэтов. Доблестный рыцарь, прозванный в романе В. Скотта Черным лентяем, за которым маскируется сам король Ричард по прозвищу Львиное сердце, играет роль странствующего рыцаря, не гнушаясь распевать сентиментальные песни, в духе менестрелей: “*Joy to the fair! whose constant knight / Her favour fired to feats of might; / Unnoted shall she not remain, / Where meet the bright and noble train; / Minstrel shall sing and herald tell – / “Mark yonder maid of beauty well, / ‘Tis she for whose bright eyes were won / The listed field of Ascalon!”* <...> / “*Joy to the fair! – my name unknown, / Each deed, and all its praise thine own...*” [W. Scott, «Ivanhoe», p. 137–138]. «Возлюбленная! Я тобой / Подвигнут был на славный бой. / Ты будешь при дворе одна / Вниманием окружена; / Глашатай скажет и певец; / «Она – владычица сердец, / В турнирах билось за нее / Непобедимое копьё <...> / Возлюбленная! Честь побед / Тебе дарю; мне славы нет!» [В. Скотт, «Айвенго», с. 174]. В духе куртуазной любви, склонной к самопожертвованию в песни говорится о том, что слава и честь, которую принесли рыцарю победы принадлежат его возлюбленной (“*my name unknown*” – «мне славы нет»). Исполнение любовных песен требовало определенной манеры («... рыцарь пел выразительно, то протяжными, то задорными звуками оттенял слова и придавал силу и значение стихам» [В. Скотт, «Айвенго», с. 173].

Возвращаясь к культу дамы, следует сказать, что В. Скотт является продолжателем традиций рыцарского романа. Один из его героев в романе «Айвенго» выражает очень важную мысль: “*I know no right of chivalry ... more precious or inalienable than that of each free knight to choose his lady-love*

by his own judgment...” [W. Scott, «Ivanhoe», p. 77]. «Я не знаю ни одного правила рыцарства ..., которое было бы так драгоценно для каждого свободного рыцаря, как право избрать себе даму...» [В. Скотт, «Айвенго», с. 109]. Каждому рыцарю приписывается иметь даму сердца, и избирает он ее себе сам. Отклонением от нормы считается, когда у рыцаря нет дамы. Таким образом, дама сердца становится обязательным атрибутом в системе ценностей рыцаря и действительно является культом, объектом поклонения. В своем документальном очерке В. Скотт с помощью образных сравнений описывает рыцаря, не имеющего дамы сердца: «*Without such an empress of his heart, a knight, in the phrase of the times, was a ship without a rudder, a horse without a bridle, a sword without a hilt ; a being, in short, devoid of that ruling guidance and intelligence, which ought to inspire his bravery, and direct his actions*» [Scott, 1834, p. 28]. (Рыцарь без такой, как говорили тогда, императрицы своего сердца был, как корабль без штурвала, как конь без узды, как меч без рукояти; иными словами, лишенный направления и рассудка, которые должны воодушевлять его мужество и управлять его действиями. Перевод наш – Е. Г.). В этом же очерке встречаются любопытные наставления, которые дает придворная дама юному придворному пажу, подозревая отсутствие у него дамы сердца. Сначала она требует от него назвать свою даму «*par amours*». Выяснив, что у юного пажа не имеется таковой, она высказывает свое негодование по этому поводу: «*Ah, false gentleman, and traitor to the laws of chivalry... dare you say that you love no lady ? Well may we perceive your falsehood and craven spirit by such an avowal*» [Scott, 1834, p. 29]. (Ах, лжец и предатель рыцарских законов... вы осмеливаетесь говорить, что у вас нет дамы сердца? Ну мы можем расценить это ваше признание как ложь и малодушие. – Перевод наш: Е. Г.).

Судя по советам, которые дает благородная дама молодому человеку, мы узнаем, что помимо естественного влечения и зова сердца, есть еще и определенные принципы, по которым следует выбирать себе даму сердца: «*Sir, you ought to choose a lady of high and noble blood, who has the talent and*

means to counsel and aid you at your need, and her you ought to serve so truly, and love so loyally, that she must be compelled to acknowledge the true and honourable affection which you bear to her ...In this manner, you will attain the praise of a worthy knight; and till you follow such a course, I will not give an apple for you or your achievements» [Там же. С. 30]. (Сэр, вам следует выбирать себе даму благородного происхождения, у которой есть способности, чтобы направлять вас и средства, чтобы помогать вам в нужде, и которой вы должны верно служить и любить настолько беззаветно, чтобы она была вынуждена признать вашу верность и привязанность к ней. ...Только так вы добьетесь славы доброго рыцаря; а пока не последуете моим советам, я и гроша не дам ни за вас, ни за ваши заслуги. – Перевод наш – Е. Г.).

Мы доверяем авторитетному мнению известного романиста В.Скотта о том, что реальному рыцарю был не чужд некий расчет в выборе дамы, но в анализируемых нами текстах подобных ситуаций рыцарского расчета по отношению к даме нами не было выявлено. Романтизация рыцарской куртуазной любви создает лишь образы бескорыстного и беззаветного рыцарского служения, даже когда дама не отвечает взаимностью: *“In Armorik, that called is Bretaine, / There was a knight, that loved and did his paine / To serve a lady in his beste wise. / And many a labour, many a greet emprise, / He for his lady wrought, ere she were wonne: / For she was one the fairest under sunne, / And eek thereto come of so heigh kinrede, / That well unnethes dorst this knight for drede, / Tell hir his woe, his pain, and his distresse / But, atte last, she for his worthinesse, / And namely for his meek obeisaunce, / Hath swich a pitee caught of his penaunce”* [G. Chaucer, «The Canterbury Tales», p. 284]. «В Арморике, года тому назад, / Жил некий рыцарь, книги говорят, / Который щедро лил в сраженьях кровь, / Чтоб заслужить вниманье и любовь / Прекрасной госпожи, чей дивный лик / Бессилен описать людской язык, / К тому ж и род ее был так высок, / Что рыцарь наш осмелиться не мог / В мечте признаться, коей был объят / Но, наконец, его душевный склад / И преданность, которой чужд расчет, / В ней состраданье вызвали» [Дж. Чосер, «Кентерберийские

рассказы, с. 309]. Этому рыцарю чужд расчет, он предан своей даме сердца; помимо всего прочего рыцарь не решается признаться в своих чувствах. Такой прием изображения робкого влюбленного часто используется у романистов: он завершает образ абсолютно преданного и безответно влюбленного романтика.

Похожий образ встречается у К. де Труа: *“For I am doomed to be her slave, since such is the will of Love. Whoever does not welcome Love gladly, when he comes to him, commits treason and a felony. I must love in accordance with Love's desire. And ought she to regard me as a friend? Yes, surely, since it is she whom I love. And I call her my enemy, for she hates me, though with good reason, for I killed the object of her love. So, then, am I her enemy? Surely no, but her true friend, for I never so loved any one before”* [Ch.de Trotes, «Yvain...», p. 17].
«Благославляю госпожу, / Навеки ей принадлежу <...> / Мою любовь я не предаю. / Любви смиренно повинуюсь, / Я говорю, не обвиняюсь:/ Ей друга не найти верней. / И пусть я ненавистен ей; / На ненависть я отвечаю / Одной любовью и не чаю / Иной награды, лишь бы мне / Служить пленительной жене» [К.де Труа, «Ивейн...», с. 63].

У идеального рыцаря любовь смиренна, не требует ответа и подкрепляется *верностью*, которая очень важна в куртуазной любви. Ее нужно обязательно продемонстрировать, как и все другие ценности рыцарской культуры, что вообще свойственно для средневековой культуры в целом: выносить на показ все личные чувства и переживания. Их традиционно не принято было скрывать: чем сентиментальнее ведет себя рыцарь, тем более естественным воспринимается его поведение. Так, верность доказывается, обсуждается, демонстрируется: *“My lord Yvain is so distressed to leave his lady that his heart remains behind. The King may take his body off, but he cannot lead his heart away. She who stays behind clings so tightly to his heart that the King has not the power to take it away with him. When the body is left without the heart it cannot possibly live on. For such a marvel was never seen as the body alive without the heart”* [Ch. de Troyes, «Yvain...», p. 33]. *«Ивейн в тоске, Ивейн в печали / Год*

безотрадный впереди / Какая пустота в груди! / Отправилось в дорогу тело, / А сердце в путь не захотело. / Не избежавшее тенет / К другому сердцу сердце льнет / Все это любящим знакомо / Ивейн оставил сердце дома. , Своих тенет оно не рвет / И тело кое-как живет, / Пока душою обладает: / Томится, бедствует, страдает...» [К. де Труа, «Ивейн...», с. 88 – 89.]

Верность и любовь – главные составляющие культа дамы. Приведенные примеры показывают, как рыцарь готов служить даме, сражаясь и проливая кровь за нее на турнирах, совершая подвиги в ее честь с тем, чтобы прославить ее имя.

Мотив оскорбленной девицы, честь или жизнь которой в опасности, заключены в прочно закрепившемся в английском языке выражении “*a damsel in distress*” (девица, попавшая в беду). Этот фразеологизм восходит именно к тем временам, когда рыцари вызволяли дам из башен, сражаясь с драконом или вступая в поединок с непобедимым богатырем, чтобы доказать невиновность девицы, которой грозила смертная казнь и т.д. Рыцарь готов был защищать честь оскорбленной или обвиняемой в чем-либо (что характерно для средних веков) дамы. “*The honour of a noble lady is in peril*” [W. Scott, «*Ivanhoe*», р. 247]. «*Честь благородной дамы в опасности*» [В. Скотт, «*Айвенго*», с. 299]. Это сигнал для рыцаря к действию, к спасению дамы. “*A damsel in distress*” обычно всегда грозит смертельная опасность, и рыцарь, спешащий на помощь, сражается за эту девицу в смертельном бою. В романе «Ивейн или рыцарь со львом» девица обвиняется в предательстве и измене и приговорена к сожжению на костре, а доблестный рыцарь, который не терпит несправедливости, приходит ей на помощь: “*He saw Lunete on her knees and stripped to her shift, having already made confession, and besought God's mercy for her sins. Then he who had loved her deeply once came to her and raised her up, saying: 'My damsel, where are those who blame and accuse you? Upon the spot, unless they refuse, battle will be offered them'*” [Ch. de Troyes, «*Yvain...*», р. 49]. «*Уже девица на коленях / В своих покаялась грехах, / Превозмогла смертельный страх. / Как вдруг защитник появился. / Он перед ней остано-*

вился / И произнес: 'Девушка! Где / Тот, кто в своей слепой вражде / Вас все-народно обвиняет? / Пусть на себя теперь пеняет! / Когда от всех своих клевет, / Опровергая свой навет, / Он в сей же час не отречется, / В сраженье кривда пресечется!» [К. де Труа, «Ивейн...», с. 107]. В данном тексте рыцарь демонстрирует свое мужество, верность, любовь к справедливости.

Приведем еще один пример рыцарской борьбы за справедливость, причем для такого безупречного рыцаря как Айвенго, фактор благородства дамы не является определяющим в ее спасении. На просьбу еврея Исаака сразиться за его дочь, Айвенго отвечает незамедлительным согласием. *"I am a good knight and noble, come hither to sustain with lance and sword the just and lawful quarrel of this damsel, Rebecca, daughter of Isaac of York; to uphold the doom pronounced against her to be false and truthless, and to defy Sir Brian de Bois-Guilbert, as a traitor, murderer, and liar; as I will prove in this field with my body against his, by the aid of God, of Our Lady, and of Monseigneur St George the good knight"* [W. Scott, «Ivanhoe», p. 378]. «Я, добрый рыцарь дворянского рода, приехал оправдать мечом и копьем девушку Ревекку, дочь Исаака из Йорка; доказать, что приговор, против нее произнесенный, несправедлив и лишен основания; объявить сэра Брина де Буагильбера предателем, убийцей и лжецом, в подтверждении чего готов сражаться с ним на сем ристалище и победить с помощью божьей, заступничеством богоматери и святого Георгия» [В. Скотт, «Айвенго», с. 453]. По кодексу чести рыцарь должен помогать всем обиженным, попавшим в беду. Как показывает наш материал, обвинения против незащитной дамы и ее обвинитель заслуживают всегда отрицательной оценки, что выражается выбором соответствующей отрицательно маркированной лексики: *"false"* – лживый, *"truthless"* – несправедливый, *"a traitor"* – предатель, *"a murderer"* – убийца, *"a liar"* – лжец.

Модель куртуазности в рыцарской картине мира на основе проанализированного материала следующим образом:

1. *Куртуазность* выступает в значении набора придворных манер и рыцарских добродетелей, которые пересекаются с ценностными ориентирами рыцарского кодекса.

2. Центральным местом *куртуазности* является *культ дамы*.

3. В рамках *культа дамы* рыцарю предписывается иметь даму сердца, служению которой он посвящает свою жизнь:

- прославляя ее имя своими подвигами,
- выполняя ее желания,
- не требуя взаимности,
- не навязывая ей своего общества.

4. Рыцарь всегда готов защитить честь и жизнь любой дамы, которой угрожает какая-либо опасность, сражаясь за справедливость и правду, демонстрируя свое мужество и верность.

Самый яркий исторический пример служения даме продемонстрировал король Эдуард III на балу, когда он подобрал подвязку графини Солсберийской и повязал ее под собственное колено со словами: «*Пусть будет стыдно тому, кто об этом плохо подумает*» (“*Honi soit qui mal y pense*”) [Кин, 2000, с. 345], после чего был создан орден Подвязки (the Order of the Garter), существующий в Англии и по сей день “*as a mark of Royal favour*” (как знак монаршей милости).

2.4.2. Моделирование концепта «куртуазность / вежливость» в современном англоязычном мире

Под *courtesy* в современном англоязычном мире, как уже говорилось в предыдущем параграфе, понимается вежливость, хорошие манеры, обходительность по отношению к другим. По словарным дефинициям наблюдается отсутствие гендерности в понятийном содержании концепта «вежливость». Выдвигается тезис о том, что концепт «куртуазность» трансформируется в концепт «вежливость». Происходит выветривание ценностей в том смысле, что в современном мире не актуальными становятся культ дамы, «служение»

женщине и ухаживание в духе рыцарства: *“Thankfully, chivalry is not dead. But today, it’s not so much about men rescuing and protecting women as it is about being considerate of others. A polite person should extend these gestures to everyone, regardless of gender”* [Farrell, 2002, www]. – К счастью, рыцарственность еще живет, но в современном понимании речь идет не о мужчинах, спасающих и защищающих дам, а о знаках внимания к другим людям вне зависимости от их пола. (Перевод здесь и далее – наш – Е.Г.). В следующей статье автор разводит концепты «chivalry» и «courtesy» в отношении их восприятия в современном мире. Следующие мысли не уникальны и неоднократно повторяются и в других статьях: *“Chivalry is a behavior that masquerades as a courtesy while concealing a dramatic assertion of inequality between the sexes. <...> Courtesy is demonstrating consideration for others regardless of gender: holding doors open, picking up something someone else drops or offering a seat on the bus. Doing these things for women just because they are women, however, is not courtesy. It’s chivalry. It’s a reinforcement of the idea that they needed help and assistance where men wouldn’t have”* [Corazzo, 2013, www]. – Рыцарственность – это поведение, которое маскируется под вежливость, скрывая резкое утверждение неравноправия полов. Вежливость демонстрирует внимание к другим вне зависимости от пола: придержать дверь, поднять то, что кто-то уронил, уступить место в автобусе. Выполняя эти действия по отношению к женщине просто потому что она женщина, однако – это не вежливость. Это рыцарственность. Это укрепление идеи, что женщинам нужна была помощь, тогда как мужчины легко бы справились). В статье *“How to be chivalrous” (the 2014 edition)* приводится список таких знаков внимания: *holding the door* – придерживание дверей; *getting off an elevator* – выход из лифта (*“The person closest to the door exits first”*. – Человек, ближайший к двери, выходит первый); *helping to put on a coat* – помогать с верхней одеждой; *paying for a meal* – платить за еду (*“Whoever does the inviting does the paying”*. – Кто приглашает – тот платит); *standing* – вставать с места (*“Getting up to greet someone is always polite — and this is especially important when the person is elderly or is a busi-*

ness superior or client. It's also the thing to do when you're being introduced to someone". – Вставать с места в качестве приветствия – это всегда вежливо, а особенно это важно, когда перед вами человек преклонного возраста или начальник или клиент. Вставать с места принято и когда вас представляют кому-то); *walking on the outside* – идти со стороны дороги ("*The custom of a man walking between his female companion and the street was the custom in the days when carriages splashed mud and ladies' finery needed shielding . These days, it doesn't matter who is walking on the street side of the sidewalk*". – Мужской обычай идти с дамой по тротуару со стороны дороги был естественным во времена, когда проезжающие повозки разбрызгивали грязь, и женщина нуждалась в защите. Сегодня не имеет значения, кто идет со стороны дороги); *shaking hands* – рукопожатие ("*Used to be that a man was supposed to wait for a woman to offer her hand before he extended his. Today, regardless of gender, people should shake hands upon meeting, and it doesn't matter who puts out their hand first*". – Раньше мужчина должен был дождаться, когда женщина подаст руку, прежде чем протянуть свою. Сегодня, вне зависимости от пола, люди приветствуют друг друга за руку, и неважно, кто подаст руку первым.); *helping to carry something* – помочь с вещами ("*A neighbor or coworker — anyone — who is overloaded with books or packages will appreciate an offer of help from whoever is nearby*". – Соседу или коллеге, кому угодно, кто нагружен книгами, покупками и др., наверняка оценит предложение помощи от кого угодно). [Hilmantel, 2014, www]. В данных текстах намеренно нивелируется гендерность с помощью гендерно-нейтральных лексем (*the person, whoever, someone, anyone, people, a neighbour, a coworker*) и подчеркивается универсальность в современном мире изначально гендерного поведения: (*regardless of gender* – вне зависимости от пола; *these days, it doesn't matter who* – сегодня уже неважно кто...; *from whoever is nearby* – от любого человека, находящегося поблизости).

Однако следует заметить, что намеренное избегание гендерности в актах вежливости говорит о том, что гендерное поведение в отношении кон-

цепта «вежливость» осознается в англоязычном сознании, что подтверждают данные, полученные в результате опроса информантов.

На вопрос-стимул *“Courtesy for a person whom you could call a chivalrous person today is...”* – Для рыцарственного человека сегодня вежливость – это... – были получены следующие результаты: 1) *courtesy* в больше, чем половине ответов (62 из 100) определялось как уважительное отношение ко всем окружающим (*“thinking of other people’s feelings and treating them how you would want to be treated”* – проявлять внимание к чувствам других людей и относиться к ним так, как вы бы хотели, чтобы относились к вам; *“treating others with respect”* – относиться к другим с уважением; *“never embarrassing”* – тактичный; *“civilized behaviour to one and all”* – цивилизованное отношение ко всем и каждому; *“respect of all God’s creatures”* – уважение ко всем Божьим созданиям); 2) 12 респондентов отметили связь концепта «вежливость» с рыцарственным отношением мужчины к женщине (*“gentlemanly behaviour”* – галантное поведение; *“showing special courtesies for someone you love”* – демонстрировать всякие любезности тому, кого любишь; *“deferring to and protecting others especially ladies, children and the elderly”* – считаться с мнениями других и защищать их, особенно женщин, детей и пожилых людей); 3) 15 респондентов, перечисляющие действия, которые обычно носят гендерный характер (*“opening doors”* – *придерживание двери*; *“offering a coat”* – *помощь с верхней одеждой* и т.д.) старательно избегали гендерности, употребляя слово *others* – *другие* (*“putting others first”* – пропускать других вперед; *“taking care of others”* – заботиться о других; *“service to others”* – услужливость по отношению к другим; *“defense of that which is morally correct not harmful to others”* – защита моральных прав).

По нашим наблюдениям, респонденты, которые говорили о вежливости мужчин по отношению к женщинам, обозначая их поведение джентльменским, использовали чаще форму прошедшего времени, подчеркивая, что данная модель поведения не характерна для нынешнего времени (*“On approaching a door or passing through a door, it was normal for a man to open the door*

and stand aside for a woman to pass through". – Для мужчины было естественным открывать и придерживать перед женщиной дверь, пока она не пройдет. *"In my father's generation a gentleman always **lifted** his hat from his head on meeting a female acquaintance, this gradually **toned down** to just touching the hat. I think the hat lifting fashion must originate from days when Knights and gentlemen on horseback wearing large hats removed them and bowed low on meeting a lady. <...> My dad always **lifted** his hat to females! A rare sight now though feminists consider it to be insulting*". – Еще при жизни моего отца обычным делом для джентльмена было приподнять шляпу, приветствуя знакомую женщину, в конце концов, этот обычай преобразовался в касание шляпы. Я думаю, что этот обычай восходит к тем временам, когда конные рыцари и джентльмены поднимали свои шляпы и низко кланялись даме. Мой отец всегда приподнимал шляпу, приветствуя женщин. Довольно редкий сегодня обычай, который феминистки считают оскорбительным. *"In my youth it was quite normal for a man to give up his seat to a standing woman on public transport, a boy **would** feel obliged to, but in the new feminist era there is the risk that the woman would decline or worse, so that little 'politesse' is not so common these days*". – В моей юности было абсолютно нормальным для мужчины уступить место женщине в общественном транспорте, а мальчик чувствовал себя обязанным сделать это; в эру феминизма есть опасность, что женщина не примет такой жест или еще чего хуже; поэтому в наши дни такой незначительный 'политес' уже редко встретишь) (КЗУР).

Отмечается, что некоторые рыцарственные жесты, уместные по отношению к дамам, например, касание шляпы или головного убора, переключались в другие сферы бытования, например во внутренние правила и нормы поведения в частных школах, в колледжах (*"School rules at my boys' school required boys to touch the badge on their school caps on meeting a member of staff in the street, failure to do this brought punishment!"*) – В школе, где учились мои сыновья, правила предписывали мальчикам касаться значков на школьных

шляпах при встрече с преподавателем на улице – их наказывали в случае несоблюдения этих правил) (КЗУР).

В рыцарские времена существовали куртуазные обычаи, которые, трансформировавшись, дошли до нашего времени (*“A similar even older ‘chivalrous’ act was, when walking with females, to walk with the ‘sword hand’ side away from the companion. I am still very conscious of my responsibility to walk on the side of female companions nearest to traffic or ‘danger’. Otherwise I really feel most uncomfortable!”*) (Похожий старинный рыцарский обычай заключался в том, чтобы женщина, которую сопровождал рыцарь, шла по другую сторону от руки с мечом. Я всегда стараюсь идти с внешней стороны тротуара, сопровождая даму, чтобы обезопасить ее. В противном случае я чувствую себя крайне неуютно) (КЗУР).

Наши современники, носители английского языка дают высокую оценку *вежливости* как ценности, но с сожалением признают, что в современном англоязычном мире *вежливость*, особенно в контексте рыцарственного отношения к женщине, исчезает. В речи современных носителей языка наблюдается использование лексем *“sad”, “sadly”, “decline”, “no longer”, “dying”* (*“England is deteriorating rapidly in terms of chivalry; a sad decline!”* – В контексте рыцарственности Англия вырождается: печальный упадок. *“Chivalry with all its manners is sadly dying”*. – Рыцарственность и соответствующая модель поведения, к сожалению, умирает. *“Police were polite, considerate and even chivalrous in times past, but no longer, sadly”*. – Полицейские были вежливыми, внимательными и даже рыцарственными не так давно – сейчас этого, увы, нет) (КЗУР).

В какой-то степени этому «упадку» (*decline*) способствует феминистское движение (*“Feminism has discouraged chivalry in some respects”* – Феминизм в некотором смысле воспрепятствовал рыцарственному поведению) (КЗУР). *Вежливость* сложно проявлять в стремительном ритме жизни многонациональных мегаполисов (*“Yes, there are many such people who behave in a civilised manner! <...> there are still chivalrous folk around but you will find*

them in smaller country towns. Big cities are being taken over by immigrants. Go to London or Birmingham and you will wonder which country you are in". – Да, есть пока еще много людей, которые ведут себя цивилизованным образом, есть все еще рыцарственные ребята, но найдете вы их в небольших провинциальных городках. Большие города захвачены эмигрантами. Приедете в Лондон или Бермингем и не поймете, в какой же стране вы оказались) (КЗУР).

Старшим поколением подчеркивается отсутствие понимания сути *вежливости* среди молодежи (*"Chivalry probably evolved into gentlemanliness in later centuries and just good manners in modern times. I doubt whether the current younger generation would have any understanding of either"*). – Рыцарство вероятно переродилось в джентльменство в последние столетия и просто в хорошие манеры в современном мире. Но я сомневаюсь, что наша молодежь имеет вообще какое-либо представление об этих вещах. *"Courtesy i.e. 'gentlemanly' behaviour is largely lost in current generation of younger people"*. – Любезность, т.е. джентльменское поведение – это ценности, потерянные современным поколением молодых людей) (КЗУР).

Английский джентльмен и соответственно джентльменское поведение признаются идеалом, но данный идеал старомоден и не реалистичен в современном англоязычном мире – он является более актуальным и жизнеспособным в других странах (*"There is still an ideal of an English gentleman who is courteous and chivalrous, but I don't know if they actually exist!"*) – У нас все еще существует идеал английского джентльмена, любезного и рыцарственного, но я не уверена, существуют ли они на самом деле. *"Courtesy is an old-fashioned idea that men should behave like gentlemen and 'look after' women by opening doors etc... Possibly in the past but now this idea seems stronger in other cultures than in Britain. Italian or South American men offer women a seat on the train just because they are women (not pregnant or old). British men don't"*. – Вежливость – это старомодная идея о том, что мужчины должны вести себя, как джентльмены и ухаживать за женщинами, придерживая им двери и т.д.

Может быть в прошлом, но сейчас эта идея проявляется гораздо чаще в других культурах, чем в Британии. Итальянцы и южноамериканцы уступают в общественном транспорте место женщинам, просто потому, что они женщины (не в положении и не пожилые). Британцы этого не делают) (КЗУР).

Заслуживает внимания и такая реплика носителя английского языка о профанации рыцарственности: *“Respect for opposite members of sex, being polite, putting oneself out for others – it all exists on Valentine’s day for a few hours”*. – Уважение к противоположному полу, вежливость, участие – все это существует в день святого Валентина в течение нескольких часов. В данном тексте говорится о фальшивом проявлении внимания к противоположному полу.

Вербальная объективация концепта «вежливость» в гендерном аспекте применительно к ответам респондентов позволяет сделать следующие выводы:

1) всякое вежливое отношение к даме в целом саботируется феминистским движением, политической корректностью и другими социальными факторами, в результате чего в культуре наблюдается тенденция к нейтральному отношению к женщине (*“Political correctness is the poison which is rapidly destroying these precious values which are so important to a truly civilized society”*). – Политкорректность – это яд, который быстро разрушает эти ценности, которые так важны для цивилизованного общества. *“A typical response by today’s college woman to the exam question: ‘The system of manners known as chivalry was necessary in the Middle Ages but is irrelevant today’”*. – Типичный ответ студентки колледжа на экзаменационный вопрос: «Система воспитания, известная как рыцарственность была необходима в Средние века, но совершенно не нужна сегодня);

2) не феминистски настроенная группа ожидает проявления рыцарственности со стороны мужчин (*“I think many English ladies would like English men to be chivalrous”*). – Думаю, многие английские дамы хотели бы видеть английский мужчин рыцарственными);

3) для возрастной категории 50+ рыцарски-джентльменское проявление любезности остается нормой поведения в отношении противоположного пола, например, придерживать дверь перед женщиной, уступить место, идти с дамой по тротуару со стороны проезжей части, быть вежливым, тактичным, уважительным, но эта группа не скрывает своих пессимистических взглядов на жизнеспособность таких ценностей как рыцарственность, куртуазность (*“Bad news! My England is changing. Chivalry is sadly dead.”* – Плохие новости. Моя Англия меняется. К сожалению, рыцарства уже нет. *“Chivalry has indeed seemed to become irrelevant today and that is a tragic loss for both men and women”*. – Рыцарственность стала ненужной сегодня, и это трагическая потеря как для мужчин, так и для женщин).

Тексты британского национального корпуса (BNC) (1022 единицы) показали, что в половине из них (469 текстов) *courtesy* употребляется в значении вежливости или акта вежливости без гендерной специфики и получает высокую оценку: *“Courtesy is everything”* – Вежливость – это всё. *“Courtesy is the mark of civilization”*. – Вежливость – это знак цивилизации. *“As a matter of common courtesy, for example, a teacher would avoid giving private coaching to a child...”* – Из обычного чувства такта учитель не станет заниматься частным образом с ребенком. *“The greatest good we can do to people is to treat them with compassion, courtesy and respect”*. – Наивысшим добром по отношению к другим людям будет проявление сострадания, вежливости и уважения. *“... during the Falklands war Margaret Thatcher was briefing opposition leaders and other senior politicians as to what was going on. This is a courtesy in British politics”*. – Во время Фолклендской войны М. Тэтчер проводила брифинги перед оппозицией и другими ведущими политиками на предмет происходящих событий, что в британской политике считается знаками внимания. Концепт «вежливость» бытует в разных дискурсах – педагогическом, политическом, юридическом и др.).

Материал BNC позволил выделить образную составляющую концепта «вежливость» и уточнить его ценностное содержание. «Носитель» вежливо-

сти в современном мире – это человек «того» поколения: “... *his charm and courtesy were well-known. He was one of the old breed, always quietly spoken and very polite to people*”. (Его шарм и вежливость были хорошо известны. Он был еще старой закалки, разговаривал с людьми всегда тихо и вежливо). Он выглядит безупречно: “... *he was of medium height, grey-haired and looked trim and fit. Soft-spoken and pipe-smoking, Frank was a genuinely friendly sort*”. (Он был среднего роста, седоволосый и выглядел аккуратно и подтянуто. Фрэнк говорил тихо, курил трубку и был по-настоящему доброжелательным человеком). Вежливый человек отличается чувством такта и воспитанием: “*His courtesy, however, contained a reticence that did not permit him to ask outright...*”. (Его вежливость отличалась сдержанностью, которая не позволяла ему спрашивать напрямик...). “*Courtesy forbade him from asking the reason for this unexpected visit*”. (Его вежливость не позволяла ему расспрашивать о причине такого неожиданного визита). В текстах подчеркивается вежливая манера речи, которая отличает представителей высоких социальных кругов в Англии (“*quietly spoken*” – говоривший тихо; “*soft-spoken*” – говоривший мягко; “*a reticence*” – сдержанность).

Следует отметить, что в 42 текстах BNC *вежливость* рассматривается, как *old-fashioned, out-dated* – старомодная, вышедшая из моды; *automatic, formal, weary, mocking, no welcome or warmth* – запрограммированная, формальная, изношенная, насмешливая, неестественная и надуманная). Говорится о недостатке *вежливости* (*lack, no hint of*) Вежливостью даже можно поперхнуться (*choke over*). Тексты, содержащие либо отрицательную оценку вежливости, либо констатацию отсутствия вежливости, составляют 4% от общего количества проанализированных текстов.

Недостаток *вежливости* проявляется в современном англоязычном мире следующим образом:

1) отсутствием чувства такта, что выражается, например, в пристальном и любопытном взгляде (“*The woman is looking me straight in the eyes, Ali-da thought, she does not know even the basic elements of courtesy ...*” – Женщина

смотрит мне прямо в глаза. Алида подумала, что у той нет даже малейшего понятия об элементарной вежливости);

2) нежеланием вести себя *по-джентльменски*, например, сознательно не уступать место женщине в переполненном транспорте (*“Her attitude towards feminism was ambivalent. She certainly believed in equality between the sexes, especially in the work place, but felt there was always room for courtesy and manners in what was becoming an increasingly uncaring society. As she looked around she felt a twinge of sadness that in a carriage where 70 per cent of the commuters were men there were five women forced to stand in the aisle”*). – Она неоднозначно относилась к феминизму. Она конечно же верила в равенство между мужчинами и женщинами, особенно на рабочем месте, но считала, что для вежливости и хороших манер всегда есть место в этом обществе, становящемся все более и более бездушным. Оглянувшись, она с сожалением заметила, что в вагоне, где мужчины составляли 70% пассажиров, пятеро женщин были вынуждены стоять);

3) нежеланием соблюдать элементарные этикетные правила в деловых отношениях: не перезванивать, не отвечать на письма, не утруждать себя произнесением этикетных фраз при встрече и в других ситуациях, не держать своего слова (*“Lack of courtesy is a disease in modern-day business. People don't reply to letters or return telephone calls. People arrive late or fail to turn up for meetings. People don't listen to others ...”*). – Недостаток вежливости – это болезнь в современном бизнесе. Люди не отвечают на письма и на телефонные звонки. Люди опаздывают или вообще не являются на встречи. Люди не слушают друг друга ...);

4) неумением сдерживаться (*“Slamming a door in someone's face has nothing to do with breeding or upbringing. It displays a basic lack of respect for other human beings. In other words, manners not only make the man, but lack of them make men into animals”*). – Когда перед чьим-то лицом хлопают дверью, это говорит не об отсутствии воспитания. Такое действие демонстрирует не-

достаток уважения к людям. Другими словами, манеры не просто характеризуют нас как людей – отсутствие манер превращает нас в животных);

5) неискренностью в общении (*“Courtesy can not be artificial. The programmed ‘Have a nice day’ lacks conviction, and courtesy means nothing without such conviction”*). – Вежливость не может быть искусственной. Запрограммированная фраза «Хорошего дня» будет неубедительной, и вежливость без искренности теряет смысл).

Как показывает материал ВНС, привлечение внимания к *вежливости* видится в решении воспитательных проблем (*“It is the parents who must set an example of consideration and true courtesy to the teenagers, whether they seem to deserve it or not”*). – Именно родители должны подавать подросткам (заслуживают они того или нет) пример внимательного отношения и неподдельной вежливости к людям. *“Chivalry should be saved because it maintains a very respectable value system where people practice sincere gestures and random acts of kindness”*. – Рыцарственность нужно спасать, потому что она содержит очень достойную систему ценностей, следуя которой люди проявляют искренние знаки внимания и добрые дела). Таким образом, упадок вежливости, взаимоважания объясняется, помимо прочего, отсутствием воспитания: нежеланием закладывать ценностные ориентиры с детства, нехваткой времени, воли, силы духа на то, чтобы привить детям культуру общения.

Статьи, посвященные рыцарственности, вежливости и другим ценностям, размещенные на интернет-сайтах, также привлекают наше внимание, а постановка следующих вопросов представляется актуальной в рамках нашей работы: *“What is it that makes a male into a man?”* (Что превращает особь мужского пола в мужчину?). *“How does one achieve not just the skills, but also the philosophy of a modern gentleman?”* (Как не только обучиться манерам, но и постичь философию современного джентльмена?) *“Are the qualities of chivalry still relevant to the contemporary practice of the art of manliness, or has the notion of the chivalrous knight been eclipsed by the more up-to-date profile of the cosmopolitan man-about-town?”* (Применимы ли ценности рыцарства в совре-

менной мужской практике или же образ галантного рыцаря затмил более современный и универсальный тип «прожигателя жизни?»).

Контекстуальный и интерпретационный анализ статей, акцентирует наше внимание на следующих тенденциях в современном англоязычном мире:

1. Стремление женщин к равенству с мужчинами, вызвавшее к жизни движение феминизма, заставило как мужчин, так и женщин постепенно забыть об элементарных правилах этикета и вежливости мужчин по отношению к женщинам, и этим объясняются следующие определения: *“unmanly”* – женоподобный, *“gay”* – гомосексуальный, *“demeaning”*, – унижительный, *“condescending”* – снисходительный (*“Men also came to view courtesy and respectful attitudes as ‘unmanly’ and even ‘gay’. In previous decades and centuries young girls dreamt of their ‘knight in shining armour’”*). – Мужчины стали воспринимать *вежливость* и уважительное отношение как женоподобные или даже «гомосексуальные». В предыдущие же десятилетия и века девушки мечтали о своем рыцаре на белом коне. *“Feminism taught women that displays of chivalry were, in many ways demeaning and condescending”*. – Феминизм научил женщин понимать проявления рыцарственности как нечто унижительное. *“As society has continued to evolve and many Americans and Europeans have rejected the idea of the “fair and weaker sex” as a code for economic, political and social inferiority, this romantic conception of chivalry has faded, just as its progenitor disappeared with the passing of the society that produced it”* [Abels, 2013, *www*]. – По мере того как общество продолжало развиваться, а многие американцы и европейцы пришли к отрицанию понятия «прекрасного и слабого пола», за которым скрывалось экономическое, политическое и социальное неравенство, романтическая концепция рыцарственности постепенно стала угасать, как это произошло и в Средневековье со приходом новой эпохи).

2. Построение многими мужчинами имиджа «крутого парня» привело к отказу от норм вежливости, модным становится подчеркнуто невежливое,

агрессивное поведение, *“a bad reputation” – плохая репутация (“It’s not considered ‘cool’ to be virtuous. It’s naïve. It gets you nowhere – which means not being virtuous is seen positively”*. [Confidence in human nature, www]. – Благородное поведение не модно и наивно. Оно приведет вас в тупик, а это означает, что обратная модель поведения оценивается положительно. *“A man is not ‘cool’ unless he has a bad reputation. Sometimes it is a rite of initiation to do something bad, before being permitted to join a gang. Right has become wrong and wrong has become right”*. – Парень не станет «крутым», если не будет иметь плохой репутации. – Иногда, в качестве обряда инициации необходимо совершить какой-то плохой поступок, чтобы быть принятым в банду. Хорошее стало плохим, а плохое - хорошим).

3. Изменение традиционных семейных отношений под влиянием массовой культуры привело к отказу от соблюдения привычных ролей и соответствующих норм учтивости в семье (*“Our major problem is the disappearance of loving and supportive parents, and respectful children”*. [Social problems are people problems, www]. – Основная наша проблема – в исчезновении любящих и понимающих родителей и уважающих их детей. *“Many a woman complains today that the man she thought was her knight in shining armour turns out to be the proverbial bullfrog instead”*. [Blaire, 2009, www]. – Многие женщины сегодня жалуются, что мужчина, который виделся рыцарем в сверкающих доспехах оказался негодяем).

Рассуждая о трансформации духовных ценностей, мы согласны с В. И. Карасиком, что духовное самосовершенствование уходит на второй план в связи с выдвиганием на первый план ценностей, связанных с материальным благосостоянием человека. Романтическое служение обществу также считается не актуальным направлением у наших современников [Карасик, 2014, с. 101]. Констатация такого положения дел иллюстрируется смеховыми текстами, например: *«Раньше при встрече приподнимали шляпу. Сейчас достают из уха наушник. В знак особого уважения достают два»*. *«Вежливость – это не только послать, но и проводить»* [Прикольные открытки,

www]. В приведенных высказываниях выбрана юмористическая тональность с целью 1) привлечь внимание к содержательной части, 2) «критически переосмыслить в мягкой форме актуальные концепты» [Карасик, 2002, с. 333], а именно, концепт «вежливость». Данные тексты иллюстративно демонстрируют ситуацию выветривания и «карнавализации» (по М. М. Бахтину) культурных ценностей.

В связи со сказанным наше внимание также привлек текст, опубликованный в англоязычной газете Gulfnews в рубрике World | UK | London под названием *“The Changing Face of Chivalry”* [The Changing Face of Chivalry, www] – Меняющееся лицо рыцарственности. Во вступительном предложении намечена тема статьи: *“Texts and tea-making, rather than opening doors for ladies, is the mark of a modern gent”*. – СМС-ки и заваривание чая, а не придерживание двери для дамы, отличают современного джентльмена. Далее в статье современному джентльмену в качестве нормы предписывается выполнение следующих действий: регулярно отправлять СМС и выбрасывать мусор: *“If you're trying to impress a woman, don't bother paying for dinner or holding open her car door. These days, it seems the mark of a gentleman is texting regularly and putting the rubbish out”*. – Если хотите удивить женщину, то даже и не думайте платить за ужин или открывать ей дверь машины. Сегодня джентльмен должен регулярно писать СМС и выбрасывать мусор; приносить чай в постель, поддерживать в преодолении похмельного синдрома и помогать заправлять машину: *“A combination of hectic lifestyles and advancing technology have dramatically changed women's perceptions of what constitutes a true gent. It is a longing for a modern man who brings his lady a cup of tea in bed, nurses her through her hangovers and fills her car with petrol”*. – Сочетание стремительно-изнуряющего стиля жизни с техническим прогрессом заставили женщину пересмотреть свое восприятие истинного джентльмена. Предел мечтаний – это современный мужчина, который приносит чай в постель, помогает преодолеть похмельный синдром и заправляет машину. Все выводы в данной статье делаются на основании опроса, проведенного фирмой *Austin Reed* (престиж-

ный английский бренд классической одежды) среди 3000 женщин. Третья часть опрошенных признала не актуальными традиционные рыцарские знаки внимания, оказываемые женщинам (*“a third attach no importance to traditional gestures of chivalry, such as men asking them to dance or requesting their hand in marriage, etc.”*).

В данной статье выдвигается тезис о том, что именно современная культура и стиль жизни, а не воспитание или его отсутствие, диктуют новые нормы поведения. В целом рыцарственность получает высокую оценку, но, как указывается в заголовке, рыцарственность меняет свое лицо, в результате чего происходит, на наш взгляд, карнавальное переворачивание ценностей. Джентльменская вежливость находит проявление в современном англоязычном мире, но реализуется по-новому, в соответствии с требованиями, предъявляемыми современной массовой культурой.

Резюмируем. В современном англоязычном мире вежливость как ценность актуальна хотя бы по той причине, что она вызывает оживленные споры. С одной стороны, под *courtesy* подразумевается проявление учтивости, уважения, внимания, доброжелательности, хороших манер и рыцарственного отношения к женщине. Эта гендерная специфика восходит к идеалам куртуазной любви и рыцарственности. С изменениями потребностей и общего культурного фона современного общества, с выветриванием традиционных ценностей и их карнавализацией вежливое отношение к женщине может видоизменяться, и традиционные рыцарственные жесты оказываются старомодными и не востребованными; на их место приходят новые.

С другой стороны, существует тенденция к нейтрализации гендерности, и концепт «куртуазность» трансформируется в концепт «вежливость», понятийным содержанием которого является вежливое, внимательное, тактичное обращение с людьми. В этом смысле концепт «вежливость» реализуется в различных дискурсах: политическом, юридическом, деловом и др.

Выводы к главе 2

1. Ценностная интерпретация может определять культурно-языковую специфику. Анализ фундаментальных концептов рыцарской культуры позволяет понять, какими были основные культурные ориентиры и стремления средневекового общества.

2. В Средние века действительными важными аспектами рыцарства являются военный и религиозный. Со временем более актуальным становится выделение такого аспекта, как система нравственного поведения. Рыцарское сословие исчезло как класс, но оно оставило целый набор нравственных принципов, который оказался необыкновенно востребованным в последующие культурные эпохи. Рыцарский кодекс поведения оказал непосредственное влияние на взгляды английских джентльменов. Рыцарское поведение получает высокую оценку в современном мире.

3. Динамика оценочных характеристик концепта «честь» заключается в экспорте концепта честь из чисто военного дискурса в другие дискурсы; в размывании гендерной специфики концепта «честь». Средневековым рыцарем честь понимается как: 1) сила, отчаянное мужество, проявленные в честном бою; 2) уважение к врагу, порядочность и милосердие в обращении с соперником; 3) благородство как в поведении, так и в происхождении; 4) справедливость; 5) честность, выполнение своих обещаний, следование своему «рыцарскому» слову (что, как правило, подчеркивается). В современной интерпретации носителей английского языка ценностное понятие *честь* как характеристика рыцарской личности означает: 1) уважение; 2) честность; 3) верность, самоотверженность; 4) отстаивание чего-либо, борьба за что-либо; 5) достоинство, репутация; 5) любой акт доброты, гуманного отношения к людям.

4. Концепт «вера» является очень важной составляющей рыцарского кодекса поведения, поскольку средневековый рыцарь, как представитель своей эпохи рассматривает всю свою жизнь через призму христианства. *Вера* тесно переплетается с понятием *верности* в рыцарском сознании, поскольку все христианское служение основано на этой добродетели. Рыцарю следует сохранять *верность* своим религиозным убеждениям, а служение Богу выражается через вер-

ное служение своему отечеству, королю и сеньору, что также имеет большой смысл в условиях сеньориально-вассальных отношений в феодальном обществе. Нормы поведения, вытекающие из положительной оценки, которую получает концепт «вера», нацеливают рыцаря на соблюдение всех заповедей Христовых, на несение верной службы церкви и своему сеньору. В художественной литературе христианской вере противопоставляется язычество, а все нарушения или отклонения от веры заслуживают крайне отрицательной оценки. В отличие от средневековья, в современной интерпретации концепта «вера» связь с религией (христианством) может отсутствовать. Концепт «вера» находит реализацию в религиозном, деловом, политическом, юридическом дискурсах. Для церкви – это некий фундамент; священство призывает возрождать *веру* в Бога. В бизнесе, политике, юриспруденции – это этическая категория, которой пренебрегают, в результате чего возникают конфликты, недоверие, жалобы, подозрения, что значительно затрудняет взаимоотношения партнеров, клиентов и т.д.

5. Концепт «куртуазность» в средневековой культуре выступает в значении набора придворных манер и рыцарских добродетелей, которые пересекаются с ценностными ориентирами рыцарского кодекса, а центральным местом *куртуазности* является *культ дамы*. В рамках *культа дамы* рыцарю предписывается иметь даму сердца, служению которой он посвящает свою жизнь. Кроме того, рыцарь всегда готов защитить честь и жизнь любой дамы, которой угрожает какая-либо опасность. Амбивалентность оценок современных носителей языка в отношении *куртуазности* зависит от социальных и экономических процессов, которые происходят в обществе, таких как глобализация, женская эмансипация, техническая революция и др. Концепт «куртуазность», теряющий гендерную специфику в современном англоязычном мире, трансформируется в концепт «вежливость», который реализуется в разных дискурсах: в политическом, юридическом, деловом, педагогическом и др.

Заключение

Как и любой этический кодекс, рыцарский кодекс поведения представляет собой некую идеальную модель, состоящую из моральных общечеловеческих ценностей. Реальные исторические рыцарские фигуры были не в состоянии в силу многих социально-экономических и других факторов следовать данной модели поведения. Тем не менее, данный идеал воспет в рыцарской художественной литературе, образ рыцаря до такой степени романтизирован, что рыцарь представляет собой модельную личность. Рыцарь как обобщенный образ и одна из самых узнаваемых фигур средневековой культуры рассматривается в работе как исторический лингвокультурный типаж, в структуре которого выделяются понятийный, образный и оценочный компоненты.

Интерес церкви к рыцарскому военному сословию состоял в том, чтобы поставить себе на службу профессиональных солдат. Соответственно, приводимый нами в начале первой главы пример кодекса рыцарской чести во многом носит религиозный характер и представляет собой набор норм, предписывающих быть верным церкви и исполнять все обязанности примерного христианина, быть честным, храбрым, великодушным, милосердным, справедливым. Рыцарская соревновательная по сути своей среда подталкивает рыцаря к стремлению к славе, к подтверждению рыцарской чести, что не получает одобрения у церкви, поскольку эта черта идет вразрез с христианскими догматами. Рыцарская же культура признает категории чести и славы своими ценностными ориентирами, развиваясь, таким образом, по двойным стандартам. Еще одна ценностная составляющая, которая также стала ассоциироваться с рыцарским кодексом поведения – это куртуазность с ее набором придворных манер и декларируемой куртуазной любовью, породившей культ дамы. Такая противоречивость ценностных ориентаций, одни из которых основаны на христианских добродетелях, а другие – носящие чисто светский характер – полностью вписывается в общую картину жизненных воззрений и мироощущения периода Средневековья. Кроме того, рыцарский ко-

декс поведения унаследовал некоторые принципы (честь, щедрость, храбрость) у германских племен дохристианского периода. Таким образом, кажущийся конфликт ценностей, очень гармонично уживался в рыцарском кодексе поведения.

Концепт «рыцарственность» репрезентирует рыцарский кодекс поведения. Предполагается, что рыцарь должен вести себя в соответствии с нормами поведения, предписываемыми всем представителям данного благородного сословия, а именно руководствоваться *честью*, жить с *верой* и следовать принципам *куртуазности*. Данные ценности являются основополагающими в рыцарском кодексе поведения.

Честь, как ценностный ориентир являлась краеугольным камнем рыцарской системы ценностей. В средневековой картине мира *честь* ассоциируется с мужеством, славой, щедростью, честностью, знатностью. Сегодня *честь* несомненно рассматривается как духовная ценность, потерявшая, однако, свою жизненную силу, поскольку в целом культурные ориентиры в современном мире оказываются сильно смещены и искажены такими лжеценностями как богатство, успех, красота и др.

Вера как суперморальная ценность пронизывала всю жизнь средневекового общества. Христианство имело большое влияние на военное сословие рыцарей. Под влиянием церкви создавались духовные рыцарские ордена, организовывались крестовые освободительные походы. *Вера* связана с понятием *верности* не только словообразовательными отношениями, но и концептуальной связью. Рыцарская *вера* предполагала *верное* служение Господу, сеньору, прекрасной даме, обозначала доверие и верность. *Верность* проявлялась и в духовном, и в светском планах. Как *верный* христианин, рыцарь также обязан был выполнять свои обязанности вассала и служить своему сеньору. Понимание *веры* у современных носителей языка в высшей степени разнообразно (от доверия, уважения, следования каким-либо убеждениям, совсем не обязательно религиозным и до различного рода мистификации),

таким образом, понятийное содержание концепта «вера» представляется разнообразным.

Куртуазность имеет богатое образное и ценностное содержание; подразумевает владение придворным этикетом и представляет собой набор манер, таких как учтивость, галантность, обходительность, проявление высших рыцарских добродетелей. *Куртуазность* порождает феномен *культы дамы*, который, на наш взгляд, является центральным местом куртуазности. В эпоху Средневековья куртуазность носила маскулинный характер.

Рассмотрение динамики перечисленных ценностей осуществляется путем их моделирования в средневековой картине мира с одной стороны, и в современной картине мира, с другой. Данный сравнительный анализ выявляет внутренние изменения (комбинаторику и содержание ценностей) и внешние (отношение к ним в современном мире).

Данные ценности рассматриваются в рамках данной работы как концепты.

В современной англоязычной коммуникативной практике постепенно нейтрализуется гендерная специфика поведения, и это прослеживается применительно к концептам «честь» и «вежливость»: принято говорить не о рыцарственном мужчине, а о рыцарственной личности, и вежливое и обходительное поведение ожидается как от мужчин, так и от женщин. Концепт «честь» выходит за рамки военного дискурса и может реализовываться в политическом, юридическом, медицинском и других дискурсах. Содержание этого концепта остается относительно стабильным, в то время как концепт «вера» в значительной мере трансформируется в концепт «доверие», а концепт «куртуазность» – в концепт «вежливость». Концепты «вера» и «вежливость», как и «честь», в современном англоязычном мире бытуют в различных дискурсах.

Рыцарский кодекс поведения воплотился во многих этических кодексах, в том числе и в модели поведения английских джентльменов. Он также экспортировался в американскую культуру, оказав влияние на модель поведения ковбоев и скаутов. Однако, современные процессы, такие как глобали-

зация; движения феминизм и пр.; пропаганда материальных ценностей постепенно вытесняют те нравственные идеалы, которые пропагандировались рыцарской культурой. Динамика рыцарских ценностей на современном этапе развития культуры определяется как отрицательная, поскольку наблюдается тенденция к выветриванию этих ценностей. Носители английской и американской лингвокультуры выражают обеспокоенность по поводу данного положения дел, на основании чего мы делаем вывод об актуальности рассматриваемых концептов. Рыцарский кодекс поведения как этическая модель продолжает вдохновлять представителей творческих профессий на создание поэтических, драматургических, кинематографических и др. произведений.

Перспективу работы мы видим в более детальном исследовании рыцарского кодекса поведения, в анализе динамики других ценностей рыцарского кодекса поведения, а также более углубленном исследовании рассмотренных ценностей с гендерной, возрастной точек зрения и изучении соответствующих концептов в других лингвокультурах в сопоставительном аспекте.

Библиография

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 288 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litres.ru> (дата обращения: 22.10.2014).
2. Анненкова О.В. Лингвокультурные характеристики англосаксонского властного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград: Волгогр. гос. ун-т, 2005. – 23 с.
3. Асадуллаева А.В. Исторический криминальный лингвокультурный типаж «английский пират»: автореф. ... дис. канд. филол. наук. – Волгоград: Волгогр. гос. соц.-пед. ун-т, 2011. – 23 с.
4. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
5. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е изд. испр. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
6. Аристотель. Сочинения в 4-х томах. – Т.4. – М.: Издательство «Мысль», 1983. – 830 с.
7. Бабаева Е.В. Культурно-языковые характеристики отношения к собственности (на материале немецкого и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград: Волгогр. гос. пед ун-т, 1997. – 21 с.
8. Бабаева Е.В. Концептологические характеристики социальных норм в немецкой и русской лингвокультурах: монография. – Волгоград: Перемена, 2003. – 171 с.
9. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1996. – 104 с.
10. Балашова Е.Ю. Семантическое поле концепта *вера* в светском и религиозном христианском дискурсах (на материале лексикографических источников современного русского и английского языков) // Единицы языка и их функционирование: межвузовский сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2007. – Вып. 13. – С. 77–83.

11. Балашова Е.Ю. Номинативная плотность лингвокультурного концепта «вера / faith» в русском и английском языках // Вестник Иркутск. гос. лингвист. ун-та. – 2010. - №2 (10). Сер. Филология. – С. 92-98.

12. Барабанов Н.Д. Проблема народной религиозности в современной историографии: уроки медиэвистики // Вестник Волгогр. гос. ун-та. – 2005. – Вып. 10. – Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – С. 154-161.

13. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. – М.: Прогресс, 1989 – 616 с.

14. Барышков В.П. Аксиология: учебное пособие. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2009. – 65 с.

15. Басов И.И. Западноевропейское рыцарство XII – XV вв. в евразийском историко-культурном контексте: этика противоборства (опыт сравнительно-исторического исследования): дис... канд. ист. Наук. – Армавир, 2005. – 259 с.

16. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса: монография. – 2-е изд. – М.: Художественная литература, 1990. – 543 с.

17. Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 3. Теория романа (1930–1961 гг.). – М.: Языки славянских культур, 2012. – 880 с.

18. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии: монография. – Волгоград: Перемена, 2007. – 375 с.

19. Бондаренко Т.В. Лингвокультурный типаж «английский дворецкий» // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы: сб. науч. тр. / Под ред. О.А. Дмитриевой. – Волгоград: Парадигма, 2010. – Вып.2 – С. 74–90.

20. Брайант А. Эпоха рыцарства в истории Англии / пер. с англ. Т.В. Ковалёва, М. Г. Муравьёва. – СПб.: Издательская группа «Евразия», 2001. – 578 с.

21. Бровикова Л.Н. Лингвокультурный типаж «английский викарий» // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы: сб. науч. тр. / под ред. О.А. Дмитриевой. – Волгоград: Парадигма, 2010. – Вып.2 – С. 90-99.
22. Булфинч Т. Средневековые легенды и предания о рыцарях / пер. с англ. К. Лукьяненко. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006. – 528 с.
23. Бурыкин А.А. Коммуникативные и социальные функции языка // Вестник Магнитогорского университета, 2000. – №1. – С.106–110.
24. Бурыкин А.А. «Слово о полку Игореве» и фольклор монгольских народов // Л.Б. Олядыкова, А.А. Бурыкин. «Слово о полку Игореве»: современные проблемы филологического изучения. Исследования и статьи. Реконструкция древнерусского текста, перевод, комментарии. – Элиста: Изд-во «Калмыцкий гос. ун-т», 2012. – 267 с.
25. Бутакова Л.О. Региональный аспект изучения языкового сознания: итоги экспериментального исследования // VII Березинские чтения: материалы международной школы-семинара. – М.: ИНИОН РАН, АСОУ, 2011. – Вып.18. – 280 с.
26. Васильева Л.А. Лингвокультурный типаж «британский премьер-министр» (на материале современного английского языка): автореф. ... дис. канд. филол. наук. – Нижний Новгород: Нижегородский гос. лингвистический ун-т им. Н. А. Добролюбова, 2010. – 19 с.
27. Вежбицкая А. Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культуроспецифических контекстах // Альманах «Thesis», 1993. – Вып. 3. – С. 185-206.
28. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А.Д. Шмелева. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
29. Вежбицкая А. Универсальные семантические примитивы как ключ к лексической семантике (сфера эмоций) // Жанры речи: сб. науч. статей. – Саратов: Изд-во Гос УНЦ «Колледж», 2005. – С. 156–182.
30. Вендина Т.И. Средневековая личность в зеркале старославянского языка. – М.: Индрик, 2002. – 336 с.

31. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.
32. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / под ред. и с послесловием акад. Ю.С. Степанова. – М.: «Индрик», 2005. – 1040 с.
33. Виоле-ле-Дюк Э.Э. Жизнь и развлечения в средние века. – Сер.: культура Средних веков в памятниках исторической мысли Франции. / пер. с фр. М.Ю. Некрасова – СПб.: «Евразия», 1997. – 384 с.
34. Воркачев С.Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели): монография. – Волгоград: Перемена, 2003. – 164 с.
35. Воркачев С.Г. «Поединок роковой»: концепт любви в русской поэзии. // Жанры речи: сб. науч. статей. – Саратов: Изд-во Гос. УНЦ «Колледж», 2005. – 438 с.
36. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 280 с.
37. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Америка в сравнении с Россией и Славянством. – М.: Раритет, 1997. – 680 с.
38. Гачев Г.Д. Содержательность художественных форм. Эпос. Лирика. Театр. – М.: Изд-во Моск. Ун-та: Изд-во «Флинта», 2008. – 288 с.
39. Гнатенко П.И. Национальная психология: монография. – Днепропетровск: «Полиграфист», 2000. – 213 с.
40. Голодова Е.Ю. Осмысление чести в средневековой и современной английской лингвокультуре // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 4 (34): в 3-х ч. – Ч.1. – С. 58–62.
41. Горбачева Е.Н. Национально-культурная специфика английского концепта «arguing» («спор») // Этнокультурная концептология: сб. науч. тр. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2006. – Вып.1. – С. 52–59.

42. Гофф ле Ж. Цивилизация средневекового запада. – М.: Издательская группа «Прогресс»: «Прогресс-Академия», 1992. – 376 с.
43. Гофф ле Ж. Средневековый мир воображаемого. – М.: Издательская группа «Прогресс», 2001. – 440 с.
44. Гофф ле Ж. Другое средневековье: Время, труд и культура Запада. – 2 е изд., испр. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 328 с.
45. Грушевицкая Т.Г., Садохин А.П. Культурология: учебник. – М.: Юнити-Дана, 2010. – 683 с.
46. Гуляева Е.В. Лингвокультурный типаж «американский адвокат»: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2009. – 177 с.
47. Гуляева Е.В. Лингвокультурный типаж «политик» в современном российском дискурсе // Политическая лингвистика. – Екатеринбург: Изд-во УРГПУ, 2011. – Вып. 3 (37). – С. 184–187.
48. Гумилев Н.С. Антология английской поэзии. – М.: Арт-Флекс, 2000. – 288 с.
49. Гусар Е.Г. Идеология толерантности и rules of political correctness (на материале дискурса центральных газет) // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: сб. науч. статей. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – Вып. 10. – С. 95–107.
50. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
51. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолствующего большинства. – М.: Искусстве, 1990. – 395 с.
52. Гуревич А.Я. Избранные труды. Культура средневековой Европы. – СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2007. – 544 с.
53. Гуревич А.Я. Индивид и социум на средневековом западе. – СПб.: «Александрия», 2009. – 492 с.
54. Даркевич В.П. Народная культура средневековья. – М.: Наука, 1988. – 344 с.

55. Дементьев В.В. Светская беседа: жанровые доминанты и современность // Жанры речи: сб. науч. ст. – Саратов: Изд-во гос. учебно-научного центра «Колледж», 1999. – С. 157–177.

56. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX в. // Язык и наука конца XX века. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. – С. 239—320.

57. Деревянская В.В. Лингвокультурный типаж «колониальный служащий»: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2008. – 216 с.

58. Дженкова Е.А. Ассоциативные характеристики номинантов концепта «вина» / «schuld» в современном русском и немецком социумах // Этнокультурная концептосфера: общее, специфичное, уникальное: материалы науч. конф. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2006. – С 43–45.

59. Дмитриева О.А. Коммуникативный типаж: к определению этнокультурной специфики // Единицы языка и их функционирование: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Науч. кн., 2004. – С. 241–244.

60. Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж «французский буржуа» // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С.74–88.

61. Дмитриева О.А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX века: дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2007. – 374 с.

62. Евсюкова Т.В. Лингвокультурологическая концепция «словаря культуры»: дис. ... д-ра филол. наук. – Нальчик, 2002. – 304 с.

63. Елина Е.А. Старая русская армия и ее типажи // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи. – Волгоград: Парадигма, 2005. — С. 116–128.

64. Иванов К.А. Средневековый замок и его обитатели. – СПб.: Типо-литография М. Фроловой, 1907. – 125 с.

65. Иванов К.А. Многоликое средневековье. М.: Алетейа, 1996. – 432 с.

66. Ивушкина Т.А. Язык английской аристократии: социально-исторический аспект: монография. – Волгоград: Перемена, 1997. – 157 с.

67. Ивушкина Т.А. Социальные аспекты развития английской речи: дис. ...д-ра филол. наук. – Москва, 1998. – 391 с.

68. Ивушкина Т.А. Английская аристократия сегодня: по материалам опросов и интервью // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 1999. – 272 с.

69. Ивушкина Т.А. Лингвокультурный типаж «английский аристократ» // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С.62–74.

70. Карасик А.В. Фанат как типаж современной массовой культуры // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи: сб. науч. тр. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 269–282.

71. Карасик А.В. Коммуникативное поведение британцев: Джон Морган о нормах вежливости // Единицы языка и их функционирование: межвузовский сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2007. – Вып. 13. – С. 259–265.

72. Карасик В.И. Язык социального статуса. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. – 330 с.

73. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. – Волгоград – Архангельск: Перемена, 1996. – С. 3–16.

74. Карасик В.И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 1999. – 272 с.

75. Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2001. – С. 3–16.

76. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.

77. Карасик В.И. Коммуникативный типаж: аспекты изучения // Аксиологическая лингвистика: проблемы и перспективы: тез. докл. междунар. науч. конф. – Волгоград: Колледж, 2004. – С. 48–50.

78. Карасик В.И. Американский супермен как коммуникативный типаж // Интенсивное обучение иностранным языкам: проблемы методики и лингвистики. – Волгоград, 2004. – Вып. 2. – С. 105-113.

79. Карасик В.И., Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия. // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типаж. – Волгоград, 2005. – С. 5–25.

80. Карасик В. И. Этноспецифические концепты // Иная ментальность / В.И. Карасик, О.Г. Прохвачева, Я.В. Зубкова, Э.В. Грабарова. – М.: Гнозис, 2005. – 352 с.

81. Карасик В.И. Языковые ключи. – Волгоград: Парадигма, 2007. – 520 с.

82. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. – М.: Гнозис, 2010. – 351 с.

83. Карасик В.И. Языковая матрица культуры. – Волгоград: Парадигма, 2012. – 448 с.

84. Карасик В.И. Аксиогенная ситуация как единица ценностной картины мира // Политическая лингвистика. – 2014. – № 1 (47). – С. 65 - 75.

85. Карасик В.И. Языковое проявление личности. – Волгоград: Парадигма, 2014. – 450 с.

86. Кардини Ф. Истоки средневековья. М.: Прогресс, 1987. – 384 с.

87. Карпухина В.Н. Аксиологические стратегии текстопорождения и интерпретации текста (на материале стихотворений Р. Киплинга и их переводов на русский язык): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2001. – 17 с.

88. Катермина В.В. Представление национально-культурной специфики образа человека в системе номинаций XIX века (на материале русского и английского языков): дис. ... д-ра филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2004. – 343 с.

89. Кашкарев В.А. Средства вербализации концепта «вера» в английском языке // Язык. Культура. Коммуникация. На перекрестке миров: материалы III-я Междунар. науч. конф. – Чернигов: Черниговский национальный пед. ун-т им. Т.Г. Шевченко, 2012. – С. 61–63.

90. Кин М. Рыцарство. – М.: Научный мир, 2000. – 520 с.

91. Кормилицына М.А., Шамьенова Г.Р. Категория вежливости в оценочных речевых жанрах // Жанры речи: сб. науч. ст. – Саратов: Изд-во гос. учебно-научного центра «Колледж», 1999. – С. 257–266.

92. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.

93. Коровина А.Ю. Лингвокультурный типаж «сноб» в английской художественной литературе // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы: сб. науч. тр. – Волгоград, 2005. – С. 223–234.

94. Коровина А.Ю. Лингвокультурный типаж «английский сноб»: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2008. – 226 с.

95. Королевский двор в Англии XV – XVII веков / ред. и сост. С.Е. Федоров // Труды исторического факультета СПбГУ. – СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского ун-та, 2011. – Т. 7. – 386 с.

96. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: монография. – Волгоград: Перемена, 2001. – 495 с.

97. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.

98. Кружков Г.М. «Я слышу голос, говорящий в ветре»: жизнь и поэзия А. Теннисона // А. Теннисон. Волшебница Шалотт и другие стихотворения. – М.: Текст, 2007. – 401 с.

99. Крюков А.В. Концептуализация интеллектуальных характеристик человека (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград: Волгогр. гос. пед. ун-т, 2005. – 24 с.

100. Лаврентьева Л.Р. Концепт «верность» в языке англосаксонской поэзии VII – XI вв. (лингво-этнический аспект): автореф. дис. ... канд. филол.

наук. – Владивосток: Читинский гос. ун-т: Новосибирский гос. ун-т, 2006. – 26 с.

101. Лазарева Т.Г. Возвращение к роману о средневековье: Умберто Эко и Вальтер Скотт // Известия РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. – Вып. 87 – С. 115–122.

102. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. / под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

103. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 516 с.

104. Ларина Т.В. Англичане и русские: Язык, культура, коммуникация. – М.: Языки славянских культур, 2013. – 360 с.

105. Леонтович О.А. Методы коммуникативных исследований. – М.: Гнозис, 2001. – 224 с.

106. Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. – Волгоград: Перемена, 2002. – 435 с.

107. Леонтьев Д.А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности // Вестник Моск. ун-та. – Психология. – Сер. 14. – 1996. – № 4. – С. 35–44.

108. Леонтьев Д.А. Ценности и ценностные представления, 1998 // Мир психологии. [Электронный источник]. URL: <http://psychology.net.ru/articles/content/1099134699.html> (дата обращения: 16.11.2013).

109. Ливен Д. Аристократия в Европе 1815 – 1914. – СПб.: Акад. проект, 2000. – 364 с.

110. Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография / под ред. Е.Ф. Серебренникова – М.: ТЕЗАУРУС, 2011. – 352 с.

111. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – 1993. – Т. 52. – № 1. – С. 3–9.

112. Логический анализ языка: Языки этики / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.К. Рябцева. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 448 с.
113. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 480 с.
114. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике и топологии культуры // Избранные статьи: в 3-х томах. – Таллин: «Александра», 1992. – Том 1. – 480 с.
115. Лутовинова О.В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса. – Волгоград: Перемена, 2009. – 476 с.
116. Лутовинова О.В. Лингвокультурный типаж «ламер» // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы: сб. науч. тр. / под ред. О.А. Дмитриевой. – Вологоград: Парадигма, 2010. – Вып. 2. – С. 142-152.
117. Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. – Архангельск, 1997. – Вып. 1. – С.11–35.
118. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
119. Макарова Л.И. Англоязычный лингвокультурный типаж «денди» // Антропологическая лингвистика: сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Красавского, В.П. Москвина. – Волгоград: Колледж, 2006. – Вып. 5. – С. 135–141.
120. Маковский М.М. Английские социальные диалекты. – М.: Высшая школа, 1982. – 137 с.
121. Малинович Ю.М. Антропологическая лингвистика как интегральная наука: лингвофилософский и лингвопонятийный базис // Антропологическая лингвистика: Вестник ИГЛУ. – 2004 – №7. – С.4–15.
122. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Изд. центр «Академия», 2001. – 208 с.
123. Мелетинский Е.М. Средневековый роман: происхождение и классические формы. – М.: Наука, 1983. – 303 с.
124. Мелори Т. Смерть короля Артура. М.: Наука, 1974. – 904 с.
125. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика : учеб. пособие. – 2-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 206 с.

126. Мироненко М.В. Характеристика коммуникативного поведения «шута горохового» // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типы: сб. науч. тр. – Волгоград: Волгогр. гос. пед. ун-т, 2005. – С. 252–265.
127. Мироненко М.В. Шутник как коммуникативная личность: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград: Волгогр. гос. пед. ун-т, 2005. – 19 с.
128. Михайлов А.Д. Роман и повесть высокого Средневековья // Средневековый роман и повесть. – Москва: «Художественная литература», 1974. – С. 5–28.
129. Мищенко М.В. Образ ковбоя в американской культуре // Интенсивное обучение иностранным языкам: проблемы методики и лингвистики: сб. науч. ст. / под ред. А.Е. Томахиной. – Волгоград: Перемена, 2004. – Вып. 2. – С. 113–131.
130. Монмутский Г. История бриттов. Жизнь Мерлина. – М.: Наука, 1984. – 293 с.
131. Мортон А.Л. Английская утопия / пер. с англ. О.В. Волкова / под ред. и со вступит. статьей В.Ф. Семенова. – М.: Иностранная литература, 1956. – 269 с.
132. Мурзинова И.А. Лингвокультурный типаж «британская королева» // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типы: сб. науч. тр. / под ред. О.А. Дмитриевой. – Волгоград: Парадигма, 2010. – Вып. 2. – С. 62-73.
133. Нахов И.М. Книги на все времена // Европейский эпос античности и средних веков. – М.: Детская литература, 1989. – С. 3–30.
134. Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод: сб. науч. тр. Моск. линг. ун-та. – М.: изд-во Моск. линг. ун-та, 1996. – Вып. 426. – С. 112-116.
135. Нерознак В.П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков: межвуз. сб. науч. тр. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998. – С.80-85.

136. Николаева И.Ю. Культурные коды западно-европейского средневековья в историческом интерьере их бытования // Методология исторического познания. – Томск: Вестник Томского гос. ун-та. – 2004. – №281. – С. 76–90.
137. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: монография. – Волгоград: Перемена: Политехник, 2004. – 600 с.
138. Олянич А.В. «Пижон» как коммуникативный типаж: лингвосомиотические и дискурсивные презентационные характеристики // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типаж: сб. науч. тр. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 234–249.
139. Орлова Е.И. Ценностная специфика рыцарского идеала и его культурные формы: дис. ... канд. культурологи. – Волгоград, 2009. – 189 с.
140. Орлова Н.В. Язык теоретической этики и язык «наивной» морали в аспекте проблемы прямых/косвенных языковых средств // Прямая и непрямая коммуникация: сб. науч. статей. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2003. – С. 253–263.
141. Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. Роман и художественная публицистика / пер. с англ.; сост. В.С. Муравьев; предисл. А.М. Зверева; коммент. В.А. Чаликовой. – М.: Прогресс, 1989. – С. 309–343.
142. Оссовская М. Рыцарь и буржуа. – М.: Прогресс, 1987. – 528 с.
143. Паскова Н.А. Концепт «женщина» в текстах среднеанглийского периода (опыт семантической реконструкции на основе произведений Дж. Чосера): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск: Иркутский гос. лингвистический ун-т, 2004. – 18 с.
144. Перельман Г.И., Семихина И.А. Особенности вербального выражения вежливости в немецком языке (лингводидактический аспект) // Актуальные проблемы теории и методологии науки о языке: сб. материалов междунар. науч.-метод. конф. – СПб.: Изд-во ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2005. – С. 58–60.

145. Пименова М.В. Концепт *надежда* в русской языковой картине мира // Человек и его язык (К 75-летию проф. В.П. Неद्याлкова). – Кемерово: Графика, 2003. – Вып. 4. – С. 47–67.
146. Плавинская В.С. Обозначение концептов «fun – удовольствие» в паремиологическом фонде английского и русского языков // Этнокультурная концептосфера: общее, специфичное, уникальное: материалы науч. конф. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2006. – С. 93–94.
147. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Истоки, 2001. – 192 с.
148. Почепцов Г.Г. Имиджелогия. – М.: Рефл-бук: Ваклер, 2000. – 768 с.
149. Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов. – М.: Художественная литература, 1974. – 576 с.
150. Привалова И.В. Языковое сознание: этнокультурная маркированность (теоретико-экспериментальное исследование): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2006. – 50 с.
151. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 2001. – 144 с.
152. Радван В.М. Американский супермен как лингвокультурный типаж // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 155–166.
153. Рисинзон С.А. Общее и этнокультурное в русском и английском речевом этикете: монография. – Саратов: Издательский Центр «Наука», 2010. – 419 с.
154. Роллестоун Т. Мифы, легенды и предания кельтов / пер. с англ. Е.В. Глушко. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. – 349 с.
155. Роттердамский Э. Похвала глупости: сатира Э. Роттердамского / пер. с латинского, с введением и примечанием П.Н. Ардашева, изд-е 3-е, испр. – Киев: Типография И.И. Чоколов, 1910. – 167 с.

156. Руа Ж.Ж. История рыцарства / пер. Г. Веселкова. – М.: Эксмо, 2007. – 448с.
157. Савельева У.А. Оппозиция концептов «предательство» и «верность» в художественном тексте (на материале трагедии У. Шекспира «Король Лир») // Этнокультурная концептология: сб. науч. тр. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2006. – Вып.1. – С. 123–129.
158. Сапковский А. Нет золота в серых горах. – Москва: Издательство АСТ, 2002. – 374с.
159. Сахарова Н.С., Дмитриева Е.В. Эволюционный ряд грамматического компонента концепта «честь» в английской поэзии XIV и XIX. // Оренбургский государственный университет // Вестник ОГУ. – 2013. – №11 (160). – С. 162-168.
160. Светоносова Т.А. Сопоставительное исследование ценностей в российском и американском политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2006. – 22 с.
161. Селиверстова Л.П. Лингвокультурный типаж «звезда Голливуда»: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2007. – 186 с.
162. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе: монография. – М.: Academia, 2000. – 128 с.
163. Слышкин Г.Г. Номинативная плотность и номинативная диффузность концепта // Интенсивное обучение иностранным языкам: проблемы методики и лингвистики: сб. науч. ст. / под ред. А.Е. Томахиной. – Волгоград: Перемена, 2004. – Вып. 2. – С. 98–105.
164. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография. – Волгоград: Перемена, 2004. – 340 с.
165. Слышкин Г.Г., Щеглова Л.В. Влияние мифа о короле Артуре на социокультурный процесс формирования рыцарских идеалов // Феноменология культуры: уникальное и универсальное: сб. тр. науч. школы д.ф.н, проф.

Л.В. Щегловой. – Волгоград: Царицынская полиграфическая компания, 2008. – С. 124–138.

166. Солопова О.А. Метафорическое моделирование образов настоящего, прошлого и будущего в дискурсе парламентских выборов в России (2003 г.) и Великобритании (2001 г.): дис. ... канд. филол. наук.– Екатеринбург, 2006. – 245 с.

167. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.

168. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 248 с.

169. Стернин И.А. Общение и культура // Русская разговорная речь как явление городской культуры. – Екатеринбург: Арго, 1996. – С. 13–21.

170. Стернин И.А. Язык и национальное сознание // Логос. – 2005. – №4 (49). – С. 156–171.

171. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / учеб. пособие. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.

172. Тимко Н.В., Головенкина Ю.А. Ценности русских в аспекте перевода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2014. – № 4 (34). – Ч.1. – С. 203–206.

173. Томахина И.Г. Лингвистические характеристики концепта вежливости в детской литературе XIX в. (на материале произведений Карло Коллоди, Льюиса Кэрролла и Льва Толстого) // Интенсивное обучение иностранным языкам: проблемы методики и лингвистики: сб. науч. ст. / под ред. А.Е. Томахиной. – Волгоград: Перемена, 2004. – Вып. 2. – С. 143–148.

174. Феофраст. Характеры / пер., статья и прим. Г.А. Стратановского. – Л.: Изд-во «Наука», 1974. – 124 с.

175. Фергюсон А.Б. Золотая осень английской рыцарственности. – СПб.: Евразия, 2004. – 352 с.

176. Флори Ж. Идеология меча. Предистория рыцарства. – СПб.: Евразия, 1999. [Электронный источник]. URL: <http://www.infanata.org> (дата обращения: 12.03.2014).

177. Фромм Э. Иметь или быть? Ради любви к жизни / пер. с англ.; предисловие П.С. Гуревича. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 384 с.

178. Хазагеров Г.Г. Персоносфера русской культуры // Новый мир. – 2002. – №1. [Электронный источник]. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2002/1/hazag.html (дата обращения: 14.10.2014).

179. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / под общ. ред. К. Королева; пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: Изд-во АСТ, 2003. – 603 с.

180. Хейзинга Й. Осень Средневековья / пер. с нидерландского Д.В. Сильверстова. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 4-е изд.– 544 с.

181. Церенова Ж.Н. Лингвокультурный типаж «английский колониальный служащий» // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типы: сб. науч. тр. – Волгоград, 2005. – С. 202–212.

182. Церенова Ж.Н. Концепт «кочевье» в калмыцкой, русской и американской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2005. – 203 с.

183. Цивилизации: диалог культур и цивилизаций / отв. ред. А.О. Чубарьян. – М.: Наука, 2006. – Вып. 7. – 278 с.

184. Черный рыцарь. [Электронный источник]. URL: <http://metod-sunduchok.ucoz.ru/load/55-1-0-1285> (дата обращения: 15.07.2013).

185. Шадеко В.П. Молчание Парцифалья и драгоценный камень Граала: проблема нравственности в рыцарском романе Вольфрама Эшенбаха «Парцифаль» // Актуальные проблемы теории и методологии науки о языке: сб. материалов междунар. науч.-метод. конф. – СПб.: Изд-во ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2005. – С. 119–123.

186. Шамне Н.Л. Актуальные проблемы межкультурной коммуникации: учеб. пособие. – Волгоград: Изд. Волгогр. гос. ун-та, 1999. – 208 с.
187. Шаховский В.И. Эмоции в национальном характере и стереотипах как лингвокультурологическая и лингводидактическая проблема // Интенсивное обучение иностранным языкам: проблемы методики и лингвистики: сб. науч. ст. / под ред. А.Е. Томахиной. – Волгоград: Перемена, 2004. – Вып. 2. – С. 210–216.
188. Шаховский В.И., Шейгал Е.И. Методика лингвистических исследований: учеб.-методич. пособие для соискателей, аспирантов, магистрантов. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2010. – 123 с.
189. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 326 с.
190. Шильникова И.С. Когнитивное моделирование лингвокультурного типажа the man of property на материале произведений Джона Голсуорси: автореф. ... дис. канд. филол. наук. – Иркутск: Иркутский гос. лингвистический ун-т, 2010. – 23 с.
191. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю. – М.: Яз. славян. культуры, 2002. – 224 с.
192. Щеглова И.В. Лингвокультурный типаж «чиновник» (на материале русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград: Волгогр. гос. пед. ун-т, 2010. – 25 с.
193. Щеглова Л.В. Судьбы российского самопознания: П.Я. Чаадаев и Н.В. Гоголь. – Волгоград: «Перемена», 2000. – 314 с.
194. Эко У. Имя Розы. М.: Астрель, 2011. – 672 с.
195. Эрлихман В.В. Король Артур: Серия Жизнь замечательных людей. – М.: Издательский дом «Молодая гвардия», 2009. – 346 с.
196. Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. – Киев: Гос. б-ка Украины для юношества, 1996. – 384 с.

197. Янова О.В. Концепт Belief/Trust/Faith: структура и репрезентация в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб.: Российский гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, 2005. – 21 с.
198. Ярмахова Е.А. Типаж «eccentric» в английской лингвокультуре // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи: сб. науч. тр. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 186-202.
199. Ярмахова Е.А. Лингвокультурный типаж «английский чудак»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград: Волгогр. гос. пед. ун-т., 2005. – 19 с.
200. Christopher D. *Everyday Life in Medieval England*. – London: Cambridge university press, 2000. – 336 p.
201. Clanchy M.T., Lehman D., Fletcher J. *England and its rulers 1066 – 1307*. – 4-th edition. – Oxford: Wiley Blackwell, 2014. – 350 p.
202. Digby K.H. *The broad stone of honour or the true sense and practice of chivalry: Godefridus*. – the 1-st book. – London: Printed by R. Gilbert, 1826. – 298 p. // General e-books. [Электронный источник]. URL: <http://www.general-ebooks.com/author/531956-kenelm-henry-digby> (дата обращения: 19.11.2014).
203. Digby K.H. *The broad stone of honour or the true sense and practice of chivalry: Tancredus*. – the 2-nd book. – London: Printed by R. Gilbert, 1826. – 402 p. // General e-books. [Электронный источник]. URL: <http://www.general-ebooks.com/author/531956-kenelm-henry-digby> (дата обращения: 19.11.2014).
204. Digby K.H. *The broad stone of honour or the true sense and practice of chivalry: Morus*. – the 3-d book. – London: Printed by R. Gilbert, 1826. – 313 p. // General e-books. [Электронный источник]. URL: <http://www.general-ebooks.com/author/531956-kenelm-henry-digby> (дата обращения: 19.11.2014).
205. Dominic M. *Holy War in The Song of Roland: The “Mythification” of History* // *Stanford Undergraduate Research Journal*. – 2003. – Vol. II. – P. 2-7.
206. Evans V., Green M. *Cognitive linguistics: An introduction*. – Edinburgh: Edinburgh university press, 2006. – 830 p.

207. Froissart J. Sir. Chronicles of England, France and Spain and the adjoining countries: newly translated from the French editions / by T. Johnes. – the 3-d edition. – London: Longman: Hurst: Rees: Orme: Paternoster-Row: J. White, 1808. – Vol. I. – 315 p.
208. Froissart's chronicles / tr. and ed. by J. Jolliffe. – New-York: Random House, 1967. – 451 p.
209. Goff D.E. Chivalry and modern Times // The International commission on nobility and royalty. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nobility-royalty.com/id80.htm> (дата обращения: 12.10.2014).
210. Gorer G. Exploring English character. – N-Y.: Criterion Books, 1955.
211. Hawes S. The Pastime of pleasure: an allegorical poem. – Reprinted from the ed. of 1555. – London: T. Richards, 1845. – 225 p. // My books // Google play [Электронный источник]. URL: <https://play.google.com/books> (дата обращения: 10.11.2013).
212. Honeywell M.L. Chivalry as Community and Culture: The Military elite of late thirteenth – fourteenth century England: a thesis ... for the degree of PhD, York: a Centre for Medieval Studies University of York, 2006. – 385 p.
213. Scott W. Sir. Essays on chivalry, romance and the drama. – London: Whittaker and Co., 1834. – Vol. VI. – 397 p. // My books // Google play. [Электронный источник]. URL: <https://play.google.com/books/reader> (дата обращения: 10.11.2013).
214. The Cambridge Companion to Modern British Culture / ed. by M. Higgins, C. Smith, J. Storey. – Cambridge University Press, 2010. – 340 p.
215. English monarchs 400 – 1603 // History of the monarchy // The official website of the British monarchy. [Электронный источник]. URL: <http://www.royal.gov.uk> (дата обращения: 10.10.2014).
216. Vale M.G.A. War and chivalry. – Georgia: the University of Georgia press, 1981. – 207 p.
217. Whittaker A. Speak the Culture: Britain: Be Fluent in British Life and Culture. – London: Thorogood, 2009. – 340 p.

Лексикографические источники и принятые в работе сокращения

1. БЭКМ, 2012 – Большая Энциклопедия Кирилла и Мефодия. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rutor.org/torrent/215684> (дата обращения: 31.10.14).
2. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. – М.: Прогресс–Универс, 1995. – 456 с.
3. КСКТ, 1997 – Краткий словарь когнитивных терминов / общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
4. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. – 416 с.
5. Маковский М.М. Историко-этимологический словарь английского языка. – М.: Издательский дом «Диалог», 1999. – 416 с.
6. НФС, 1999 – Новейший философский словарь / под ред. А.А. Грицанова. – Минск: Изд. В.М. Скакун, 1999. – 896 с.
7. СГТ – Словарь гендерных терминов. [Электронный источник]. URL: <http://www.owl.ru/gender/062.htm> (дата обращения: 11.10.2012).
8. СКСВ – Словарь крылатых слов и выражений [Электронный ресурс]. URL: <http://biserris.ru/16/74.htm> (дата обращения: 13.07.2014).
9. ССР, 2003 – Словарь средневековой культуры / под ред. А.Я. Гуревича. – М.: «Российская политическая энциклопедия», 2003. – 632 с.
10. СФС, 1998 – Современный философский словарь / под ред. В.Е. Кемерова. – Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск: Панпринт, 1998.– 1065 с.
11. ФСРЛЯ – Фразеологический словарь русского литературного языка. [Электронный источник]. URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/frazslov/article/3/8634.htm> (дата обращения: 13.11.2013).

12. ЭАА, 2010 – Энциклопедия английского афоризма. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 476 с.
13. ЭК – Энциклопедия культурологии // Академик. [Электронный источник]. URL: <http://www.terme.ru/dictionary/1170> (дата обращения: 18.09.2014).
14. Энциклопедия короля Артура и рыцарей Круглого Стола / А. Комаринец. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2001.— 461, [3] с.
15. Audioenglish. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.audioenglish.net/dictionary/> (дата обращения 17.11.2013).
16. АБВУ Lingvo. [Электронный источник]. URL: <http://www.lingvo-online.ru/ru> (дата обращения: 20.07.2014).
17. CALD – Cambridge advanced learner’s dictionary. [Электронный источник]. URL: <http://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 12.07.2013).
18. CED – Collins English Dictionary. [Электронный источник]. URL: <http://www.thefreedictionary.com/banneret> (дата обращения: 12.07.2013).
19. LDCE, 1995 – Longman Dictionary of Contemporary English. – Harlow: Longman House, 1995. – 1676 p.
20. OALD, 2005 – Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English / A.S. Hornby. – Oxford University Press, 2005. – 1789 [120] p.
21. OED – Oxford English dictionary. [Электронный источник]. URL: <http://www.etymonline.com/> (дата обращения: 12.07.2013).
22. OEtD – Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. URL: www.etymonline.com (дата обращения: 12.09.2014).
23. OCD – Oxford Collocations Dictionary: for students of English. Oxford University Press, 2009 – 976 p.
24. Thesaurus. [Электронный источник]. URL: <http://www.thefreedictionary.com/dub> (дата обращения: 11.10.2014).
25. WDT – Wordsmyth Dictionary-Thesaurus. [Электронный источник]. URL: <http://www.wordsmyth.net> (дата обращения: 12.07.2013).

Текстовые источники

1. Труа де К. Ивейн, или рыцарь со львом / пер. В. Микушевича // Средневековый роман и повесть. – М.: Художественная литература, 1974. – С. 31–154.
2. Маршак С. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 4. – М.: Художественная литература, 1969. – С. 31–33.
3. Песнь о Роланде // Европейский эпос античности и средних веков. М.: Детская литература, 1989. – С. 473–584.
4. Прикольные открытки – «Аткрытка №276929». [Электронный источник]. – URL: <http://atkritka.com/276929/> (дата обращения: 01.12.2014).
5. Скотт В. Айвенго. – М.: Изд-во АСТ, 2007. – 480 с.
6. Чосер Дж. Кентерберийские рассказы. – М.: Правда, 1988. – 383 с.
7. Эшенбах фон В. Парцифаль / пер. Л.В. Гинзбурга // Средневековый роман и повесть. – М.: Художественная литература, 1974. – С. 261–578.
8. Abels R. Chivalry is a Medieval ethos that has evolved over time. – 2013 // The New-York Times. [Электронный источник]. – URL: <http://www.nytimes.com/roomfordebate/2013/07/30/> (дата обращения: 01.10.2014).
9. Blaire H. Courtesy and acknowledgement. – 2009 // Chivalry Today. [Электронный источник]. URL: <http://chivalrytoday.com> (дата обращения: 07.07.2014).
10. BNC: British National Corpus. [Электронный источник]. URL: <http://info.ox.ac.uk/bnc> (дата обращения: 18.08.2014).
11. Chaucer G. The Canterbury tales. – Penguin books, 1996. – 342 p.
12. Chivalry-Now [Электронный источник]. URL: <http://www.chivalrynow.net> (дата обращения: 10.07.2013).
13. Code of chivalry. [Электронный источник]. URL: <http://www.medieval-life-and-times.info/medieval-knights/code-of-chivalry.htm> (дата обращения: 10.07.2014).

14. Confidence in human nature // Chivalry now. [Электронный источник]. – URL: <http://www.chivalrynow.net/articles2014/really.htm> (дата обращения: 10.06.2013).
15. Corazzo A. Let chivalry die survived by courtesy. – 2013 // The New-York Times. [Электронный источник]. – URL: <http://www.nytimes.com/roomfordebate/2013/07/30/> (дата обращения: 01.10.2014).
16. Farrell S. What is chivalry. – 2002 // Chivalry Today. [Электронный источник]. URL: <http://chivalrytoday.com> (дата обращения: 07.07.2014).
17. Farrell S. Faith, money and chivalry. – 2003 // Chivalry Today. [Электронный источник]. URL: <http://chivalrytoday.com> (дата обращения: 07.07.2014).
18. Farrell S. Convenience, corruption and chivalry. – 2005 // Chivalry Today. [Электронный источник]. URL: <http://chivalrytoday.com> (дата обращения: 30.07.2014).
19. Farrell S. Knights who blow the whistle. – 2005 // Chivalry Today. [Электронный источник]. URL: <http://chivalrytoday.com> (дата обращения: 30.07.2014).
20. Gautier L. La Chevalerie, 1884 // Medieval Code of Chivalry // Medieval Spell. [Электронный источник]. URL: <http://www.medieval-spell.com> (дата обращения: 03.08.2014).
21. Hilmantel R. How to be chivalrous. – 2014 // Chivalry Today. [Электронный источник]. URL: <http://chivalrytoday.com> (дата обращения: 30.07.2014).
22. Scott W., Sir. Ivanhoe. - Wordsworth classics, 1995. – 394 p.
23. Sir Gawain and the Green knight / translated by W. A. Neilson // In parentheses publications, Middle English series. – Cambridge, Ontario, 1999. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.luminarium.org/medlit/gawaintx.htm> (дата обращения: 05.07.2014).

24. Social problems are people problems // Chivalry now. [Электронный источник]. – URL: <http://www.chivalrynow.net/articles2014/really.htm> (дата обращения: 10.06.2013).
25. Tennyson A. Lord. Idylls of the King in twelve books // An electronic Classics Series Publication. [Электронный ресурс]. – URL: http://www2.hn.psu.edu.>...tennyson/idylls_of_the_king.pdf (дата обращения: 10.09.2014).
26. The Changing Face of Chivalry // Gulfnews // World UK. [Электронный источник]. – URL: <http://gulfnews.com/news/world/uk/the-changing-face-of-chivalry> (дата обращения: 15.11.2014).
27. The medieval code of chivalry. [Электронный источник]. – URL: <http://www.medieval-spell.com> (дата обращения: 17.07.2014).
28. The Song of Roland / translated by Jessie Crosland // In parentheses publications, old French series. – Cambridge, Ontario, 1999. [Электронный ресурс]. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. – URL: http://www.yorku.ca/inpar/roland_crosland.pdf (дата обращения: 12.11.2014).
29. The Song of Roland / Webster's Thesaurus Edition. San Diego: ICON Classics, 2005. – 264 p.
30. Troyes de Ch. Yvain, or The Knight with the Lion: Online Medieval and Classical Library [Электронный ресурс]. – URL: <http://omacl.org/Yvain/> (дата обращения: 12.11.2014).
31. Queen Eleanor's confession / Ballads. [Электронный ресурс]. – URL: http://members.tripod.com/poetry_pearls/ePoets/balladeSc.htm#qe (дата обращения: 10.09.2014).
32. Farrel S. What is chivalry? // Chivalry Today. [Электронный ресурс]. – URL: <http://chivalrytoday.com> (дата обращения: 07.07.2014).
33. When a knight won his spurs // Blyth Power. [Электронный ресурс]. – URL: www.blythpower.co.uk/lyrics/Alnwick/knight.htm (дата обращения: 10.09.2014.).